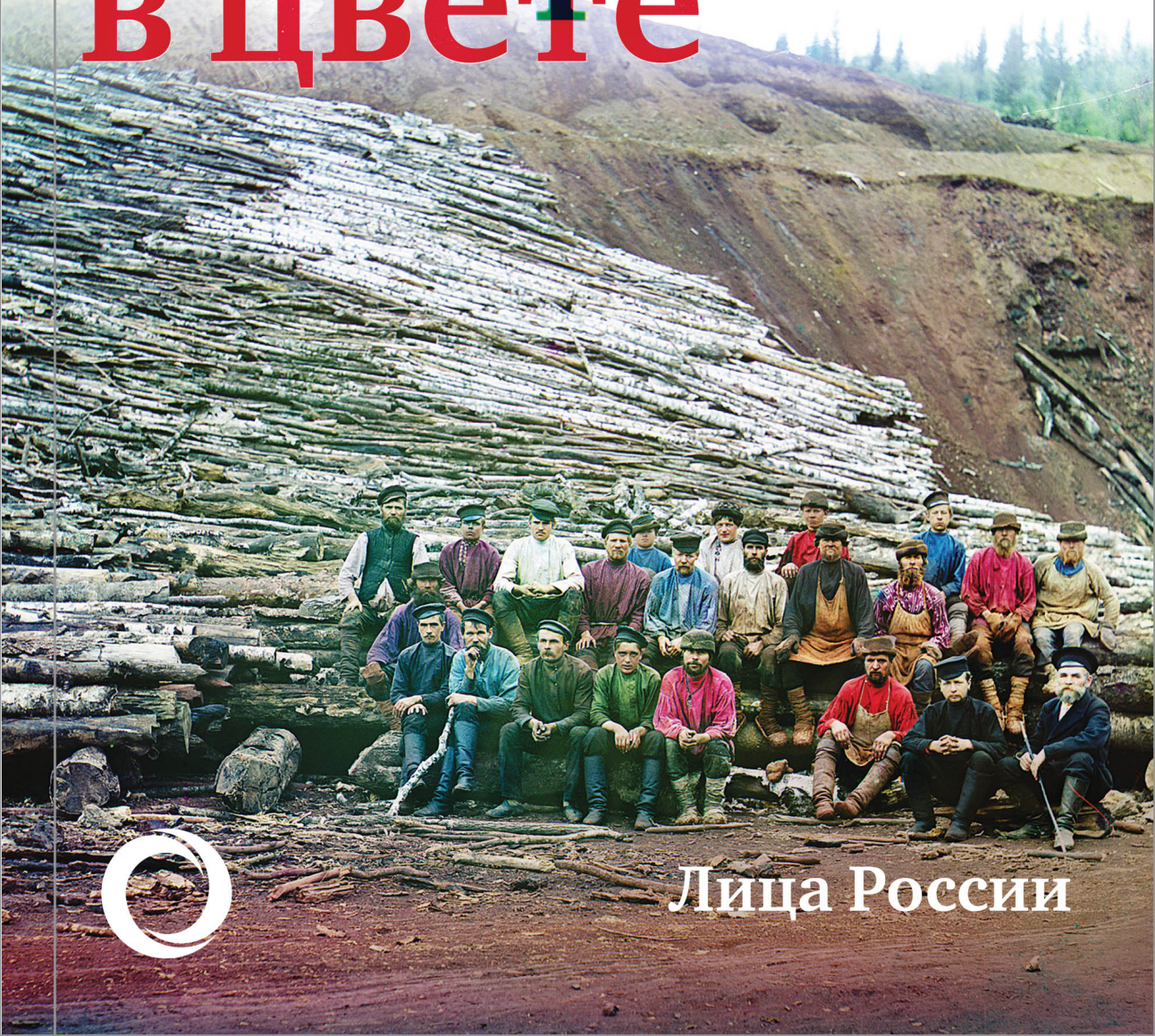

Фотограф
Сергей Михайлович

Прокудин-Горский

Российская империя в цвете

Лица России

Фотограф
Сергей Михайлович

Прокудин-Горский

Российская империя в цвете

Лица России

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва 2019

УДК 908(470)

ББК 26.89(2)

P76

Автор текста – Екатерина Харитоновна

Фотографии на обложке – Накатка дров для обжига руды.
[Тяжелый железный рудник на горе Иркутскан]. 1910 г.
На дрезине у Петрозаводска по Олонецкой железной дороге. 1916 г.

P76 **Российская империя в цвете. Лица России.** Фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 192 с.

ISBN 978-5-17-110711-6

Имя изобретателя, химика, фотографа Сергея Михайловича Прокудина-Горского (1863–1944) занимает особое место в истории русской цветной фотографии. Сохранившаяся часть его знаменитой «Коллекции достопримечательностей Российской империи» ныне находится в Библиотеке Конгресса США.

Это своеобразная энциклопедия безвозвратно ушедшей эпохи. Многие памятники прошлого, запечатленные фотографом, мы можем видеть только на его снимках. Автор четко прослеживает неотъемлемую связь этих редких изображений с историей нашей страны. Нет уже тех ремесел, обычаев, того житейского уклада, а главное, тех людей — живых свидетелей и участников мирных, военных и предреволюционных событий, произошедших в далекой Российской империи в начале XX века.

Книга уникальна тем, что в ней даны подробные описания снимков легендарного пионера отечественной цветной фотографии в пределах обширных границ дореволюционной России. Автор четко прослеживает их неотъемлемую связь с историей нашей страны.

ISBN 978-5-17-110711-6

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Введение

7

**Глава первая.
Кавказ подо мною**

9

**Глава вторая.
Остановись, мгновенье...**

45

**Глава третья.
Горит Восток зарею новой**

75

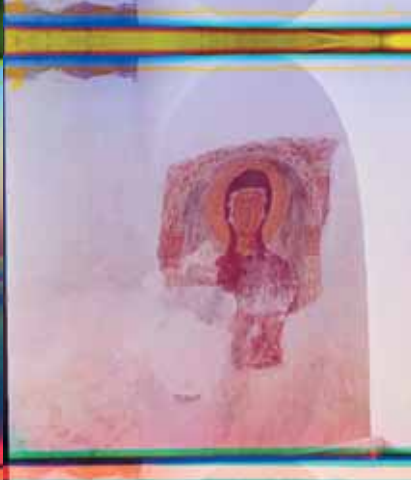
**Глава четвертая.
Среди трудов и бранных непогод**

133

**Глава пятая.
В небо вздыбленный Урал**

163

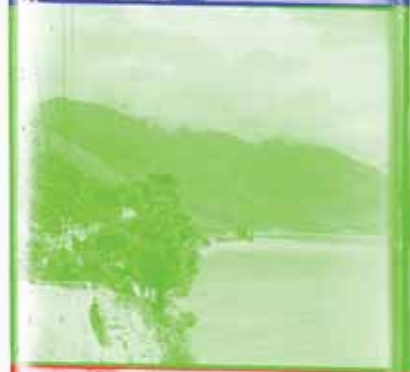

Введение

Имя Сергея Михайловича Прокудина-Горского сейчас стало широко известно, во многом благодаря тому, что 18 лет назад Библиотека Конгресса США отсканировала и выложила в открытый доступ 192 сохранившихся негатива его уникальной коллекции цветных фотоснимков. С тех пор вышло несколько десятков книг, посвященных его творчеству, рассказывающих об его уникальном вкладе в развитие фотографии и кинематографии, появились документальные фильмы, активно заработали сайты, поддержанные специалистами и энтузиастами: уточняются датировки снимков, идентифицируются лица, попавшие в кадр, прослеживаются маршруты фотоэкспедиций. Воссоздаются детали почти детективного спасения коллекции (увы, не полностью) сначала из Советской России, потом из оккупированного Парижа.

История его жизни и (хочется надеяться) еще не завершенная история его коллекции полны удивительных фактов, неразгаданных тайн и ошеломляющих находок. Но, пожалуй, главным и совершенно бесспорным достоинством его работ стала их всеохватность. Прокудин-Горский сумел запечатлеть Российскую империю в последние годы ее существования: строящуюся, работающую, осваивающую новые земли — и срывающуюся в катастрофу с начала Первой мировой войны, а потом революции. «Я ездю по всей России, — говорил он на Всероссийском съезде художников в Петрограде (декабрь 1911 — январь 1912), — и делаю снимки, руководствуясь указаниями и этнографов, и художников, и главным образом местных людей, которые знают свое место больше, чем кто-либо; я воспроизвожу все древнее, все интересное в том или ином отношении... Цель моей работы — дать возможность наглядным обучением школе и народу ознакомиться со своим государством, знать его промышленность, кустарную и в широком смысле, народности и т. д. Понятно, знание своей родины это первая задача каждого живущего в государстве человека». Желая запечатлеть все самое прекрасное, мечтая о введении в русских учебных заведениях предмета «Родиноведение», для которого он неустанно собирал материал, Сергей Михайлович оставил нам энциклопедию ушедшей эпохи. И если некоторые памятники, о бедственном положении коих он тревожился, удалось со временем восстановить, то большая их часть осталась только на его снимках. Вовсе безвозвратно ушли ремесла, обычаи, житейский уклад и люди — этот самый хрупкий и невосполнимый материал.

Побережье у Гагры.

1912 г.

Глава первая.

Кавказ подо мною

В апреле 1904 года Сергей Михайлович отправился в одно из самых труднодоступных и, возможно, живописных в Российской империи мест: в горы Дагестана. Что подвигло его на эту поездку, до сих пор остается загадкой. Считается, что, получив новое оборудование и фотоматериалы, он лишь полугодом раньше, в сентябре-октябре 1903-го, опробовал его на Карельском перешейке, Сайменском канале и Сайменском озере. Мысль запечатлеть империю в ее необъятных пределах, возможно, уже возникла у Прокудина-Горского, но ни финансово, ни идейно она не была поддержана какой бы то ни было организацией или серьезным меценатом. На свой страх и риск, располагая лишь собственными сбережениями, он ринулся с севера на юг. Почему именно в Дагестан? Можно строить лишь предположения.

Среди сделанных снимков — несколько портретных и почти два десятка условно пейзажных: горы, реки, ущелья, аулы. Однако все они локализованы на сравнительно небольшой территории. Это поселки Аракани, Верхний и Нижний Гуниб, ущелья и дороги, связывающие Гуниб и село Гергебиль. Собственно, выбор места для съемок и заключает интригу, позволяющую нам домыслить мотивы приехавшего сюда фотографа: и Аракани, и Гуниб, и Гергебиль напрямую связаны с именем Шамиля, героя Кавказской войны 1817–1864 годов.

В 1843-м году Гергебиль, занятый прежде русскими войсками, был взят Шамилем, гарнизон численностью около 300 человек почти весь погиб, сами горцы также

понесли большие потери. Последствия этого события накрыли большую часть воюющего Кавказа: восстали многие «замиранные» аулы, разрушено более десятка укрепленных пунктов, и русские войска вынуждены были оставить Аварию. Кроме того, пришлось вывести русский гарнизон из села Гимры (в котором родился Шамиль), поскольку рассчитывать на содействие местных жителей уже не приходилось. Это было временное, но серьезное поражение.

Война продолжалась еще более 20 лет, и в августе 1859 года, потеряв свою резиденцию Ведено, Шамиль обосновался в Гунибе. Именно там на почетных условиях он сдался в плен 26 августа того же года. На снимках Прокудина-Горского запечатлены «Развалины аула Шамиля», «Шамилевские ворота», «Березовая роща, где сдался Шамиль», «Место пленения Шамиля». Все эти места, не всегда верно названные в альбомах Сергея Михайловича, расположены в Верхнем (или Старом) Гунибе. От него остались только развалины, среди которых победоносной русской рукой были оставлены памятные знаки: «Шамилевские ворота» и «Беседка Шамиля» — на месте его исторического пленения. Нижний Гуниб был заложен вокруг русской Гунибской крепости, построенной после взятия Шамиля в 1862 году. В современном путеводителе «От Адыгеи до Северного Кавказа» Вячеслав Яновский пишет: «Гуниб даже не расположился — он буквально лепится на карнизах огромной скалистой горы, называемой в старину Гуни-Меэр, то есть “гора, как стог сена”». Про это сено, упомянутое в связи с последней ставкой Шамиля, мы еще вспомним.

Тем не менее война не завершилась победой над Шамилем. Лишь в 1864 году, покорив Западную Черкессию и выйдя к Черному морю, империя провозгласила славу русского оружия. А осенью 1871-го года осмотреть приобретенные владения на Кавказ прибыл сам российский император. К слову сказать, в начале того же года умер отпущенный им в Медину Шамиль. На пути легендарной «Тропы Александра II» оказался и Гуниб. Среди фотографий Прокудина-Горского можно увидеть «Дом начальника округа, в котором останавливался Александр II».

В свой приезд император посетил все памятные места Гуниба, посидел и на знаменитой полянке в березовой роще, где генерал-фельдмаршал Барятинский принял спустившегося к нему из укреплений Шамиля. Более того, здесь был устроен праздничный завтрак, на который государь пригласил солдат, офицеров, местную знать и почетных жителей окрестных сел. С тех пор поляна именуется «Царской». А с легкой Александровой руки и крепостные ворота обрели столь знакомое нам имя — «Шамилевские».

А что же Аракани? Какое отношение имеет этот аул к Шамилевской истории? Аракани известен главным образом как родина Саида Араканского (1763–1834), выдающегося ученого-арабиста, основавшего здесь медресе, которое действовало до 1927 года. Благодаря этому учебному заведению (о самих медресе мы поговорим чуть позже) небольшое горное село стало центром мусульманской культуры и кузницей ученых-арабистов для всего Северного Кавказа и Закавказья. Из его стен вышли видные политические деятели, ученые, преподаватели мусульманских школ, а также первый имам Дагестана и Чечни Гази-Мухаммад, второй имам

Гамзат-бек и — Шамиль, третий имам. Говорят, Саид считал, что только хороших учеников у него было около четырехсот.

Однако не все хорошие ученики, встав на ноги, остались довольны своим учителем. В важнейших политических вопросах имамы разошлись с Саидом: Кавказская война развела их по двум противоборствующим лагерям. Учитель стоял за мирное разрешение взаимоотношений с Россией и решительно не одобрял «народно-освободительного движения» горцев. Дошло до того, что Саида стали подозревать в предательстве, в том, что его купили русские — деньгами или обещаниями благополучной жизни под сенью двуглавого орла.

Особо остро сложилось противостояние с Гази-Мухаммадом, которого Саид считал одним из своих самых способных учеников, уделяя ему больше времени в ущерб другим обучающимся. «Их споры заканчивались поздно ночью, и так продолжалось довольно часто, пока другие муталимы (ученики), не дождавшись своей очереди поговорить с ученым, возмутились. “Каждый день ты занимаешься с Гази-Мухаммадом из Гимры, — обратились они к Саиду Араканскому. — До каких пор мы будем смотреть на вас? Мы здесь не для того, чтобы смотреть, как ты ему читаешь урок, а чтобы и самим учиться”»¹.

В 1830 году, уже будучи имамом, Гази-Мухаммад посчитал бывшего учителя явным врагом шариатистов, ворвался в дом Саида в Арагани, когда тот был в гостях, разрушил его, вылил вино, бросив в него все рукописи ученого. Говорили, что на обратном пути Саид встретил старуху, которая ехидно сообщила ему о гибели библиотеки: «Саид, что-то твои рукописи плавают в вине». Саид не выдал своего горя и ответил: «Ну и пусть! Это им по заслугам — они же противоречили друг другу».

В 1832, году после гибели Гази-Мухаммада, за Саида взялся следующий имам — Гамзат-бек. В 1833-м году, он занял Арагани, разрушил дом Саида и захватил его имущество. Саид был вынужден бежать, обращался за поддержкой к бывшим ученикам, жил некоторое время в Дженгутае под покровительством Ахмед-хана Мехтулинского, но умер все-таки на родине, в Арагани, где и был похоронен. На его могиле стоит зиярат (святое место, предмет паломничества). Однако среди снимков Прокудина-Горского этот памятник не был найден.

На портретных дагестанских фотографиях Сергея Михайловича прежде всего обращает на себя внимание традиционное облачение мужчин и женщин. На мужчинах — папаха, бешмет: распашной, но глухо застегнутый, его поддевали под черкеску — суконный приталенный кафтан, расклешенный от талии, идеальный для верховой езды и перемещения по скалам. Как правило, черкеска закрывала колени, согревая ноги всадника. Черная, бурая, серая (неброских цветов), она делала воина малозаметным. Следует отметить, что знатные горцы носили белые или светло-серые черкески. Молодой человек, сидящий, скорее всего, рядом с матерью, судя по одежде, тоже знатного рода.

¹ Доного Хаджи Мурад. Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны 1817–1864. М., 2005.

Типы Дагестана.
Аул Аракани.

1904–1915 гг.

Все подписи в альбоме соответствуют авторским названиям.
Там, где было необходимо, установлено более точное название.

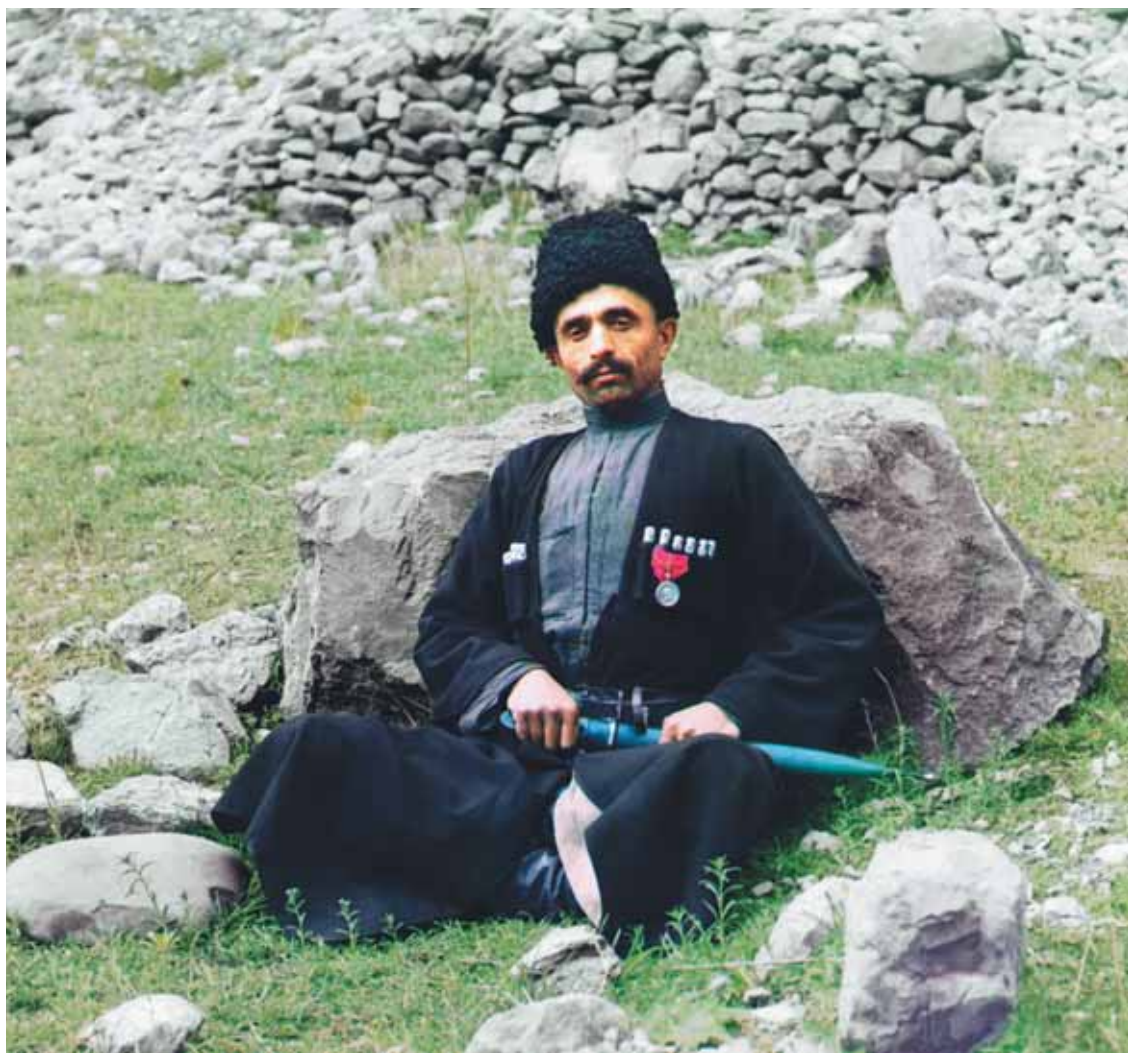
Типы Дагестана. (Пожилая чета).
Аул Аракани.

1904–1915 гг.

Аварки. Дагестан.
Аул Аракани

1904–1915 гг.

Типы Дагестана.
Лезгин.

1904–1915 гг.

Видимо, к съемке специально готовились. Об этом говорят и неизвестно откуда принесенные венские стулья (может быть, из медресе) и старик, демонстрирующий свои награды. Различим Георгиевский крест, скорее всего — солдатский. Давали его за воинские подвиги и еще и до Первой мировой, но редко. Поскольку к Кавказской войне старик отношения иметь не мог хотя бы по возрасту, а в Туркестанскую кампанию 1880-х дагестанцев не брали, можно предположить, что получил он свой крест за Турецкую войну 1877–1878 годов.

Облачение женщин было традиционно скромным: платье-рубаша, штаны и покрывала разных цветов. Впрочем, старушка при георгиевском кавалере определенно нарядилась в праздничное платье. Это фото и «Аварки. Дагестанская область», очевидно, сделаны на одном месте: часть лавки, на которой сидят аварки, видна и на снимке «Типы Дагестана. [аул Аракани]» с пожилой четой. За спиной пары с юным щеголем можно различить трубу. Скорее всего, это труба от бани (хамاما), которая, как и видимые за аварками постройки, находится ниже. Похоже, Прокудин-Горский выбрал для съемок возвышенность, на которой и сделал все эти снимки, меняя положение камеры.

А теперь зададимся вопросом: для чего самая старшая из женщин держит в руках охапку сена? Местный обычай? Странное желание подчеркнуть крестьянский статус? А может, горькое напоминание о Гунибе, «горе, как стог сена», на которой была разбита надежда горцев на свободу? Случайно ли Прокудин-Горский оказался в Дагестане в 1904 году, через 45 лет после пленения Шамиля и в преддверии 40-летия окончания Кавказской войны — именно в эти даты?

Завершив свой таинственный Дагестанский вояж, к лету Сергей Михайлович спустился с гор на Черноморское побережье. Величественные руины замиренного Кавказа сменились красотами курортного благоустройства. Он фотографировал Гагры, стараниями принца А. П. Ольдербургского превращаемые из разрушенного военного гарнизона в компактное подобие рая. Принц, не слишком привечаемый императорским двором, проживал здесь постоянно и надеялся построить в этом месте «русский Монте-Карло»: провел телеграф, электричество, водопровод, основал субтропический техникум и построил климатическую станцию. Станция открылась не так давно — 9 января 1903 года, и этот день стал датой основания курорта. На берегу моря закладывался парк, куда свозились диковинные растения. Там были посажены агавы, пальмы, лимонные и апельсиновые деревья, кипарисы. Портрет принца А. П. Ольдербургского в ожидаемо комическом ключе (не умаляющем, впрочем, его выдающихся заслуг) досужий читатель может найти в книге Фазиля Искандера «Сандро из Чегема».

Принц был не на шутку захвачен своей мечтой, и в скором времени его упорство и снисходительность государственной казны принесли ощутимые плоды. В коллекции Прокудина-Горского сохранилась лишь одна карточка, датированная 1904 годом — так называемая черно-белая контролька: вид на Гагры с шоссе, названный автором «Перед грозой». Гагринские набережные, парк, здание для принятия ванн, гостиницу истинно европейского вида и сам дворец принца Сергей

Михайлович сфотографирует, вернувшись сюда в 1912 году, и, конечно, будет очарован этими местами. Ему даже в голову не придет, что именно о них в июне 1836 года можно было написать что-то подобное: «...Я переведен в ужасный климат Абхазии. Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и обращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех сторон в окошки, где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как со смертоносными обструкциями или водянкою. Там стоит 5-й Черноморский батальон, который не иначе может общаться с другими местами, как морем, и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается гнилью солонины» (из письма Александра Бестужева-Марлинского издателям журнала «Московский телеграф» братьям Полевым).

В год, когда Прокудин-Горский посетил Гагры, их территории были включены в состав Черноморской губернии. Через семь лет сюда прибудут первые туристы из Германии, весной 1912 года здесь повторно окажется Прокудин-Горский, а в мае владения правнука Павла I посетит его праправнук — Николай II.

В 1904 году, помимо расцветающих Гагр, Сергей Михайлович увидел Новый Афон. Здесь он сделал 10 снимков, и все — пейзажные: он фотографировал пруды, сады, домик пасечника. Возможно, он приехал сюда после Гагр, поскольку интерес его к обустройству парка (особенно «тропического») — очень живой: было с чем сравнить. Однако он фотографировал и общий план Нового Афона, и его надвратную Вознесенскую церковь.

История самого этого места очень древняя: первые упоминания об Анакопии (Трахее), где и появился монастырь, относятся к III веку: тогда это был крупный торговый центр. Среди снимков Сергея Михайловича есть фото, рождающее множество вопросов, — «Храм III-IV вв. на Иверской горе» (в авторской версии: «Развалина на Иверской горе»). Что это за развалина? Неужели раннехристианского храма? Во всяком случае, монахи Пантелеймоновского монастыря в Старом (греческом) Афоне слышали эту версию: неслучайно именно тут, у подножия горы, они в 1875 году основали монастырь, названный Ново-Афонским Симоно-Канонитским. Однако не стоит забывать, что в III веке Абхазия была совершенной глушью, и даже Миланский эдикт 313 года, провозгласивший религиозную терпимость на территории Римской империи (а стало быть, потенциально допускавший существование христианского храма в этой дальней провинции), мог быть здесь неизвестен или не поддержан местной властью.

Может быть, это остатки оборонительной крепости, в которую со временем была «встроена» церковь? В пользу такого решения говорит сугубая основательность кладки. Причем за первой стеной идет вторая, а арка, в которой мы видим вход в «храм», стоит уже на третьей линии. С другой стороны, источники говорят о постройке на Иверской горе крепости лишь в V веке, в VII была отстроена внешняя

линия крепостных стен. Так что это, наверное, развалины не крепости. Или крепости, но более поздней.

И вот, наконец, деталь, способная окончательно нас смутить. Мы не знаем, насколько это место можно было считать в III–IV веках скалой. Если арка пробита в скале, если за ней — пещера, то в ней могла располагаться и раннехристианская церковь, без всякой оглядки на мнение местных властей и даже без учета Миланского эдикта.

Впрочем, вернемся к монастырю. Его строительство было приостановлено во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, уже существующие постройки разрушены турками, восстановление началось в 1879 году, а к 1896-му фактически завершилось. Но в 1888 году монастырь посетил Александр III, он пожаловал колокольне музыкальные куранты, а монастырь — в благодарность — на месте встречи царя с настоятелем возвел часовню и разбил Царскую аллею. После высочайшего визита Ново-Афонский монастырь превратился в крупнейший религиозный центр Черноморского побережья. И продолжал благоустраиваться: вскоре построили узкоколейную железную дорогу, а также канатные дороги, ведущие к вершинам Иверской и Афонской гор, на реке Псырхе была сооружена одна из первых в России гидроэлектростанций. Появились и парк с каналами, прудами, в которых разводили зеркальных карпов, фруктовые сады с яблоками, мандаринами, оливками и бананами.

В следующий раз Сергей Михайлович вернется на Кавказ весной 1912 года. Он получит заказ от Комитета сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки «Русская Ривьера», которую предполагалось провести в Петербурге осенью 1912 года. И вот он выезжает на юг: «Главное Управление Уделов предписанием от 10 марта сего года за № 4374 дало знать, что по поручению Комитета выставки «Русская Ривьера» 13 сего марта выехал из Петербурга на Кавказ для производства фотографических снимков в натуральных цветах со всего достопримечательного на Черноморском побережье Надворный советник Прокудин-Горский, которому со стороны Уделов выдано на эту поездку пособие в 500 рублей. Главное Управление Уделов поручило допустить г. Прокудина-Горского в Чаквинское удельное имение и принять все меры к тому, чтобы в Чакве было сделано возможно больше снимков со всего выдающегося в том или ином отношении».

Однако поначалу Сергей Михайлович прибывает в Батум в пульмановском вагоне, о котором нам еще предстоит рассказать. Он делает много снимков, особое внимание уделяя именно «горным красотам Черноморья»: курорты бурно растут и развиваются, и к ним надо привлечь внимание: империя строит русскую Ривьеру. Тем важнее для нас кадры «не для рекламы». Сергей Михайлович мечтал запечатлеть ускользающую красоту (да и мимолетность жизни) на века. И, вольно или невольно, он фиксирует именно то, что ушло безвозвратно, — и теперь живет только на его снимках. Посмотрите на фотографию «Муллы в мечети Азизия», сделанную в Батуме, городе, который половину тысячелетия принадлежал туркам.

Казалось бы, тут должно находиться много мечетей, но мы знаем только три — две каменные и одну деревянную. Та, возле которой стоят муллы, была построена в 1861 году по инициативе жены султана Махмуда II и матери султана Абдул-Азиза. Потому мечеть и названа «Азизие». Вторая каменная мечеть — «Ахмет-Паша» — сохранилась до наших дней, а вот «Азизее» — увы, нет. На ее месте в советское время появилась площадь Ленина.

А теперь обратим внимание на снимок «Армянка в праздничном наряде». Молодая женщина стоит в парке Артвина, о котором бесстрастный «Путеводитель по Кавказу» Г. Г. Москвича, вышедший в свет в 1913 году, сообщает, что это «окружной город Батумской области, расположен в горах на левом берегу Чороха, в 10 верстах от турецкой границы и в 80 верстах от Батума. Он присоединен к России в 1878 году». Жили здесь преимущественно армяне, и действовало 11 армянских церквей.

Здесь стоит отметить тот факт, что Сергей Михайлович возвращался в некоторые места спустя какое-то время. Например, он снова посетил Туркестан через несколько лет после землетрясения, чтобы понять, насколько оно повредило уникальные памятники архитектуры. Но сюда он так и не вернулся после 1915 года, когда Артвин снова стал русским, — и не смог оценить масштаб произошедших перемен. Всего через три с небольшим года после этих съемок в артвинском парке грянет Первая мировая война, часть Батумской и Каррской областей будет захвачена Турцией. В Артвине, Ардагане, Ардануче и на других занятых территориях начнется массовое истребление армян — только в Артвине и Ардануче погибнет 7000 человек. В открытых источниках приводятся слова немецкого журналиста, ставшего свидетелем этих событий: «Вы должны это видеть... насколько жестокими были их действия. Будь они прокляты... Они не имеют никакого отношения ни к мусульманам, ни к христианам, ни к кому-либо!»

Обратимся, впрочем, к снимкам с менее трагическим будущим, хотя и не лишенным драматического прошлого. Чуть позже мы поговорим о русских переселенцах в Голодной степи и подробно разберемся в этом характерном для начала XX века явлении.

Оказавшись в 1912 году в Мугани, Прокудин-Горский встретил русские поселения и здесь. Откуда они взялись в Восточном Закавказье? Как образовалась «Русская Мугань» с поселками Петропавловское, Никольское, Графовка? Эта история началась в 30-х годах XIX века благодаря высочайше утвержденному мнению Государственного Совета «О духоборцах, иконоборцах, молоканах, инодействующих и других, признанных особенно вредными, ересях». Не стоит забывать, что наиболее полноценными подданными Российской империи все же были православные, записанные в церковных книгах при крещении. Остальные — инородцы и раскольники (как, впрочем, и иностранцы) — считались подозрительными. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии официально учреждено, в том числе, и для наблюдения за ними. Мусульмане, буддисты и лютеране могли чувствовать себя более или менее спокойно лишь в местах

Временная гостиница.
Гагры.

1912 г.

Дворец его высочества принца Ольденбургского с шоссе.
Гагры.

1912 г.

Развалины древнего христианского храма VI в. на Иверской горе.
Новый Афон.

1905–1915 гг.

Муллы в мечети Азиязия.
Батум.

1912 г.

компактного проживания. С особой подозрительностью с начала 30-х годов XIX века (вскоре после польского восстания) относились к католикам в Польше и Литве. Ну и, конечно, всегда на особом счету были евреи. Все они были инородцами. А вот иноверцы относились к «великорусской народности». Собираательно они именовались раскольниками. Но помимо староверов XVII века (особенно опасных для власти, потому что власть эту не признавали) появилось много других «ересей», особенно в XVIII веке, например молокане и духоборы. В большей или меньшей степени их всегда ограничивали в правах, хотя репрессий, как таковых, не было (разумеется, если они не нарушали законов). Им предписывалось проживание в четко определенных местах, и за ними в той или иной степени осуществлялся полицейский или казачий надзор.

Стоит отметить, что степень ограничений инородцев и иноверцев на территории Российской империи прямо соотносилась с политическими взглядами действующего монарха. Что же касается 1910-х годов XX века, то в это время фотографирование иноверцев уже не считалось дерзостью и фрондой.

Конечно, в Мугани, на территории современного Азербайджана, жили не только русские поселенцы: население было в высшей степени разношерстно. На фотографиях Сергея Михайловича мы можем встретить и печальную грузинскую даму в национальном костюме. Но все-таки русские переселенцы занимают нас больше.

Графовка, в которой, судя по всему, обосновались молокане и где снимал Сергей Михайлович, не сохранилась, но куда она жива на его фотографиях, мы можем отметить и добротность домов, и ухоженность самих поселенцев, — и удивиться определенной вольности этих закавказских молокан. На фотографии «Мугань. Семья поселенца», украсившей обложку самого первого альбома снимков Прокудина-Горского под редакцией Роберта Оллсхауза 1980 года, а потому ставшей знаменитой, мы видим мужчину и мальчика в шляпах с полями. Это городской атрибут! Крестьяне носили шапки или, в крайнем случае, картузы (их мы видели на поселенцах в Голодной степи). Похоже, Прокудину-Горскому удалось зафиксировать не только уходящее (навсегда и подчас трагически), но и пришедшее, приходящее, послабляющее, освобождающее: все эти картузы, сапоги и пиджаки вовсе не свидетельствуют о сохранении древлеустроенного быта.

В конце марта 1912 года Сергей Михайлович окажется в Чакве, где ему обещался особый прием бумагой Главного Управления Уделов. Чаква знаменита тем, что именно тут началась история грузинского чаеводства. Первые промышленные плантации чая появились после Крымской войны усилиями Джекоба Макнамарры, пленного английского офицера, женившегося на грузинке, да здесь и оставшегося. Стоит обратить внимание на несколько «чайных» фотографий Чаквы, две из которых

заслуживают особого внимания. Прежде всего, конечно, «Группа рабочих на сборе чая. Гречанки» — заметим, довольно унылые гречанки (см. стр. 26). Откуда они взялись? Греки, понтийцы, жили в Грузии давно, даже если списать со счетов миф о Ясоне с золотым руном (а эта экспедиция, если верить историкам, относится к 1200 году до н. э.). В основном они работали на табачных плантациях, но здесь — дело новое — тоже можно подработать. На снимке — в основном женщины и дети, есть и мужчины (на этом фото — слева, в картузе), на фото «Сбор чая» — только крайний справа при деле: за спиной у него большая корзина, а так — мужчины надзирают (это могут быть и попечители-благотворители, и просто управляющие), женщины и дети работают: дешевая рабочая сила. Греки, невзирая на продолжительное свое присутствие на этих землях, оставались беднее грузин, а потому чаще отдавали в подобную работу женщин и детей.

Отметим, однако, позитивного китайца (см. стр. 26). Как можно заметить, он присутствует на нескольких фотографиях Сергея Михайловича, и неспроста. Первый опыт промышленного разведения чая был предпринят в 1885 году, когда А. А. Соловцов выписал чайные кусты из Ханькоу и развел плантацию. Чайным делом занялся и К. С. Попов, пригласивший в 1893 году специалиста из Китая — Лай-Джень-Джау (его мы и видим позирующим возле зрелых и новых посадок чая на фотографиях Прокудина-Горского). На груди Лай-Джень-Джау — орден Святого Станислава III степени, который, с его слов, он получил через 10 лет службы в России. Заметим, что у китайца — большое, хоть и непредсказуемое будущее: в 1925 году он будет награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Новое дело — всегда тяжелый труд. Это касается и чайного сюжета в Чакве, и того, что пришлось засвидетельствовать Сергею Михайловичу в Боржоме — курорте, набирающем обороты и только подступающем к взрыву своей популярности. Мы видим несколько фото отчетливо «зазывающей» направленности. Это и фото грузинки в Боржомском парке (как и снимок двух других в национальных костюмах), и снимок Екатерининского источника в двух видах — прекрасный интерьер, изысканное общество, дозированный демократизм, как раз «в стиле курорта». Все это должно понравиться потенциальному потребителю. Но есть и другие фото. Сергея Михайловича, как всегда интересует не только «фасад» курорта: он снимает и упаковочное отделение целебных вод, и способ транспортировки бутылок, и склады, на которых они хранятся. Все это хозяйство приятно удивляет продуманным обустройством: ведь каждую бутылку следовало упаковать так, чтобы она в сохранности преодолела долгий путь. Из «Иллюстрированного практического путеводителя по Кавказу» Г. Г. Москвича, изданного в 1913 году, узнаем, что дело было поставлено серьезно: «Боржомскими водами заведует особая дирекция, в состав которой входят: управляющий Боржомским имением, врач Боржомского имения и заведующий экспортом воды».

Напомним, что промышленное производство минеральной воды «Боржоми» началось в конце XIX века, и с 1909 года, приняв имение в наследство, им владел двоюродный дядя Николая II, известный историк, великий князь Николай

Михайлович, которого, помимо грамотности ведения вел, занимала проблема, естественно, ускользнувшая от внимания фотографа, но нам, пытающимся восстановить картину существования Боржомского курорта небезыntenерная. «27 Сентября 1912 года. Боржом. Пишу тебе несколько слов, чтобы сообщить о здешнем житье-бытье и о моих дальнейших планах до возвращения в Питер. Нынешняя осень восхитительная; солнечные безоблачные дни чередуются один за другим, дышится вовсю, а окружающая природа еще более способствует к общей благодати. Что касается людей, то здесь обстоит хуже. Разбои продолжаютя во всех частях Кавказа, и здесь, и в Кахетии, и на Северном Кавказе. Все больше стараются грабить поезда в надежде легкой денежной наживы, убивают как зайцев несчастных стражников, исполняющих свой долг, а кроме того запугивают население, будучи сами трусами. Это выразилось наглядно при последних ограблениях почт и в Боржоме, и на Коджорской дороге вблизи Тифлиса» (из письма великого князя Николая Михайловича Императору Николаю II).

Верхний Гуниб
Дагестан.

1904 г.

Изба поселенца из Харьковской губернии.
Поселок Графовка. Азербайджан.

1912 г. (предположительно)

Семья поселенца. Поселок Графовка.
Мугань.

1912 г. (преположительно)

Армянка в праздничном наряде.
Артвин. Кутаисская губерния, Батумский округ.

1912 г. (предположительно)

Грузинка в национальном костюме.

1912 г. (предположительно)

Сбор чая. Чаква.
Грузия.

1912 г.

Екатерининский источник.
Боржом.

1912 г.

Евгеньевский источник.
Боржом.

1912 г.

Развесочное отделение [чайной фабрики].
Чаква.

1912 г.

Аул Нижний Гуниб.
Дагестан.

1904 г.

Аул Шамиля.
Дагестан.

1904 г.

Аллея пальм.
Чаква.

1912 г.

Aurocaria [Араукария]. В царском парке.
Дагомыс.

1912 г.

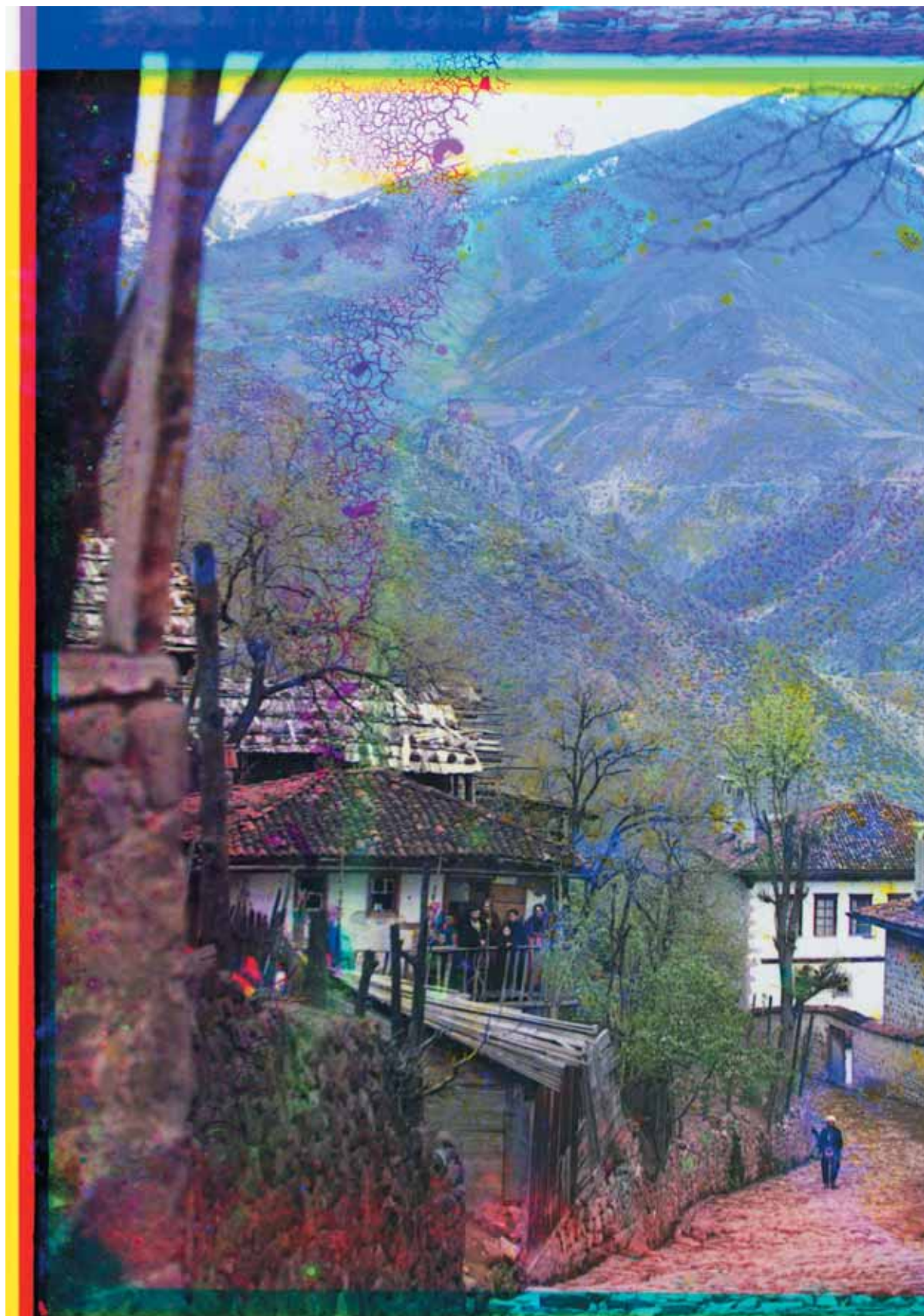
Дом начальника округа,
в котором останавливался Александр II. Нижний Гуниб.
Дагестан.

1904 г.

Общий вид Ликанского дворца от реки Куры.
Боржом.

1912 г.

Георгиевская улица
в Артвине.

1912 г.

Внутри развалин
Тимотис-Убанского монастыря.
Фрески храма Успения Богородицы XII в.

1912 г.

Глава вторая.

Остановись, мгновенье...

Исследователи творчества Прокудина-Горского утверждают, что съемки были сопряжены с большими трудностями: поездки осуществлялись исключительно на средства самого фотографа-энтузиаста, и денег, конечно, не хватало. Не было и специального оборудования: для смены кассет поначалу пришлось соорудить самодельную походную палатку.

Меж тем в 1904 году, после Дагестана, Нового Афона и Гагр, Сергей Михайлович едет дальше и следующие снимки делает уже в Курской губернии, в окрестностях Путивля. Отдав дань самому Путивлю единственным панорамным фото, он ведет съемки в окрестных хуторах. Как правило, это пейзажные этюды: пруд, поле цветущих маков, подсолнухи и огород возле хаты.

Есть, впрочем, и портретное фото молодой женщины, сидящей на бревне у изгороди. Женщина или принарядилась для съемки, или — скорее — собралась в церковь, вероятно, фотография делалась в воскресный день. В церковь всегда ходили с покрытой головой, но перед нами почти наверняка замужняя женщина: тогда замуж крестьянок выдавали очень рано. Теперь ее называют «покрыткой»: после свадьбы ее голова навсегда покрылась платком (хрусткою, хрустыною), она не снимает его и в летний жаркий день. Темный бархатный жилет еще с польских времен называли «камизелькой» (так изящно трансформировался известный нам «камзол»). Мы не видим ожидаемой «вышиванки», но эти яркие, нарядные рубашки были до-

статочны дорогие и надевались на праздники, да и не исключено, что на рубахе ближе к манжетам все-таки есть вышивка — белая на белом. Юбку прикрывает вышитый передник, это летняя «плахта». Обратите внимание, что юбка (спидныця) внизу подшита темной тканью, чтобы уличная грязь была не так заметна. Центральная Украина небогата лесами, а потому деревянные колоды берегли, перекачивали с места на место, используя для разных нужд, они были в каждом дворе. Сейчас на одной из них сидит наша селянка, но если колоду поставить на попá, она станет лобным местом для домашней птицы.

Заметим, что поза молодой женщины довольно непринужденная: она не стесняется и не боится фотографа. Определенно, она бывала в городе, видела фотографии и понимает, что это такое. Учитывая, что первые представления синемаатографа были даны в Курске еще в 1897 году и с тех пор его популярность только набирала обороты (в строительное управление Курской городской управы шли прошения на переоборудование или постройку зданий под кинематограф), возможно, она побывала и в синемаатографе.

Опирается женщина не на плетень (его именно плели), а все-таки на забор, построенный с использованием гвоздей, из досок и горбылей (горбатых стволов). Он выстроен для защиты яблонь от свиней, которые могли забежать в сад с улицы. Из такого же горбыля сделана и подпорка под яблоню: очевидно, ожидался богатый урожай яблок. Они, кстати, уже видны, и это дает нам основания предполагать, что снимок сделан в конце июня.

Хронологически следующими после малороссийских снимков являются фотографии, сделанные Сергеем Михайловичем в Лужском уезде, близ своей дачи в деревне Турово. Эти работы датируются октябрем-декабром 1904 года и январем 1905-го. Снимков сохранилось немного, и все они кажутся бледноватыми в соседстве со своими южными предшественниками. Оно и понятно: на дворе зима, снег и круглосуточные сумерки.

На фоне этого привычного для среднерусской полосы уныния особняком стоит снимок под названием «Мельница близ города Луги Санкт-Петербургской губернии». Конечно, в первую очередь эту фотографию красит неожиданно удачная погода: голубое небо, голубые тени на снегу — почти суриковский пейзаж. Синяя юбка на одной из работниц закрепляет праздничную рифму этого дня. Но главное — у самой мельницы есть история, и ее смогли проследить. Находилась она в имении потомственного почетного гражданина, купца Ивана Васильевича Штоля. Эти места тогда назывались Иванщиной и были чрезвычайно популярны у дачников, привлеченных в том числе и двумя озерами — Большим и Малым Омчино. Второе до сих пор называют «Штолевскими лужами». Во времена Прокудина-Горского местная мельница была знаменита: в ней стояла динамо-машина, вырабатывавшая дешевую электроэнергию. По прошествии лет штолевские постройки заняла лыжная база ДФСО. Здание мельницы, поменяв свое назначение, сохранилось по сей день.

Иван Васильевич Штоль по праву гордился устройством своего имения и не зависящей от его трудов природной красотой местности. А потому заказал открытки с

видами и на озеро Малое Омчино, и на мельницу. Так «Имение Штоля, город Луга» стало почтовой открыткой. А Сергей Михайлович задумался о практическом применении своих снимков.

Со 2 августа 1902 года Прокудин-Горский располагал собственной «фотоцинкографической и фототехнической мастерской» в Петербурге, на Большой Подъяческой, 22, которая в 1903 году пополнилась новым оборудованием для цветной съемки и проекции полученных изображений: германские фирмы «Гёрц» и «Бермполь» построили его по чертежам А. Мите. В феврале 1905 года Прокудин-Горский, выводя проекцию своих снимков непосредственно с пластины на экран, произвел этими показами фурор и в Москве, и в Петербурге: Кавказ, осенние виды Финляндии, запечатленные им в 1903 году, жанровые картины, скромная красота зимних пейзажей — все это явилось взору почти живыми картинами, в цвете! Зрители вставали со своих мест, и зал тонул в овациях. Научное признание, восторг ценителей, конечно, были важны, но сам бог велел найти этому приобретению практическое применение.

18 февраля Прокудин-Горский обращается с письмом в Общину Святой Евгении (Петербургский комитет Красного Креста) с деловым предложением: «За сумму в три тысячи восемьсот рублей... я обязуюсь доставить Комитету “Красного Креста” четыреста разнообразных снимков общих видов городов, отдельных деталей городов и примечательных местечек, разнообразные типы России и т. д.». И 31 марта 1905 года договор был заключен: Сергей Михайлович собирается запечатлеть в цвете пол-России и издать эти снимки в виде первых в истории страны цветных фотооткрыток. Он получает аванс и отправляется в путь.

С мая по сентябрь 1905 года Прокудин-Горский фотографирует в Крыму (Севастополь, Массандра, Бахчисарай), Малороссии, Киеве, на Кавказе. Предполагаются съемки в Москве, Одессе, Харькове, Риге, Ревеле, Пскове. 24 мая Министерство императорского двора и уделов выдает фотографу документ «О допущении г. Прокудина-Горского к производству снимков Ливадийских дворцов», и Сергей Михайлович, разумеется, использует эту фантастическую возможность. За короткое время было сделано почти 300 снимков!

Однако не стоит забывать, что с начала 1904 года идет Русско-японская война, а 9 (22) января 1905 года в России происходит первая революция. И как бы Прокудин-Горский ни старался строить жизнь, максимально отгораживаясь от неупорядоченной реальности, ему это не удается: хаос сам корректирует его жизнь и рушит планы. Община Святой Евгении оказывается не способной поддержать условия заключенного договора и оплатить уже сделанную работу. Фотограф расторгает контракт. Но почти весь снятый материал исчезает!

На некоторое время Сергей Михайлович вынужден смириться с неизбежным и прекратить фотоэкспедиции: денег нет, спонсора не найти, интерес общества обращен исключительно к политике — внешней и внутренней. Он целиком отдается преподавательской, научной, издательской деятельности. В январе 1906 года Прокудин-Горский становится редактором Петербургского журнала «Фотограф-любитель» и остается на этой должности вплоть до 1909-го. Он пишет серию технических статей о принципах воспроизведения цвета, выступает с докладами на научных конгрессах (в том числе по прикладной химии в Риме), посещает фотографические выставки Берлина и Милана, работает в Париже, посещает фабрику фотографических пластинок братьев Люмьер в Лионе. На международной выставке в Антверпене получает золотую медаль — «За снимки в красках непосредственно с натуры», на выставке Photo Club в Ницце — жетон «За лучшую работу». В издательстве «Общественная польза» выходит его руководство «Фототехническое дело. Краткий указатель для издателей, редакторов, художников, типографий и т. п.». Русское фотографическое общество избирает Прокудина-Горского своим почетным членом, Императорское русское техническое общество (ИРТО) — председателем.

Но уже в декабре 1906 года Сергей Михайлович отправится в новую экспедицию — в Туркестан, на съемки солнечного затмения, — благо, финансирование этого предприятия во многом будет обеспечено Главной палатой мер и весов. Однако об этом чуть позже.

Среди множества фотографий Прокудина-Горского особое место занимают его портретные фото. Мы видели (и нам предстоит еще не раз оценить), с какой тщательностью он выстраивает кадр, делая снимки селянок, своих попутчиков и фото-помощников, сиятельных вельмож и простых людей за работой. Но следует отдельно упомянуть те, которые настолько знамениты, что их знают люди, даже не слышавшие фамилии автора.

1908 год оказался для Прокудина-Горского очень важным. Впрочем, он стал таковым для всей мыслящей и читающей России: в сентябре Льву Николаевичу Толстому исполнялось 80 лет и, как бы ни относились к писателю власть и церковь, юбилей такого незаурядного человека — это серьезно. Инициатива встречи с классиком исходила, разумеется, от Сергея Михайловича, и поначалу могло показаться, что его намерение сфотографировать Толстого совсем не сообразуется с реальностью. Толстой всеми силами пытался исключить свое участие в торжествах и каких бы то ни было приготовлениях к оным. Софья Андреевна ежедневно вырезала из множества газет статьи и заметки по поводу ожидаемого юбилея и, вероятно, хоть какую-то часть все же показывала мужу. В конце концов Толстой был вынужден обратиться с письмом² к М. А. Стаховичу: «Так вот Вам моя великая просьба: сделайте, что можете, чтобы уничтожить этот юбилей и освободить меня. Навеки Вам буду очень, очень благодарен». В результате от официального чествования решили отказаться.

² Опубликовано в журнале «Огонек» 6 апреля 1908 г.

Однако письмо Сергея Михайловича пришло в Ясную Поляну чуть раньше, а именно 29 марта. Возможно, Толстой был еще не столь раздражен, да и в письме отправитель тактично о юбилее умолчал, найдя для съемки иные поводы. Вот каким был текст этого письма: «Глубокоуважаемый Лев Николаевич. Недавно мне пришлось проявлять цветную фотографическую пластину, на которой кто-то Вас снял (фамилию я забыл). Результат получился весьма плохой, ибо, видимо, снимавший плохо знаком с делом. Фотография в натуральных цветах — моя специальность, и возможно, что Вам случайно попадалась моя фамилия в печати. В настоящее время мне удалось после многих лет работы достичь превосходной передачи изображений в истинных цветах. Мои цветные проекции известны как в Европе, так и в России. Теперь, когда процесс фотографирования по моему способу и на моих пластинах требует от 1 до 3 секунд, я позволю себе просить Вас разрешить мне приехать на один или два дня (имея в виду состояние Вашего здоровья и погоду), дабы сделать несколько снимков в красках с Вас и Вашей супруги... Мне думается, что, воспроизведя Вас в истинных цветах в окружающей обстановке, я окажу услугу всему миру. Эти изображения вечны — не изменяются. Достичь таких результатов никакая передача красками не может».

Возможно, упомянутый Прокудиным-Горским конфуз с фотографией имел место: в мастерской на Большой Подьяческой выполнялись и заказные работы (проявлялись и печатались снимки фотографов-любителей). А, может, он лукавил, подыскивая способ запечатлеть живого классика, — мы знаем. Но благодаря «Яснополянским запискам» секретаря Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкого знакомы с реакцией на отправленное письмо: «Советовались, что ему ответить, Лев Николаевич: «Отмолчаться. Мне нежелательно фотографирование, но Софье Андреевне будет желательно». Лев Николаевич не решил, а сказал: «К вечеру выхожу весь (то есть бываю утомлен), сколько бы часов ни было. А утром на все смотрю совершенно иначе». На следующее утро в 7 часов Лев Николаевич пришел и продиктовал свое согласие». Итак, разрешение было получено, но, отправляясь в Ясную Поляну (где он провел 22–23 мая), Сергей Михайлович, возможно, не подозревал, что к прежним причинам дурного расположения духа у Толстого добавятся новые.

10 мая в газете «Русские ведомости» Толстой прочел сообщение о повешении 20 крестьян и немедленно записал на фонограф⁵ обращение: «Нет, это невозможно! Нельзя так жить!.. Нельзя так жить!.. Нельзя и нельзя. Каждый день столько смертных

⁵ Л. Н. Толстой, по сообщению лица, недавно прибывшего из Ясной Поляны, получил на днях оригинальный подарок. Знаменитый Эдисон прислал ему последнее свое изобретение — усовершенствованный фонограф. Фонограф был прислан вместе с письмом Эдисона, в котором последний выражает свое исключительное уважение великому писателю земли Русской и просит его «наговорить» в фонограф. Толстой охотно исполнил просьбу великого изобретателя и «наговорил» несколько своих толкований евангельского текста. Речь свою в фонограф Толстой произнес на английском языке, которым он владеет в совершенстве» (Соб. корр.: «Русское слово», 20 (07) февраля 1908 г.).

Выезд из Ясной Поляны.

1908 г.

Ясная Поляна.
Большой пруд и деревня.

1908 г.

Ясная Поляна.
Нижний пруд.

1908 г.

В Ясной Поляне.
Группа детей.

1908 г.

приговоров, столько казней. Нынче 5, завтра 7, нынче 20 мужиков повешено, двадцать смертей... А в Думе продолжают разговоры о Финляндии, о приезде королей, и всем кажется, что это так и должно быть». 13 мая он уже набросал в общих чертах свой знаменитый манифест, а 4 июля отрывки статьи «Не могу молчать» вышли в газетах «Русские ведомости», «Слово», «Речь», «Современное слово» и других. Все газеты были оштрафованы, севастопольский издатель, расклеивший по городу номер своей газеты с отрывками из «Не могу молчать», — арестован. В Ясную Поляну активно шла почта: отзывы были и сочувственными, и резко враждебными. Была, например, получена посылка с веревкой и письмом-пожеланием: «Не утруждая правительство, можете сделать сами».

Но пока, как мы знаем, манифест не опубликован, он только пишется. Меж тем в имение Толстого приехали фотографы. Сергей Михайлович оказался здесь не один: крымский помещик, основатель фирмы «Стереографическое издательство «Свет»», Петр Ефимович Кулаков прибыл одновременно с Прокудиным-Горским и сделал около 70 снимков для своего стереоскопа. Иногда фотографы работали рука об руку, и ракурс, найденный ими удачным, оказывался одним. Годы спустя исследователям, работавшим с воспроизведенными на печати снимками, приходилось прилагать силы для установления авторства. Занятая история произошла с фотографиями, которые Прокудин-Горский и Кулаков делали под «деревом бедных». Толстой сидел на скамеечке, фотографы расставляли аппаратуру, подыскивая удачное положение, а всю эту компанию запечатлел журналист П. А. Сергеенко. Редкий снимок, на котором Сергей Михайлович изображен за работой, — «Петр Кулаков и Сергей Прокудин-Горский фотографируют Льва Толстого, сидящего под «деревом бедных»» — доступен в открытых источниках. Досадно, что снимок Кулакова сохранился, а прокудинский — пропал.

Стоит заметить, что Толстой не только позировал приехавшему фотографу: его не первый год занимало развитие фотографического дела в России (да и все последние научные открытия), и они провели с Сергеем Михайловичем несколько взаимообогащающих бесед. «Несмотря на большую громоздкость прибора и большие технические трудности, — вспоминал Прокудин-Горский, — я решился сделать этот опыт и в середине мая 1908 года отправился в Ясную Поляну. Лев Николаевич был весьма ко мне любезен и, несмотря на крайне малое свободное время, провел в разговоре со мною несколько часов за трехдневное пребывание мое в Ясной Поляне. Особенно живо интересовался Лев Николаевич всеми новейшими открытиями в различных научных областях, а равно и вопросом передачи изображения в истинных цветах». О том, что разговоры с приезжим фотографом были не просто данью любезности писателя, свидетельствует тот факт, что 12 годами прежде Толстой посещал лекцию Е. С. Гутора, прочитанную в Московском университете 6 февраля 1896 года, о цветном фотографировании. Профессор П. В. Преображенский сделал тогда сообщение «Различные опыты с рентгеновскими невидимыми лучами» и заснял пару слушателей в первом ряду: Л. Н. и С. А. Толстых.

Сергей Михайлович фотографировал яснополянские пруды, парк, Софью Андреевну и детей, расположившихся на холмах села и, несомненно, имевших отношение к толстовской педагогической реформе в Ясной Поляне, но главным результатом его поездки, разумеется, стал портрет Толстого в плетеном кресле, сразу после публикации разошедшийся в виде открыток, журнальных иллюстраций, «настенных картин» и ставший всемирно известным.

Фотограф очень беспокоился и не вполне был уверен в качестве ожидаемого снимка: погода была неустойчивой, проходил циклон, из-за сильного ветра Сергей Михайлович увеличил время экспозиции до шести секунд, «включая сюда и время, необходимое для передвижения очень большой кассеты. Съемка была сделана один раз, кассета доставлена на руках в Москву, где только было возможно вынуть из нее пластины для их упаковки». Похоже, результат его все-таки не удовлетворил, и 27 мая он пишет Толстому: Вероятно, в конце июня мне придется ехать по делу мимо Тулы и тогда просить Вашего разрешения хотя на несколько часов заехать в Ваш дом. От всего сердца желаю Вам здоровья и всего самого лучшего». Была ли Прокудину-Горскому предоставлена испрошенная им аудиенция, побывал ли он в Ясной Поляне вторично — мы не знаем. Скорее всего — нет. Поскольку все данные Прокудиным-Горским объяснения касаются известного нам портрета, воспроизведенного в журнале «Фотограф-любитель»: «Прилагаемый при настоящем номере портрет Гр. Л. Н. Толстого исполнен мною 23 мая этого года и является единственным портретом, сфотографированным в красках непосредственно с природы... Эта крайне трудная работа могла быть выполнена с такой короткой экспозицией исключительно благодаря чрезвычайной чувствительности моих пластин к спектральным лучам и правильной их передаче, что поймет каждый, знакомый с техникой цветных воспроизведений... Сравнительная слабость здоровья с одной стороны и преклонный возраст, в совокупности с постоянной работой и различными посещениями Льва Николаевича, не позволили мне сделать какой-либо предварительный опыт съемки, и потому пришлось возложить надежду главным образом на свой многолетний опыт и чувствительность пластин. Вследствие крайне невыгодного положения местности для фотографирования, оно было сделано в саду, в тени, падающей от дома, причем задний план был ярко освещен солнцем. Фотографирование произведено в пять с половиною часов вечера, тотчас после верховой прогулки Льва Николаевича. Супруга Льва Николаевича, София Андреевна, принимала с своей стороны все меры, дабы способствовать успеху этой работы, за что приношу ей искреннее спасибо. В печати портрет воспроизведен без всяких поправок и прикрас, чтобы сохранить всю ценность подлинности воспроизведения» (журнал «Фотограф-любитель», 1908, № 9).

В тот же день, 27 мая, когда Прокудин-Горский обеспокоил своим письмом Толстого, он пишет и его жене: «Попад в сутолоку рабочей жизни, я первым делом принялся за проявление снятых изображений. От всего сделанного есть довольно много хороших снимков, но есть и неудачи, благодаря сильному ветру. Эти дни у

меня много работы по устройству лекций с цветными проекциями в Академии художеств 30 мая, но тотчас уже после этой лекции я примусь за проявление цветных снимков и пошлю их Вам».

Летом 1909 года Прокудин-Горский объехал около двадцати различных губерний Российской империи и сделал свыше 3500 снимков. В том числе побывал он и в Белгороде. В 1911 году мастер цветной фотографии принял участие в торжествах по поводу первого обретения мощей св. Иоасафа Белгородского. Будучи непосредственным участником церимонии он сделал несколько снимков.

1 августа 1914 года начинается Первая мировая война. Это событие, как и грянувшая тремя годами позже революция, не только внесет коррективы в планы Сергея Михайловича, но и самым печальным образом скажется на том, что мы называем наследием великого фотографа: ни одна из экспериментальных цветных кинолент Прокудина-Горского, включая съемку выхода царской процессии в 1913 году, до сих пор не найдена. Многие утраченные фотографии известны нам лишь потому, что были опубликованы в журналах или вовремя вышедших книгах. Это, кстати, касается двух портретов Ф. И. Шаляпина, появившихся в книге Э. Старка «Шаляпин» (Петроград, 1915). Негативы этих работ утрачены.

Возвращаясь к 1908 году, «неюбилейному» юбилею Толстого, вспомним о хлопотах, которые предполагал Сергей Михайлович 30 мая. И действительно, этот день многое изменил в его судьбе. Собственно, показ цветных проекций, о котором писал Прокудин-Горский, был частью выставки достижений русской фотографии, устроенной в залах Академии художеств для членов Государственной думы. Это был наглядный и весомый аргумент, подкрепляющий «Записку об авторском праве фотографа», поданную 11-ю русскими фотографическими обществами в Государственную думу (Сергей Михайлович был одним из авторов «Записки...»). Показ оказался триумфальным. По свидетельству современников, он неоднократно прерывался рукоплесканиями. И, конечно, важной частью успеха стала не только воссозданная на пластинах Прокудина-Горского красота, но и очевидная польза, проистекающая из его изобретения. Например, был продемонстрирован снимок древней вазы, хранившейся в Эрмитаже. Ее изысканный узор с неизбежностью выцветал, теперь же, запечатлев краски на века, фотография давала будущим реставраторам шанс вернуть былую красоту.

Еще больший, уже не умозрительный эффект произвели снимки, сделанные Сергеем Михайловичем прошлым годом в Самарканде. Мы помним, что в октябре там произошло землетрясение, и хотя катастрофических разрушений оно не принесло, возможность утратить эти бесценные памятники безвозвратно казалась

очевидной. Однако изобретение Прокудина-Горского позволяло если не противостоять стихии, то, по крайней мере, скорректировать ее последствия: прекрасное не уходило в небытие.

Поскольку собрание 30 мая было не увеселительным показом, а поддержкой потенциального законопроекта: в зале Академии художеств присутствовали представители Государственной думы и Государственного совета, и в качестве члена последнего — великий князь Михаил Александрович. Он был известен широтой интересов в целом и своим трепетным отношением к красоте в частности. Михаил Александрович пригласил Прокудина-Горского показать свои работы во дворце, а также подробнее рассказать о способе получения цветных изображений с натуры. Вскоре такое же предложение поступило фотографу и от вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Осенью 1908 года Прокудин-Горский посещает ее на вилле Романовых в пригороде Копенгагена.

Затем последовало приглашение к государю в Царское Село. Сергей Михайлович, конечно, очень волновался. Годы спустя, уже в эмиграции в 1932 году, он писал: «Наступил самый ответственный момент, ибо я был уверен, что от успеха этого вечера зависела в значительной мере судьба моего дела. Для этой первой демонстрации Государю мною были выбраны снимки с натуры исключительно этюдного характера: закаты, снежные ландшафты, снимки крестьянских детей, цветы, осенние этюды и т. п.»

Даты своего посещения Царского Села фотограф не указал, но в установлении ее нам помог сам Николай II и его многолетняя привычка ежедневно делать записи в дневнике: «[1909 г.] 3 мая. Воскресенье [...]. Вечером профессор Прокудин-Горский сделал интересное сообщение по фотографии в красках и показал много красивых снимков». Как видим, к государю Сергей Михайлович попал почти через год. Однако результат оправдал долгие месяцы ожидания. Вернемся к воспоминаниям Прокудина-Горского: «Ровно в половину девятого дежурный арап возвестил: “Их Императорские Величества”, и в залу вошли Государь, Государыня со старшими дочерьми и приближенные лица свиты. Поздоровавшись со мной, Государь и Государыня заняли свои места перед будкой, и Государь приказал начинать. После первой же картины, когда я услышал одобрительный шепот Государя, я уже был уверен в успехе, так как программа была подобрана мною в возрастающем по эффективности порядке. Во время перерыва, когда был подан чай с прохладительными напитками, Государь отделился от группы придворных и, подойдя ко мне, стал спрашивать, что я имею в виду делать дальше с этой замечательной работой. Я изложил ему свои взгляды на различные применения, которые моя работа могла иметь, и прибавил: “Вашему Величеству было бы, быть может, также интересно видеть время от времени истинную Россию и ее древние памятники, а равно и красоты разнообразной природы нашей великой Родины”. Государь отнесся с большим одобрением к моим словам и сказал: “Поговорите с С. В. Рухловым, сообщите ему, что именно Вам для этого нужно, и пусть он сделает об этом доклад”. Затем началось второе отделение, на которое я особенно рассчитывал. Так оно и вышло. Каждая картина вызывала

Монахи за работой. Посадка картофеля.
[Остров Городомля.] Тверская губерния.

1910 г.

Монастырский сенокос.
[Леушинский монастырь.]

1915 г.

Вид с колокольни
Троицкого собора
на Соборную площадь
во время торжеств
прославления Святителя
Иоасафа Белгородского.
Белгород.

4 сентября 1911 г.

не только шепот одобрения, но даже громкие восклицания. По окончании вечера Государь и Государыня с детьми подошли ко мне, благодарили за доставленное большое удовольствие, и Государь, обратясь ко мне, сказал: «Так не забудьте же поговорить с Рухловым»».

Упомянутый Сергей Васильевич Рухлов 29 января 1909 года вступил в должность министра путей сообщений, и этот факт во многом определил и предоставленную Прокудину-Горскому свободу перемещений по Российской империи, и тематику многих предпринятых им фотосессий.

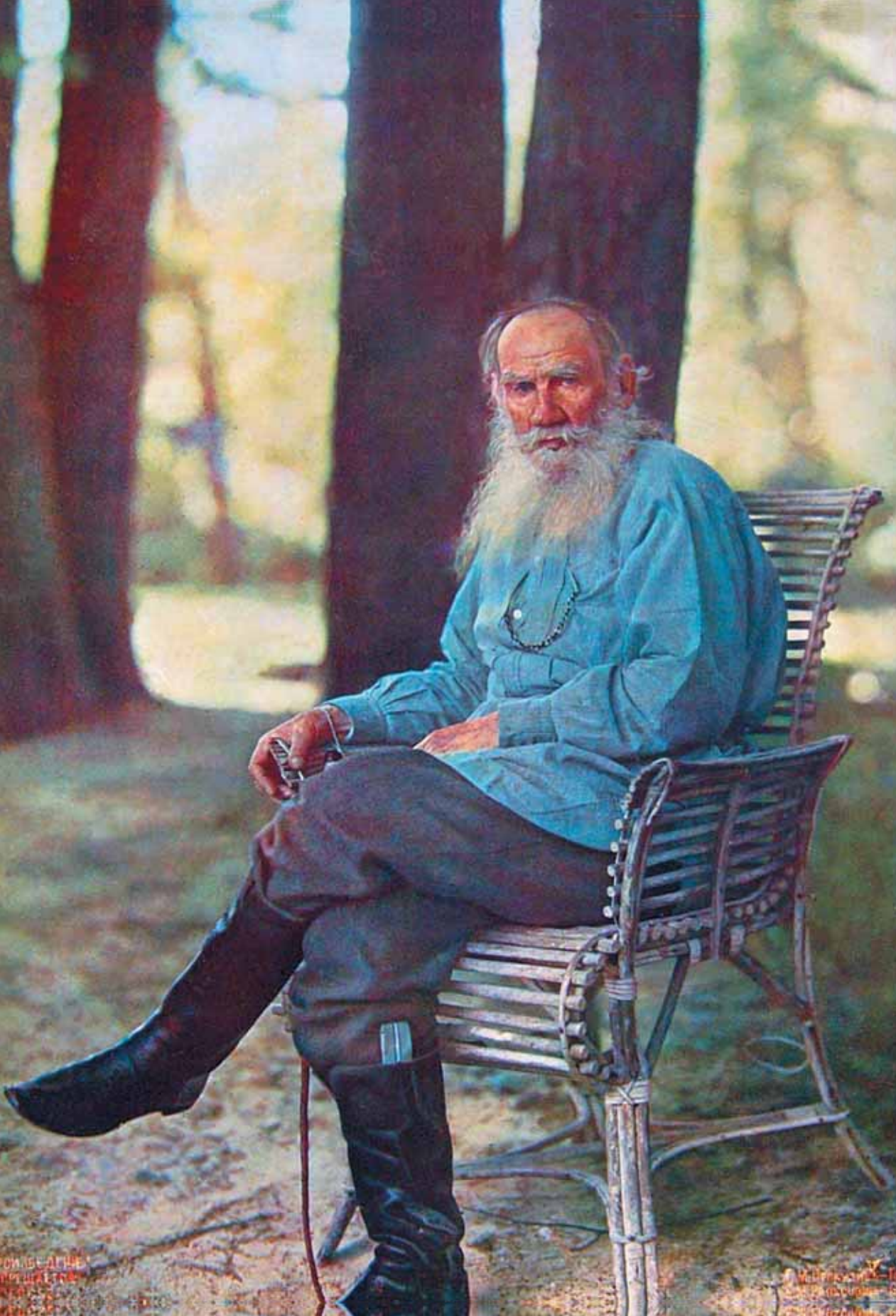
Портрет Л. Н. Толстого.
Ясная Поляна.

23 мая 1908 г.

В Ясной Поляне (предположительно).

1908 г.

В Малороссии близ Путивля.
Курская губерния (ныне Сумская область, Украина).

1904–1905 гг.

Хутор в Малороссии. близ Путивля.
Курская губерния (ныне Сумская область, Украина).

1904–1905 гг.

На сенокосе.
Вологодская губерния.

1909 г.

Вид на гору с Успенским собором с Заречной стороны.
Владимир.

1911 г.

Место истока Западной Двины около деревни Корякино.
Тверская губерния. Осташковский уезд.

Май 1910 г.

Кувшинки. Этюд.
[Староладожский канал].

1909 г.

В парке «Монрепо» в Выборге.
[Памятник Вяйнямёйнену].

1903–1904 гг.

Аллея от плотины [Императрицы Марии Федоровны] до запасного сарая.
Крохино.

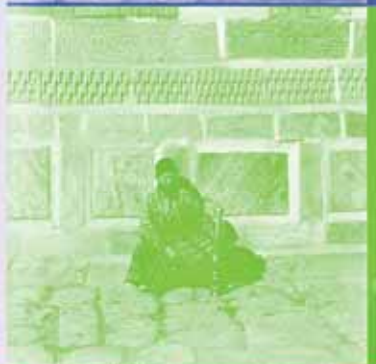
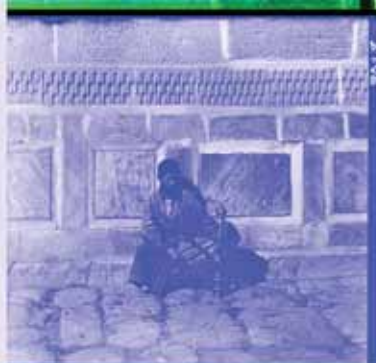
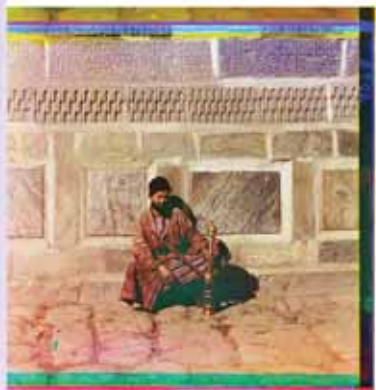
1909 г.

Мельница близ
города Луги
в имении И. В. Штоля.
Санкт-Петербургская
губерния.

1904–1905 гг.

С чилимом. [С кальяном].
Самарканд.

1912 г.

Глава третья.

Горит Восток зарею новой

Однако вернемся на год раньше, к Туркестанской экспедиции Сергея Михайловича, успех которой (во многом неожиданный) обеспечил ему встречу с государем и породил множество планов и надежд (увы, несбывшихся). Экспедиция была предпринята силами Главной палаты мер и весов и имела дополнительной целью инспекцию Туркестанского края. Основная же задача состояла в наблюдении полного солнечного затмения. Оно ожидалось 14 (1 по старому стилю) января 1907 года. Область наилучшей его видимости попадала в средние и субтропические широты северного полушария. Территория Туркестана подходила для наблюдения идеально. Вот что пишет об этом А. В. Скворцов, личный секретарь Д. И. Менделеева: «В конце 1906 года была организована экспедиция в Туркестанский край для наблюдения полного солнечного затмения. Д. И. Менделеев предоставил для этой экспедиции принадлежащий Главной палате специальный вагон — поверочную палату. В экспедицию вошли сотрудники Палаты: Ф. И. Блумбах — начальник экспедиции, М. Н. Младенцев, профессор Б. В. Станкевич, фотограф-художник С. М. Прокудин-Горский, сын Д. И. Менделеева — Василий Дмитриевич Менделеев, В. Н. Егоров и др. Д. И. Менделеев предложил Ф. И. Блумбаху также произвести, по окончании затмения, внезапную ревизию мер и весов, применяемых

⁴ Скворцов А. В. Воспоминания о работе с Д. И. Менделеевым. Архив ММ. Оп. 2. Д. 7. Л. 46, машинописная рукопись.

в Туркестанском крае и в других местах России (по пути следования вагона)⁴. Однако выполнить первую и основную часть задуманного (касающуюся собственно затмения) не удалось. Наблюдатели прибыли сначала в Ташкент, потом — по недавно завершенной «стройке века», Закаспийской железной дороге — в Самарканд. В Ташкенте уже непогодило: город встретил их туманом, сильный дождь размывал остатки снега. Дорога в Самарканд возродила в путешественниках оптимизм: было ясно, солнечно, кое-где по небу плыли облака. Но вскоре все переменялось: заморосило, небо затянулось тучами, а 31 декабря пошел снег. От Самарканда отправились в горы Тянь-Шаня, в местечко над Салюктинскими копиями. Сергей Михайлович снимал и сами копи, и заснеженного башкира у вершины Чаар-Таш, где расположился лагерь. Но сфотографировать затмение ему не удалось: небо так и не освободилось от туч.

План состоял из двух пунктов, приступили ко второму: «Поэтому Ф. И. Блумбах, в качестве уполномоченного управляющего Палатой Д. И. Менделеева, производил ревизию мер и весов в разных городах, которая показала неудовлетворительное состояние этих мер. Во время путешествия экспедиции в поверочной палате-вагоне 20 января старого стиля 1907 года умер Д. И. Менделеев, о чем было дано знать по телеграфу В. Д. Менделееву в город Самарканд. Вагон возвратился из экспедиции уже после похорон Д. И. Менделеева, и его сын — Василий, любивший отца, не смог присутствовать на похоронах, равно как и сотрудники Главной палаты. В Самарканде Ф. И. Блумбах поместил в местной газете некролог о Д. И. Менделееве. В 3-м номере своего журнала «Фотограф-любитель» опубликовал некролог Менделеева и Прокудин-Горский.

Впрочем, вернемся к самому Сергею Михайловичу, чье путешествие в Бухару и Самарканд сразу после фиаско с солнечным затмением становится понятным. С несколькими сотрудниками Главной палаты мер и весов он отправился с ревизией по Туркестанскому краю. Там подобных учреждений еще не было: Туркестанская поверочная палата была открыта только в 1924 году. Учитывая, что известие о смерти Менделеева застало проверяющих в Самарканде и, судя по всему, положило конец их предприятию, начали они с Бухары.

Бухарские фотографии залиты солнцем, однако практически на всех виден подтаивающий снег. В ту пору было холодно. В меньшей степени, наверное, бухарскому чиновнику, сфотографированному у Дворца эмира Шир-Будун. Видно, что халат у него знатный. Возможно, именно этому человеку предстоит дать отчет коллегам Прокудина-Горского о состоянии мер и весов на вверенной ему территории. Выглядит он солидно: на шее — серебряная медаль «За усердие» с профилем Николая II на Станиславской ленте, на голове — белая чалма. Такая полагалась богомольцу, посетившему Мекку и поклонившемуся гробу пророка Мухаммеда. Отмеченные государством заслуги и почетный статус хаджи, несомненно, могли бы и добавить твердости его взору, но нет. И неудивительно: из письма Скворцова мы помним, что ревизия «показала неудовлетворительное состояние» и мер, и весов в Бухаре и Самарканде.

Нет оснований беспокоиться и о паре, вышедшей из бухарской пекарни: они только рады ненадолго оторваться от своего тандыра и хлебнуть морозного воздуха. Расскажем, чем они — пекарь и мальчишка-подмастерье — занимались, перед тем как выложить на ковер гору свежих лепешек. Лепешки пекутся в тандыре — керамической печи, которая быстро раскаляется и медленно остывает, топят ее, как правило, верблюжьей колючкой (реже — сухими стеблями хлопчатника). Когда топливо прогорит, угли сгребают в середину, а стенки тандыра опрыскивают соленой водой (чтобы сырые лепешки не прилипли намертво). Чтобы посадить лепешки в печь с наименьшими для себя потерями, пекарь надевает большую варежку (егинчу) и помогает себе специальной подушкой (рапидой). Заметим, что руки нашего пекаря крепко обмотаны: иначе не избежать серьезных ожогов. Через 5–8 минут, за счет пара и жара печи, хлеб поднимается, доходит, и его пора доставать — опять же с помощью варежки, шумовки, порой залезая в печь по самый пояс. Не всякая лепешка дается в руки. Но если она падает в золу, пекарь найдет утешение в том, что она «поклонилась Аллаху».

Бухарская лепешка, конечно, прекрасна, но о самаркандских ходили легенды. Поговаривали, что некогда один эмир Бухарский, побывав в Самарканде и отведав тамошних лепешек, был так восхищен их вкусом, что приказал привести в Бухару лучшего самаркандского тандырщика. Тот приехал — со своей мукой, собственным тандыром и рецептом полюбившейся эмиру лепешки. Лепешка была испечена, но эмиру не понравилась. Тогда пекарь послал в Самарканд за водой, подозревая, что секрет именно в ней. Но и следующая лепешка не удалась. Эмир был взбешен и уже вознамерился казнить вредного самаркандца, по его мнению, утаившего главный лепешечный секрет. «Чего ж тебе, собака, не хватало? Я ж обещал тебя озолотить! Почему лепешку плохую делаешь? Чего тебе еще из Самарканда привезти?» — «Так здесь воздуха нет самаркандского», — потерянно ответил пекарь. Эмир, хвала Аллаху, оказался человеком с чувством юмора, он только рассмеялся находчивому ответу мастера и отпустил его в Самарканд с тандыром и рецептами.

Лепешка в Узбекистане всегда пользовалась особым уважением. Ее никогда не резали — только ломали руками, не клали «лицом» вниз. Любая трапеза начиналась с раздачи хлеба. Собираясь в долгий путь, человек съедал часть лепешки, а остаток родные заворачивали в чистое полотно и хранили до его возвращения: тогда дорога ожидалась легкой и сытной, а задуманное предприятие — успешным.

Неожиданным образом прямо от лепешек мы можем перейти к фотографии, на которой запечатлены скованные узники. «Посетивши Бухару, я побывал и в бухарской тюрьме, расположенной рядом с дворцом эмира. Когда мы проходили по базарной площади — Регистану, наш проводник предложил нам купить на один рубль лепешек, поясняя, что все посещающие тюрьму туземцы и иностранцы раздают эти лепешки голодным арестантам. Лепешки были куглены. Приближаясь к тюрьме, мы увидели довольно высокий, отвесный, очевидно, насыпной холм и глиняную стену, окружающую тюрьму. Хотя проводник уверял нас, что холм — сплошная насыпь, все же есть те либо другие основания предполагать существование в этом

холме подземелий. Поднявшись на гору, мы вошли в узенькие тюремные ворота, где нас встретили тюремный начальник и подследственный арестант в кандалах, пользующийся его благосклонным вниманием. Как кандальник, так и тюремный начальник немедленно протянули руки, произнеся «теньга». Тот и другой получили по теньге. Лишь только мы вошли во двор, к нам подошел второй кандальник, также благонадежный и с тем же словом «теньга», а получив теньгу, молча взял от проводника лепешки и стал раздавать арестантам, сидящим в казематах. Завидя нас, арестанты бросились к решетчатой двери с неистовыми криками: «Хозяин, хлеба, хлеба, чаю, мы голоден, кормить не дают, вода не дают, хозяин, ничего не дают!» — все это произносилось по-русски. Такая необычная обстановка нас ошеломила»⁴.

Следует заметить, что поступавшие в тюрьму арестанты содержались за свой счет или питались подаянием. Преступник (или попавший под следствие), по мнению администрации, лишался всех прав, подчас и просто человеческих: пребывание в бухарской тюрьме было форменным адом. «На небольшом дворике расположены три каземата. По своей системе истязания человечества они несколько напоминают собой знаменитые петропавловские и шлиссельбургские каменные мешки, а по наружному виду очень похожи на колокол. Эти три каменные колокола углублены аршина на два в землю и имеют одно входное отверстие, запирающееся железными планками, причем каждая планка снабжена замком. Вверху колокола имеется круглое окошко, через которое проникает свет в каземат. Когда мы подошли к двери одного такого колокола, нас поразило необычайное зрелище. Прежде всего нас обдало не поддающимся описанию запахом не то от жара, не то сырости, не то навоза. Весь пол каземата был устлан камышовыми циновками, на которых лежали, сидели и стояли арестанты, обмахиваясь тростниковыми веерами. У стены камеры расположено общее отхожее место, обгороженное старыми циновками, а на веревочках, протянутых от стены до стены, висели и сохли разные тряпки, рубашки, халаты и т. п. Все арестанты закованы в кандалы, а более тяжелые преступники, кроме кандалов на ногах, прикованы к стене цепями, проходящими крестообразно по груди, причем арестант все время находится в полусидячем положении. Мы видели семь таких живых мертвецов с тупыми, безумно тоскливыми лицами, ожидающими смерти уже 20 лет, так как попавшему в тюрьму преступнику, а быть может, и случайной жертве доноса или коварных интриг, навеки закрыта дорога в живой мир. Каждая камера битком набита такими полуголодными, полуодетыми кандальниками, обреченными доживать свой век в этих каменных мешках без воздуха, без прогулок, без пищи, а главное — без надежды. Впрочем, они не лишены надежды! Тюрьма в силу необходимости была построена один раз. Постройка новых казематов для этих отверженных и презренных людей ни в коем случае не может входить в расходы казны, которая до крайности скупа. Место для новых арестантов очищается очень просто. Если казематы тюрьмы переполнены сверх возможности, начальник тюрьмы сообщает об этом эмиру, и последний издает приказ — казнить столько, чтобы осталось свободное место. При очищении

⁴ Н. А. Фридрих. Бухара. 1910 г.

места для новых арестантов начальнику тюрьмы предоставляется полный простор вымещать свою злобу на любом из старых арестантов. По указанию начальника арестантов выводят на площадь и публично казнят»⁵.

В Бухаре было две тюрьмы. Одна из них находилась внутри крепости Арк, в ней содержались политические заключенные. Другая — Зиндан — в городе, рядом с воротами Шахристан. В Зиндане было несколько клеток для должников, одиночные камеры и яма шестиметровой глубины — Бит-Хана («яма ошибок») для особо провинившихся. Заключенные умирали в ней на второй-третий день, искусанные скорпионами и прочей ядовитой живностью. Внешне Зиндан напоминал небольшую крепость.

Мы не в силах определить, во двореке какой из тюрем сделан снимок скованных узников, но можем отметить несколько деталей. В цепи заковывали не всех подряд, а только самых опасных. Почему при этом на переднем плане мы видим беспечно оставленное ружье — загадка небольшая: за спиной узников стоит еще один конвоир, на стену падают его тень и тень его винтовки со штыком. У того заключенного, что помоложе, один рукав закатан, второй — спущен как можно ниже. Возможно, он уже был наказан прежде — за воровство, — и у него отрублена кисть. У Прокудина-Горского есть еще один снимок узников, сидящих за решеткой в страшной тесноте. Однако у всех них на голове тюрбаны. Головы же этой парочки, выведенной во двор, покрыты какими-то шапками, и это при том, что в дореволюционном Туркестане ношение чалмы было обязательным: показаться без нее на улице могли совсем бедные люди, уже не заботящиеся о своем достоинстве. Похоже, что наши закованные узники — люди совсем пропащие...

В альбоме Прокудина-Горского «Туркестан (снимки 1906–1907 и 1911 годов)» есть еще один бухарский снимок, датированный 1911 годом (Сергей Михайлович посетит Туркестан не раз): «Часовой у дворца и старинные пушки». Однако нам кажется, что ему самое место здесь. Фотографии 1911-го теплые и солнечные. Оно неудивительно: Сергей Михайлович провел там примерно месяц, с середины сентября по середину октября. А наш часовой стоит на снегу, снег покрывает и пушки, которые он условно охраняет. Из пояснений к снимку мы можем узнать, что расположился служивый вовсе не у дворца, как ошибочно указал фотограф, а на площади Регистан. Отсюда был въезд в крепость Арк, которой на самом снимке нет. Но поскольку крепость в те времена часто именовали «дворцом эмира», такая ошибка простительна.

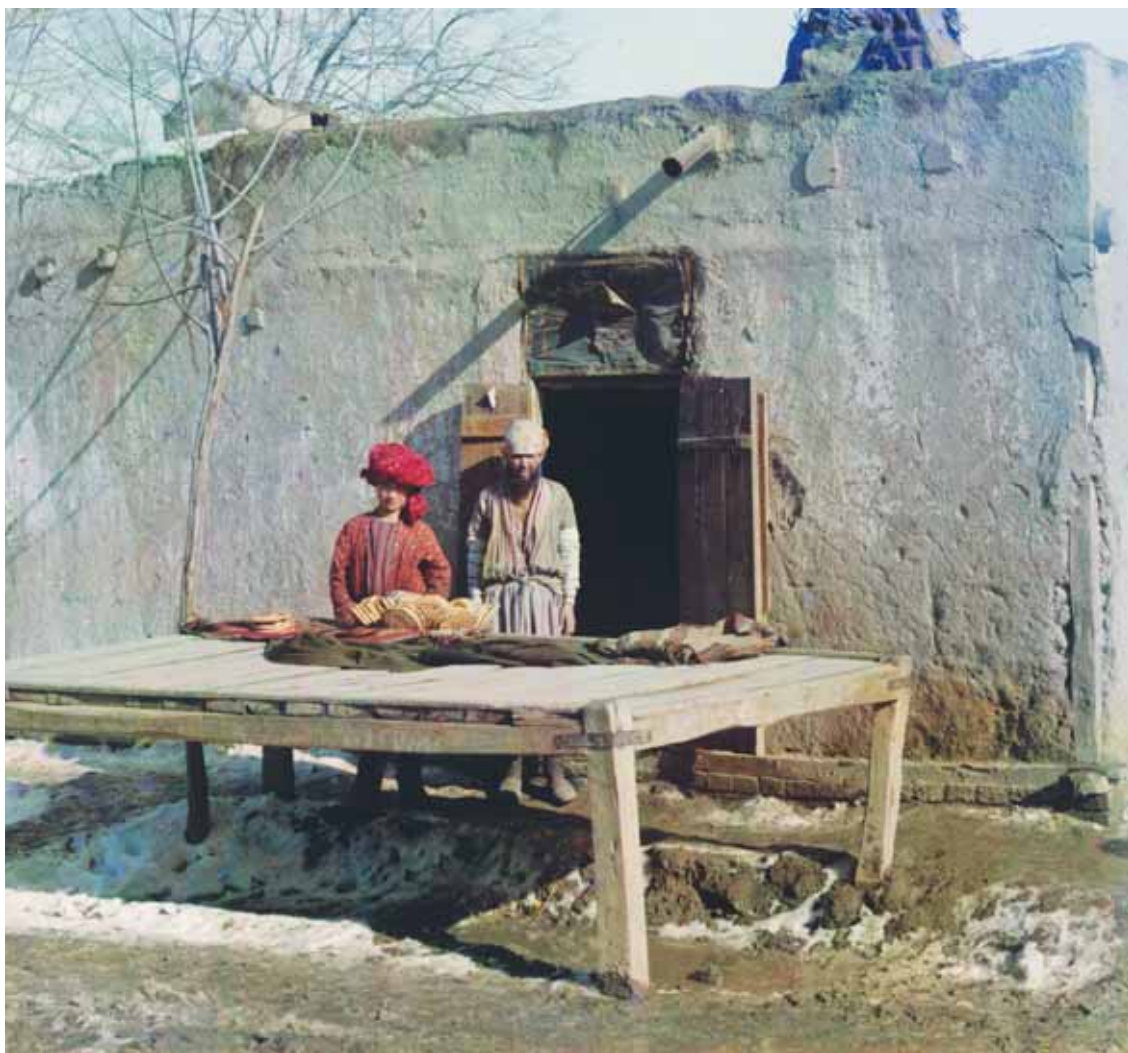
Отметим интересную деталь. Часовой, держащий шашку наголо, напрочь лишен ружья. Это заставляет нас задуматься о том, что же представляла собой бухарская армия. Большая ее часть была сосредоточена в столице и, собственно, была охраной — при дворцах, дворцовых складах и тюрьмах, да и назначение ее было скорее устрашить, нежели пресечь что-либо недопустимое. Д. Логофет в своей «Стране бесправия» 1909 года писал, что «сарбазы Бухары благородной» («сарбазы» —

⁵ Там же.

Бухарский чиновник.
[Дворец эмира Шир-Будун. Бухара.]

1906–1907 гг.

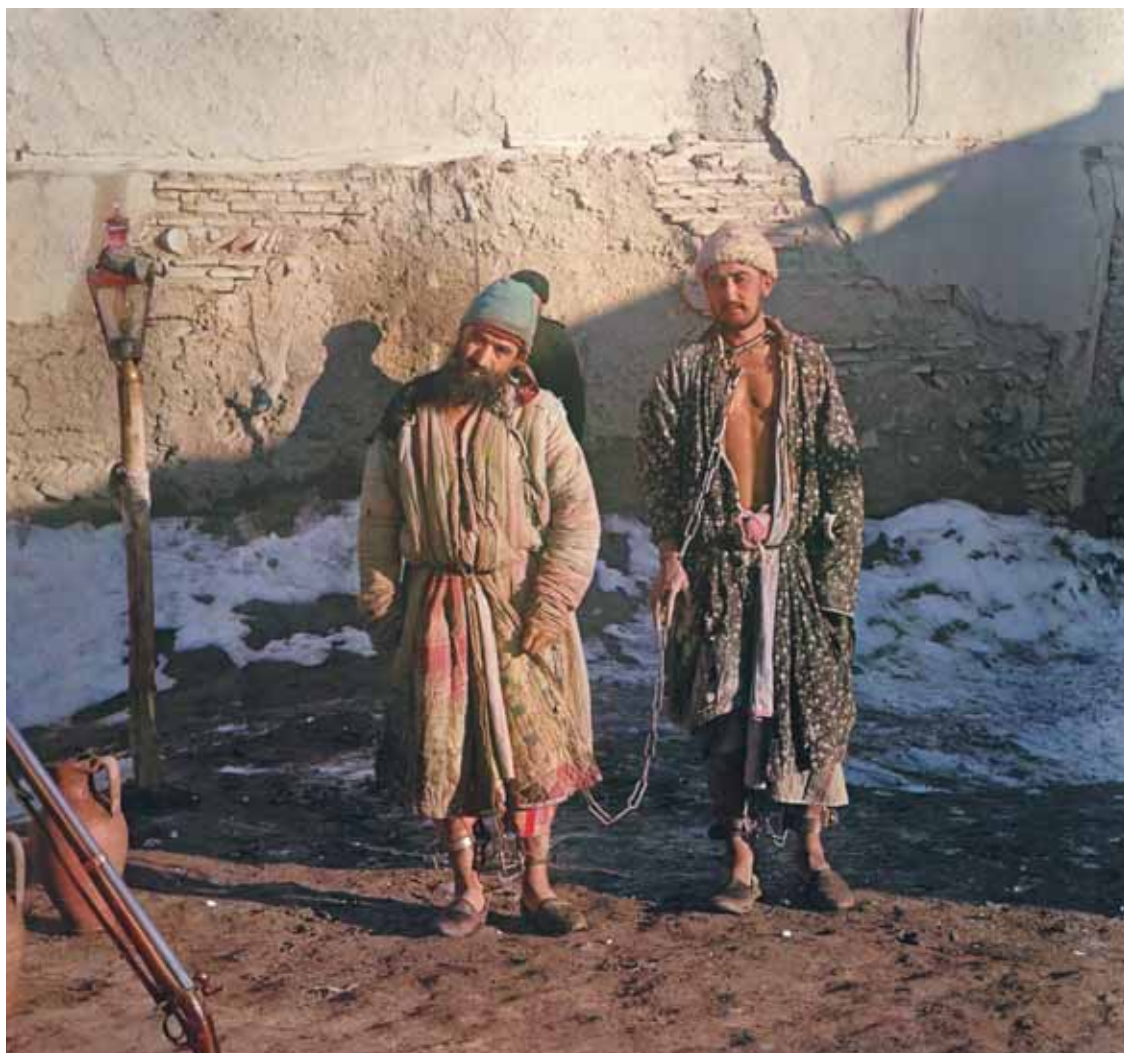
Бухарская пекарня.

Январь 1907 г.

Часовой у дворца [эмира] и старинные пушки.
Бухара.

1911 г.

Скованные узники.
Бухара.

1907 г.

солдаты; так называли свое войско бухарцы) вооружены семилнейными винтовками с трехгранным штыком (такие состояли на вооружении российской армии в Крымской войне 1853–1856 годов), берданками, однозарядными винтовками, бывшими в ходу уже в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Однако во дворике бухарской тюрьмы на первом плане мы видим и карабин Шарпса (активный участник Гражданской войны в США, 1861–1865). Прямо скажем: армия была укомплектована пестро и, видимо, по принципу «взяли где пришлось». Пожалуй, это соображение как нельзя лучше дополняется рассказом Логофета об одном из вариантов «призыва» в бухарскую армию: «Отдача в войска» — среди наказаний в Бухарском ханстве было и такое. Комплектование бухарской армии производится отдачей в таковую жителей, совершивших какое-либо преступление, а в случае побега виновного — одного из его родственников. Зачисленный на военную службу служит затем в ней всю жизнь до смерти, если не получит назначения на должность помощника амлекдара (амлекдар — начальник уезда), хотя такие назначения бывают редко. Все обучение нижних чинов заключается в усвоении ружейных приемов и маршировке. Учения в городах назначаются в базарные дни 1–2 раза в неделю, в остальное время нижние чины привлекаются к некоторым работам по усмотрению беков. На производство стрельбы отпускается (на бумаге) по одному патрону в год на солдата. Но стрельба боевыми патронами никогда не производится, и лишь в праздники стреляют холостыми. Кроме наказаний палками и заковывания в колодки, никаких наказаний для воинских чинов не существует. Армия — это единственная статья расходов в бюджете ханства. За продолжительную службу эмиром жалуются медали и звезды. В общем, все это войско на военного производит впечатление опереточного и, благодаря полному отсутствию обучения, делающему его похожим на какой-то невозможный сброд, никакого отношения к военному делу не имеющее».

Снимки, сделанные Сергеем Михайловичем в Самарканде, много оптимистичнее. Здесь тоже лежит снег, и студентам на пороге медресе зябко. Мы можем быть спокойны за сохранность (и наличие) их кистей: на морозе они просто сжали кулаки и втянули их в рукава стеганых халатов поглубже.

В уже цитированном нами этнографическом очерке Н. А. Фридриха «Бухара» о медресе сказано следующее: «В число студентов медресе может записаться каждый, но непременно окончивший мектабу (начальное учебное). Медресе имеет двор, обнесенный забором. В центре двора стоит мечеть и здание с аудиториями, а вокруг них по забору расположены кельи, в которых живут студенты. Каждый студент живет особняком на средства стипендии, размеры которой зависят от богатства медресе. Медресе же содержится за счет частной благотворительности. Университетский курс разделяется на три класса: низший — адна, средний — аусат и высший — ала. Студент обязан пробыть на курсе не менее трех лет, но по закону допускается и больше. Этой льготой пользуются малоспособные студенты и бедняки, которые остаются в медресе до 35–45 лет. Но нередки случаи, когда в медресе встречаются и «вечные студенты», которые разделяются на две категории. Одни

из них считают мусульманскую науку настолько необъятной, что для постижения истины мало одной человеческой жизни. Другая категория, к которой можно причислить и лентяев, чувствует себя неподготовленной к самостоятельной жизни и тянет лямку ученика, имея определенный кусок хлеба и теплый угол. Экзаменов в медресе нет. Изучив одну книгу, студент приступает к изучению другой и т. д. Читением лекций занимаются мударисы, которые назначаются государственной властью. Затем науки разделяются на два направления: юридическое (церковное, уголовное и гражданское право) и общеобразовательное (богословие, диалектика, метафизика, математика). Окончившие учебу, если имеют протекцию, занимают государственные должности. Число слушателей медресе незначительно, в силу чего, за исключением аристократии, служащих и богатых людей, все население Бухарских владений почти поголовно безграмотно». Очевидно, что последнее замечание можно было отнести и к населению Самарканда.

В городе, полном величественных и непривычных европейскому глазу архитектурных памятников, Прокудин-Горский, разумеется, уделил внимание и им. Восторгаясь изысканной мозаикой, он фотографировал мечети, мавзолеи (и снаружи, и изнутри). Но по поводу мечети Шах-Зинде — несколькими годами позже — отзовется весьма нелестно: «От нее [вряд ли] что-нибудь останется, потому что там сидят муллы, которые клянчат деньги за показ. В общем, надзор до крайности мерзкий за этими замечательными девятивековыми памятниками. Не организовано ничего. Ремонта нет, никто не заботится, никого не интересует. Современные сарты потеряли все художественное чутье. Нужно удивляться, что это были за люди и что с ними случилось, все изящное им чуждо»⁶. И все-таки, кто же такие сарты, упомянутые Сергеем Михайловичем?

Первая всеобщая перепись, проведенная в 1897 году, распределяя население по родному языку и уездам Российской империи, учитывала сартов отдельно от узбеков, каракалпаков, казахов, кашгарцев и кипчаков. Однако это никак не характеризует их национальность, а свидетельствует лишь о существенных недостатках переписи в среднеазиатских владениях, на что обращали внимание многие исследователи. И хотя некоторые путешественники предполагали в сартах выходцев из древнего Хорезма, их место в современном Прокудин-Горском Туркестане можно охарактеризовать так: «Сарта трудно отличить на вид от таджика, потому что в нем кровь туранца уже значительно смешалась с иранской кровью, а общие привычки жизни, общая одежда и манеры еще более сближают его с таджиком. Оттого русские и иностранцы, путешествующие по Туркестану, безразлично называют и таджиков, и узбеков общим именем сартов. Это название распространяется с каждым годом все больше и больше, так что люди, не вникающие близко в этот вопрос, искренно считают сартов за какой-то особый народ, населяющий Туркестан, имеющий даже свой особенный сартский язык. Но сарт в настоящее время вовсе не есть название особого племени, а, так сказать, бытовой собирательный тип, обозначающий вообще

⁶ С. М. Прокудин-Горский. О применении фотографирования в истинных цветах к наглядному изучению России (доклад на общем собрании 4 января 1912 г.).

горожанина и оседлого жителя и вмещающий в себе одинаково и узбека, и киргиза, и таджика»⁷.

Итак, сарт — просто горожанин или человек, ведущий оседлый, не кочевой образ жизни. В сущности, Прокудин-Горский делил туземное население на четыре группы: местные оседлые жители (сарты), приезжие поселяне из России, евреи и кочевники-киргизы. О трех последних мы поговорим в свое время. Сейчас же обратимся к старику-сарту, которого Сергей Михайлович сфотографировал в 1907 году. Снимок сделан близ Самарканда. За спиной у старика какая-то постройка, крытая рогожей, и рядом — странный рулон: возможно, детали свернутой юрты. В руке — битая птица, скорее всего — несколько перепелов. Из «Полного описания нашего Отечества (Туркестанский край)», изданного в 1913 году, можно почерпнуть сведения об особом отношении сартов к перепелам: «На внешнем дворе... нередко висит и клетка с любимой птицей сартов — перепелом (бидана). Отправляясь в путь, сарты иногда берут с собой эту птичку, держа ее в рукаве или за пазухой». Как видим, наш герой распорядился с птицей иначе. Возможно, слегка зловещий облик старика и определил название, данное снимку фотографом: «Старик сарт. (Бабайка)». В «Краткой энциклопедии славянской мифологии» есть такое описание Бабайки: «...старик, черный и кривобокий, часто также с физическими дефектами, характерными для описаний нечисти (немой, безрукий или хромой)». Отметим, что свободная от перепелов рука у Бабайки коротковата, возможно, это у него культя. Впрочем, не исключено, что перед нами милый старик («баба, бабай» в тюркских языках — всего лишь «дедушка»), радушный хозяин, готовый угостить европейских путешественников вкусными перепелами.

Сартянок Прокудин-Горский фотографировал, лишь вернувшись в Самарканд в 1911 году. Но мы поговорим о них здесь. Обратимся к цитате из «Полного описания нашего Отечества»: «Полнота, темные волосы и глаза, белая нежная кожа считаются неизменными условиями красоты, а лучшим украшением лица считается родинка. Туземки часто прибегают к косметике. Чаще всего применяются белила из риса или яичной скорлупы и румяна (фуксин), и в особенности окрашивание бровей черной растительной краской (усма), а ресниц сурьмой. Многие туземки красят зубы в черный, а иногда и в красно-желтый цвет. Кроме этих украшений у сартянок в большом ходу кольца, серьги, браслеты, бусы, коралловые ожерелья, амулеты и т. п. Серьги с массой привесок иногда бывают до $\frac{1}{4}$ аршина (около 18 см) длиной и, чтобы своей тяжестью не прорывали ушей, подвешиваются к волосам, за ушами или к платку... Костюм женщины состоит из длинной рубахи и широких сверху и узких внизу панталон, заправленных в мягкие сапоги (ичиги), на которые надеваются галоши. Русские ботинки только начинают входить в моду и встречаются крайне редко. Сверх рубахи надевается бумажный или шелковый халат. При выходе из дому сартянка набрасывает на голову чимбет (густая сетка из конского волоса), закрывающий лицо и грудь, а сверху на голову одевает длинный халат (паранджа) с узкими длинными

⁷ Марков Е. Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901. г.

руками, брошенными на спину и скрепленными внизу. Незакрытыми ходят девочки до 9–10 лет, нищие и древние старухи».

Благодаря этому любезно подробному описанию мы можем домыслить образ красавицы, запечатленной Сергеем Михайловичем.

В 1911 году Прокудин-Горский вернется в Туркестан, в числе прочего, повторно фотографируя архитектурные шедевры, уже отснятые им четырьмя годами ранее. Причиной тому — несомненно, случившееся в октябре 1907 года землетрясение. Сергей Михайлович тревожился о сохранности многих ветхих памятников, и, хотя в этот раз природный катаклизм серьезно их не затронул, он наверняка задумался о высоком предназначении своего искусства: запечатлеть рукотворную (и, к сожалению, очень хрупкую) красоту Российской империи.

Он будет работать здесь с конца февраля по апрель 1911 года, отдав лето средней полосе России, где уделит внимание местам, так или иначе соотнесенным с Отечественной войной 1812 года. Нам известно о 104 фотографиях, составляющих этот тематический альбом, а также о том, что 3 сентября фотографу было выдано удостоверение, разрешающее съемку в царском Бородинском дворце. Дворец редко использовался для жилья, фактически превратившись в музей Отечественной войны 1812 года, и был доступен для осмотра по предварительной договоренности. Во время Великой Отечественной войны музей был разрушен, а сейчас активно ведутся восстановительные работы.

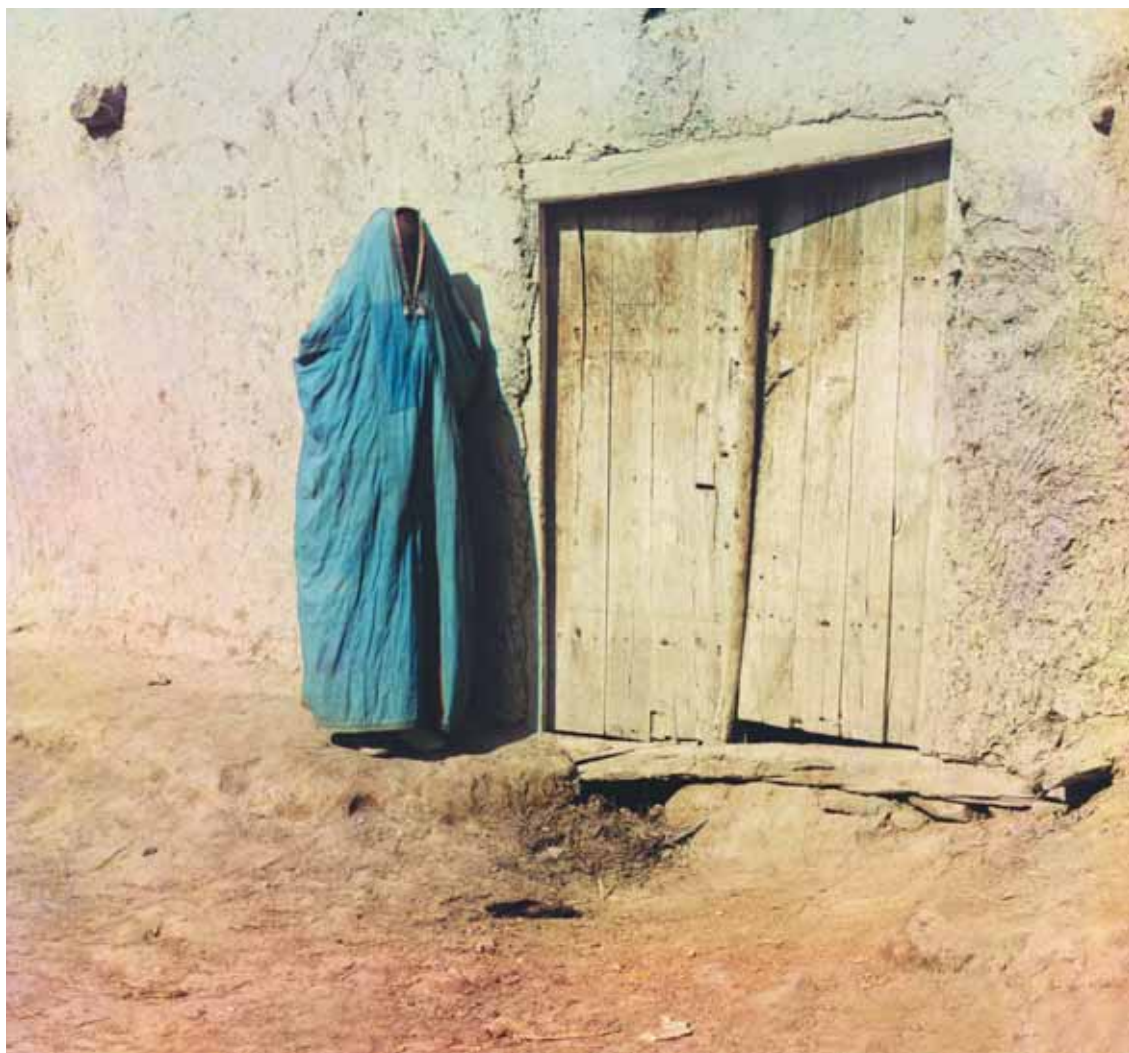
В сентябре Сергей Михайлович снова в Туркестане. Доподлинно неизвестно, чем он руководствовался, предпринимая съемки в Голодной степи (в альбоме их сохранилось 11), но есть шанс в этом разобраться. В то время в Голодной степи велись активные работы по орошению. Совсем недавно, в конце XIX века, эта глинисто-солончаковая пустыня на левобережье Сырдарьи окончательно вошла в состав Российской империи. Выглядела она, конечно, непривлекательно: чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на фотографию «Караван верблюдов, везущий колючку для корма». Однако не всегда Голодная степь смотрелась столь сурово: «Весной Голодная степь покрывается хорошей травой и служит прекрасным пастбищем для кочевников (киргизы), а летом представляет спаленную, сухую степь с разбросанными здесь и там колючими и солончаковыми растениями. На станции Мурза-Рабат вода из колодца поднимается ветряным двигателем. Голодную степь предполагается в будущем оросить каналами из реки Сырдарьи; при рациональном устройстве орошения можно получить до 600 тысяч десятин земли, пригодной для культуры хлопчатника. Часть работ по орошению Голодной степи в восточной ее части уже сделана великим князем Николаем Константиновичем (Бухар-Арык)»⁸. Эти бесстрастные энциклопедические сведения были поддержаны самим Сергеем Михайловичем в докладе «О применении фотографирования в истинных цветах к наглядному изучению России» 4 января 1912 года. Комментируя снимки, представляемые на Съезде художников, он довольно эмоционально замечает:

⁸ Массальский В. И. Голодная степь, ЭСБЕ, 1890–1907 гг.

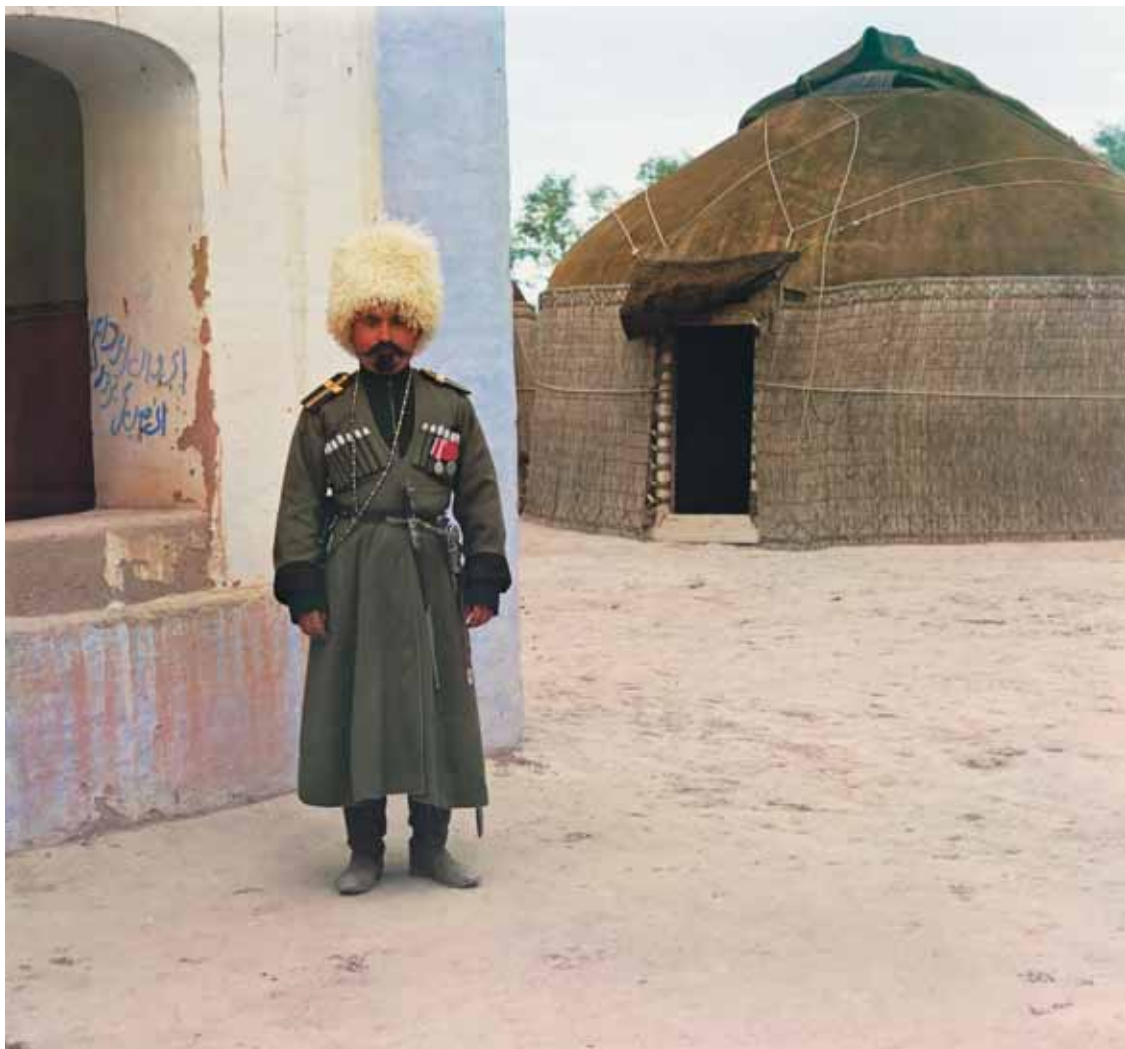
Сартский дом.
Самарканд.

1911 г.

Сартянка.
Самарканд.

1911 г.

Джигит Ибрагим.
Близ Байрам-Али.

1911 г.

Старик сарт.
(Бабайка).

1907 г.

«Голодная степь. Здесь мы видим маленькую голубенькую полоску, это прорытый канал — арык, идущий из канала императора Николая I. Она только по наивности названа Голодной степью, это — сытая степь, но в ней нет воды; там плесы, которые никакого удобрения не требуют; хлопок там растет великолепный; это богатейшие места, но, к сожалению, мало орошенные, — все выжжено солнцем».

О том, насколько прав был Прокудин-Горский относительно хлопка, мы и поговорим, а пока обратим внимание на два снимка: «Назар Магомет» и «На работе у верховья Сыр-Дарьи». На первом, скорее всего, запечатлен проводник фотографа. Сергей Михайлович вообще довольно щедро фотографировал туземцев, сопровождавших его в путешествии. (Вскоре, на снимках в Байрам-Али, мы увидим фото «Джигита Ибрагима». Вероятно и он, служащий 1-го Кавказского князя Потемкина-Таврического Кубанского казачьего полка, сопровождал фотографа по Мерву.) На втором — руководствуясь указанием об упомянутой работе — мы видим, скорее всего, инженеров, причастных к ирригационным трудам; с ними и Назар Магомед. Стоянка, возможно, немного затянулась: подле заднего колеса телеги уже успела свернуться калачиком собака, прежде сопровождавшая путешественников пешим ходом.

Репутация Голодной степи как безжизненной пустыни, конечно, несостоятельна. Достаточно вспомнить бороздящих ее вдоль и поперек киргизов, упомянутых в «Полном описании нашего Отечества. Туркестанский край». Вот как там это описано: «Под именем киргизов в Туркестане известны два народа, близкие между собой по языку, обычаям и образу жизни, но отличающихся по происхождению, а отчасти по типу. Степные пространства Сырдарьинской и Семиреченской областей, а также северо-западная часть Закаспийской области населены киргизами-казаками (киргиз-кайсаками), которые сами себя называют именем "казак". В предгорьях и долинах Тянь-Шаня, в южной части Семиреченской области, в северо-восточном углу Сырдарьинской, а также в горных хребтах, окружающих Фергану и на Памире, живут племена, называющие себя киргизами (кыргызы) и известные также под именем кара-киргизов, или бурутов. Киргизы-казаки и кара-киргизы более, чем другие тюркские народности, сохранили кочевой и скотоводческий образ жизни, и родовой быт, ввиду чего племенные и родовые деления твердо держатся у них до настоящего времени... Образ жизни киргиза находится в тесной зависимости от главного его занятия — скотоводства. В поисках за кормом для своих стад, а отчасти движимый вековой привычкой, киргиз большую часть года передвигается с места на место. Каждый отдельный род или аул кочует по одному и тому же пути, останавливаясь у тех же колодцев и речек, где останавливались его предки, возвращаясь на зимовку в одно и то же место». Семейно таких кочевников мы видим на одной из фотографий Прокудина-Горского. Руководствуясь местом съемки, исследователи относят их именно к «киргиз-кайсакам».

Особого разговора заслуживают снимки русских поселений в Голодной и Муганской степях. Присмотритесь к фотографии «Переселенческий хутор в Надеждинском поселке с группой крестьян». Она, как и «Часовня в Спасском

поселке», сделана в Голодной степи. Как подобные строения и жители могли здесь появиться?

На Голодную степь русские обратили внимание задолго до Хивинского похода 1873 года, когда подминали под себя последнее оставшееся независимым государством Средней Азии. А в 1876 году в Ташкенте появился великий князь Николай Константинович, взявшийся за потенциально прибыльный край с государственным размахом. Голодной степи нужна была пресная вода, соответственно надо было рыть каналы. Для строительства князь привлекал солдат и казаков, отслуживших действительную службу. Он снабжал их деньгами на обзаведение хозяйством, строительство домов, наделял землей. Прознав про такие чудеса, в Голодную степь потянулись люди и из Центральной России — подчас без увольнительных свидетельств, без дозволения полицейских властей, без паспортов. Для них строились поселки — из расчета, что когда-то (когда доруют) тут будет канал. Но пока воды в этих местах не было. Так образовался, поселок Надеждинский, в который вода стала подаваться лишь на четырнадцатый год после его возникновения. Как люди жили до этого — остается загадкой.

Однако русские поселения образовывались и другим способом. Начальник Ходженского уезда полковник Н. С. Лыкошин писал в своем донесении генерал-губернатору: «Сектанты... представляют наиболее стойкий и надежный элемент. Они проявляют на первых порах большую предприимчивость при первоначальном устройстве на новых землях. Все сектанты грамотны, все безусловно трезвы и очень дружно живут между собой, умея ладить с окружающими их туземцами. Ввиду этого сектанты являются наиболее способными противостоять мусульманскому влиянию казахов на русское влияние. Сектанты, сознательные и твердые христиане, представляют стойкую среду для религиозной борьбы с агрессивными стремлениями ислама. Поэтому полагал бы наиболее подходящим для колонизации края признать всех сектантов, за исключением тех сект, которые категорически отрицают употребление оружия для защиты себя и своего имущества»⁹.

Меж тем обратим внимание на сам «Переселенческий хутор...»: какой справный, добротный, определенно зажиточный дом, как все сыты, упитанны, чисты лицом. Видно, что мужики работающие, к пьянству не склонные. Занятно, что все трое в картузах — это роднит их скорее с мастеровыми, а не с крестьянами. Да и женщина в верхнем ряду слева — едва ли не с городской прической. Кто они: отставные солдаты, стремительно обросшие большим семейством? Они молоды, что неудивительно: в начале XX века срок службы и для пехоты, и для артиллерии ограничивался тремя годами. Или это не слишком ревностные сектанты? Или второе поколение переселенцев из России: снимок сделан в 1911 году, живительный канал заработал в сентябре 1896-го. Было время прийти в себя. Кстати, кем бы эти поселенцы ни были, удивительно отсутствие в группе пожилых людей.

⁹ Тутов А. В. История освоения Голодной степи. 1869–1917 годы: По материалам книги «Покорение Голодной степи», Ташкент, 1976.

С поселком Спасское, в котором Сергей Михайлович фотографировал часовню, все несколько проще. Само наличие часовни снимает вопрос о переселенцах-молококанях, которые не признают ни крестов, ни икон, ни клира. Ну и главное — его возникновение научно зафиксировано. «В 1906 году возле поселка Духовский был образован поселок Спасский. В целях развития хлопководства сюда начали переселять хозяйства из разных мест России. По сведениям 1898–1914 годов сюда было переселено из Прибалтики 3 хозяйства, из Литвы, Белоруссии и из Польши — 12, из промышленных городов — 3, из берегов Камы — 13, из центральных земледельческих зон — 33, из Поволжья — 40, из Новороссийска — 113, из Кавказа и Сибири — 13 хозяйств. В это время в поселке проживали бедняцкие семьи, ранее приехавшие из Самарской, Воронежской, Оренбургской, Тамбовской, Сызраньской и Полтавской губерний. Они брали в аренду земли у зажиточных хозяев — Суркова, Геладзе, Вадыяева, Лыжова, Ваньюшина, Князева, Уланова — сеяли маш, просо, фасоль, горох и сдавали определенную часть урожая хозяину земли. Если в 1908 году в Спасском проживало 883 человек, в 1911 году их количество составило 1500 человек. Некоторые зажиточные хозяева занимались только выращиванием хлопчатника. Например, у хлопководы Суркова было 1500 гектаров земли, где работали около 30 местных рабочих. В его хозяйстве насчитывалось около 200 лошадей и телег, орудий труда. В хозяйствах Слободнюка и Лыжова также работало до 35 рабочих»¹⁰. Мы видим, что, поддержанный государственной инициативой, поселок Спасское активно развивается: по сообщениям «Туркестанского курьера» (26.08.1911), здесь строится приемный покой на пять кроватей с квартирами для фельдшера и акушерки. А на месте сфотографированной Прокудиным-Горским часовни в 1913 году появится каменная церковь в память святителя Алексея.

Николай Константинович, бывший в Голодной степи полноценным властителем, с хозяйственными работами не справлялся. Канал часто выходил из строя, князь жадничал его чинить, посевы гибли, поселенцы роптали, и, что самое важное, растущие запросы государства на хлопок не были удовлетворены. Шла речь о передаче всех ирригационных сооружений в казну. И с введением в строй Среднеазиатской железной дороги в 1888 году этот вопрос был решен: во-первых, наладилась прямая связь с промышленными центрами и многолетняя бесхозяйственность великого князя стала очевидной, во-вторых, появилась возможность бесперебойного вывоза драгоценного хлопка. Да и приезд специалистов, способных оценить перспективность земель и масштаб работ, стал делом простым и не лишенным известного комфорта. И они не замедлили явиться, привнеся в освоение Голодной степи не только оживление, но и интригу.

¹⁰ Эрбутаева У. С., Хасанов М. Из истории города Гулистана // Молодой ученый. 2014. № 11.

Дело в том, что прежде Россия закупала хлопок в Соединенных Штатах. Даже в те годы, когда по Туркестану ездил Сергей Михайлович, большая часть хлопка поступала в Россию из Америки. Поэтому развитие Туркестанского края, прямого конкурента, было американцам крайне невыгодно. В Среднюю Азию зачастили археологические экспедиции, в Америке публиковались научные исследования, в которых доказывалась бесперспективность орошения Голодной степи и невозможность выращивания там хлопка. Велись дискуссии, в которых каждая из сторон осталась при своем, но американская прислала в Туркестан предпринимателей, которые готовы были построить ирригационные системы, все-таки преодолевающие природную невозможность Голодной степи плодоносить. Затем предполагалось взять эти земли в долгосрочную концессию. То есть получить американский хлопок на туркестанской земле и продавать его России уже отсюда. Последняя экспедиция, ознакомившаяся с условиями ведения сельского хозяйства на засоленных почвах, осмотревшая опытные поля и взявшая для анализа образцы хлопчатника, прибыла в Голодную степь 27 марта 1911 года. В итоге было решено американцам отказать, а работы в Голодной степи форсировать. Уже 1 июля 1911 года был утвержден законопроект об ассигновании на опытные работы в Голодной степи 4865 тысяч рублей. Учитывая эти обстоятельства практически государственной важности, мы, наверное, можем понять, почему в начале весны 1911 года Прокудин-Горский, оказавшись в Голодной степи, фотографировал там не только поселения и кочующих киргизов, но и хлопковые поля, и ирригационную систему.

Логичным продолжением путешествия стало посещение Байрам-Али, небольшой станции Закаспийской железной дороги, неподалеку от развалин Старого Мерва. Здесь располагалось управление Мургабским Государевым имением, образованным по Высочайшему повелению от 6 августа 1887 года. Именно отсюда исходили распоряжения относительно ирригационных работ и дальнейшего устройства урожая. В Байрам-Али и его окрестностях Прокудин-Горский сделал 37 снимков, в том числе и внутри хлопкоочистительного завода, куда, по досадливому суждению композитора, дирижера и фольклориста В. Н. Гартевельда, «посторонним лицам вход... воспрещен; надо быть, по крайней мере, тайным советником, чтобы попасть туда». Однако и ему удалось осмотреть Байрам-Али довольно подробно, что позволяет нам привести отрывки из его книги «Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана», вышедшей в 1913 году в качестве комментариев к снимкам Сергея Михайловича.

«Всего в полуторах верстах от вокзала расположена Государева экономия, или, как принято ее называть, Государево Мургабское имение. А совсем около станции находится замечательный, построенный по последнему слову техники, хлопкоочистительный завод, принадлежащий этому имению. Весь Байрам-Али живет и дышит, конечно, имением и заводом, и 70% жителей состоят из высших и низших служащих этих учреждений... В усадьбе [Байрам-Али] устроена большая, так называемая Хлопковая площадь для приемки и сортировки привозимого

Караван верблюдов, везущий колючку для корма. Голодная степь.
Туркестан.

1911 г.

Кочующие киргизы. Голодная Степь.
Туркестан.

1911 г.

Назар Магомед. Голодная Степь.
Туркестан.

1911 г.

На работе у верховья Сыр-Дарьи.
Голодная степь

1911 г.

туземцами и арендаторами целыми караванами на верблюдах (по 2 мешка по 9 пудов на верблюде) хлопка-сырца.

После привоза на Хлопковую площадь хлопок сортируется, взвешивается и поступает на заводы для очистки. На удельных заводах хлопок-сырец 14 американскими (по 80 пил) “джинами” очищается от семян и шелухи. Чистое волокно прессуется, упаковывается и отправляется кипами (по 12–15 пудов) в Москву. Семена поступают в прессы, которые выжимают хлопковое масло. Масла получается около 15% от общего веса семян. Из сырого масла вырабатывается посредством рафинировки столовое хлопковое масло, не уступающее по своим качествам лучшим сортам прованского масла.

При очистке семян специальными “джинами” получается еще особая, короткошерстная “линтерная вата”, которая идет на изготовление войлока, бумаги, ваты и т. д. Жмых перемалывается и в виде муки продается за границу как корм для скота».

Не удостоившись посещения завода, Гартевельд все-таки был допущен на его двор, и огромные горы хлопка поразили его воображение. А вот дальнейшие наблюдения скорее его расстроили: «Насколько по левой стороне рельс (в имени) все опрятно и благоустроено в русском духе, настолько “по ту сторону” все бедно и грязно с чисто восточным оттенком. В этом небогатом азиатском поселке живут (преимущественно ремесленники) текинцы, бухарцы и несколько сартов. Есть там восточный каравансарай и несколько “чай-ханэ” (восточных чайных). Есть кое-какие восточные лавки и даже небольшой базар, где при мне расположился на отдых караван верблюдов».

На текинцев, кстати, обратил внимание и Прокудин-Горский. Присмотримся к ним внимательнее. Текинцы были основными жителями Мервского оазиса, стало быть, и Мургабского Государева имения. Частично они продолжали заниматься традиционным для тюрков кочевым скотоводством, частично — переключились на земледелие. Были очень внимательны и заботливы по отношению к своим лошадям: всемирно известная ахалтекинская порода выведена текинцами. История их вхождения в состав Российской империи драматична и стремительна. Первое русское наступление в 1879 текинцами было отражено, во втором, 12 января 1881 года, при штурме Скобелевым крепости Денгиль-Тепе 7000 человек погибло в самой крепости, 8000 (обоего пола) было вырезано русскими во время преследования в пустыне. Внутри крепости были взяты до 5 тысяч женщин и детей. Однако, став российскими подданными, текинцы не бунтовали, служили исправно и даже особо отличились во время Первой мировой войны.

Впрочем, награды, которые мы видим на снимке «Текинец у кибитки со старшим сыном», — не боевые: это медаль «За усердие», самая распространенная в

Российской империи награда, имевшая множество категорий. Текинец мог получить такие, например, за лояльность: все-таки страшный Скобелевский поход был не так давно, а совсем рядом, в Афганистане, — англичане. Лояльность местных дорого стоила.

Особого разговора, конечно, заслуживает текинская женщина. Из «Полного описания нашего Отечества. Туркестанский край» мы можем судить о ее незавидном положении: «Женщина у туркмен считается низшим существом (начар — неравноправная) и не принимает никакого участия в делах общественных. Однако в домашней жизни туркменка пользуется большей самостоятельностью, чем женщины оседлого населения Туркестана; она не закрывает лица и в хозяйстве имеет большее значение. Вследствие недостатка женщин и высоты калыма, возросшего за последнее время в несколько раз, многоженство встречается только у богатых, громадное число туркмен имеет по одной жене, наблюдается большой процент холостых. Туркменок выдают замуж в 10–15 лет, а иногда и ранее, с целью получить калым. Брак сопровождается скачками, состязаниями в борьбе, беге, стрельбе и пиршеством. Из свадебных обычаев довольно распространен увоз невесты».

Но что неизменно пленяло воображение заезжего европейца, так это текинские кибитки. Воспользуемся описанием уже знакомого нам В. Н. Гартевельда, для которого проникновение в этот текинский дом оказалось куда более простым, чем посещение хлопкоочистительного завода: «После того как мы с величайшим интересом осмотрели текинцев, а они нас, мы вошли в кибитку старшины Магомет-Верды-Кульгерды... Кибитка была очень просторна, и хотя с нами вместе вошло еще человек двадцать почетных текинцев, тесноты все-таки не было. (Женщины, дети и “народ” остались снаружи, на площадке.) Старшиной, разумеется, был один из более состоятельных текинцев, и кибитка его, как я уже сказал, была большая и богато убранная. Середину ее занимал очаг, вокруг которого весь пол, то есть земля, была устлана великолепными коврами. Вдоль стен тянулись диваны из больших шелковых подушек, а на стенах висело оружие и разная домашняя утварь. В этой кибитке жил сам старшина, а жены его (счетом две) и дети помещались в другой, соседней кибитке, обстановка которой была много беднее... Когда все наше общество разместилось, сейчас же вышли четыре-пять человек музыкантов со своими инструментами и уселись играть. У них были длинные бамбуковые флейты — “теудук” и струнные инструменты (наподобие маленькой мандолины с очень длинным грифом) — “хамбра”. Ни на одну минуту они не прерывали своей игры и во все время нашего пребывания в кибитке угощали нас музыкой. Но музыка эта нисколько не мешала беседе. Она была очень тиха, как вообще музыка у текинцев, и, казалось, неслась откуда-то издалека. Лишь только мы уселись и музыканты заиграли, нам подали зеленый цветочный чай, очень крепкий и ароматный. Наливали его в маленькие чашечки. Чашечки эти в большом ходу во всем Туркестане. Они без ручек и называются “тиалы”. Благодаря отсутствию ручки, я все время обжигал себе руки. К чаю подали очень вкусных, горячих лепешек. Кроме того, все время относили гостей курительным прибором — чилым. Дело в том, что текинцы курят

не так, как мы. наших папирос, трубок и сигар они не знают. Чилым представляет собой довольно большой и громоздкий кувшинообразный прибор (вроде турецкого кальяна), дым из которого втягивается курящими через воду. Текинец, затянувшись разок из чилыма, передает его соседу или же отставляет к стороне, где подкладывается под него новая порция горячих углей. беседа, благодаря тому что пришлось говорить через переводчика, шла вяло. Мы только все время выражали свое удовольствие, а текинцы улыбались и пожимали нам руки, причем глаза их под черными папахами выражали искреннюю сердечность и радость. В конце концов в двух огромных мисках принесли плов из риса, баранины и курицы. Вокруг одной из них уселись текинцы, а около другой — мы. Плов был удивительно вкусен, а рис совершенно бел и поразительно рассыпчат... Способ еды, однако же, немного портил наш аппетит: текинцы преспокойно вылавливали пальцами из общей миски куски мяса и рис и отправляли добытое в рот. Но для нас они достали ложек.

По окончании трапезы я записал несколько мотивов у текинских музыкантов, и всей гурьбой мы вышли на площадку. Оттуда старшина повел нас в другую свою кибитку (женскую), где в парадных костюмах, все обвешанные серебряными украшениями и монетами, встретили нас обе его супруги. Каждая держала на руках ребенка. Одна из этих дам была уже старуха, а другая совсем молодая... В одной из следующих кибиток мы увидели молодую и (я глазам своим не верил!) довольно милостивую текинку, трудившуюся над ковром. Работа эта очень нелегка и требует большого терпения. Недаром за девушку, умеющую работать ковры, платят самый большой выкуп. При нашем обходе аула нас сопровождали не только “сливки общества”, но и вся огромная толпа, для которой мы, несомненно, представляли такой же интерес, как и она для нас. При взгляде на эту толпу я подумал: наверное, между ними не все ели плов, и (как пишут в поваренных книгах) “вольный дух” поднялся во мне. Я выразил желание осмотреть жилище кого-нибудь из самых бедных текинцев. Толпа зашумела, загалдела и, смеясь, указала на одного из своих сограждан. И все мы отправились к нему. Войдя в его кибитку, я был приятно поражен. Не было, конечно, тех богатых ковров и шелковых подушек, что я видел у старшины, да и домашняя утварь была много проще. Но кибитка была такая же просторная и сделана из того же материала. Около очага сидела его жена с четырьмя мальчиками, и все они ели плов. А старшина, через переводчика, сказал мне: “Алмех-Адлах побогаче меня — у него четыре сына, а у меня только два”.

Если текинцы были столь же гостеприимны с Сергеем Михайловичем, он уехал из Байрам-Али с легким сердцем.

Как известно, летом 1911 года Прокудин-Горский активно ездил «по наполеоновским местам». Помимо этого он много снимал в Костроме и Ярославской губернии:

пейзажные этюды, храмы, их внутреннее убранство. Тогда же он находит время заехать в Царское Село на юбилейную выставку: «Фотоинкография Прокудина-Горского на Большой Подъяческой, 22» отработала первое десятилетие! К выставке был издан и роскошный «Каталог образцов цветной печати художественных фото-механических мастерских С. М. Прокудина-Горского», а сам «именинник» выступал с демонстрацией своих цветных проекций. Небольшой, но все-таки заработок. А 12 сентября на очередном заседании фотографического отдела ИРТО он сообщает о своей новой экспедиции: «...по высочайшему повелению должен в половине сентября отправиться в Туркестан для производства работ и вернется в Петербург из командировки около 20 октября». И вот — новые туркестанские впечатления, теперь в сентябре.

Начнем, пожалуй, с Бухары. Бухарское ханство (эмират) находилось в вассальной зависимости от Российской империи и с 1873 года почиталось ее протекторатом. Почему-то практически сразу после обретения этого статуса Бухара стала учреждать ордена. Их, в частности, мы видим, созерцая портрет последнего эмира Бухарского. Однако Сейид Мир-Алим-хан (Тюра-джан), запечатленный Прокудиным-Горским, достоин упоминания и в силу иных причин. Родившемуся во дворце Алим-хану предполагалось дать блестящее образование, а потому в 13 лет он был отведен отцом, эмиром Абдул Ахад Ханом, в Петербург и определен в Николаевский кадетский корпус. Тогда же Александр III официально утвердил принца наследником бухарского престола. «При определении в корпус император обещал эмиру, что Мир-Алим получит воспитание в строгом соответствии с нормами ислама. Александр лично наметил программу обучения наследника бухарского престола»¹¹. Однако принц в учении рвения не проявил — его привлекала быстрая езда на фаэтонах, породистые голуби и игра на музыкальных инструментах: дутаре и тамбуре. По свидетельству историка Камолудина Абдуллаева, за полноту, праздность и лень Абдул Ахад Хан прозвал своего наследника «Олими гов» (с таджикского: корова Алим)¹². А потому спустя четыре года принца, овладевшего лишь основами русского языка, было решено вернуть в Бухару. Современники отзывались о нем без всякого уважения, и мало того что называли бесцветной личностью, так еще и характеризовали его отвратительные привычки достойными изучения психопатологов.

Алим-Хан, запечатленный на фотографии Прокудина-Горского, занимает бухарский трон меньше года: он унаследовал его от отца, умершего в ночь на 23 декабря 1910 года. Править ему осталось не так долго. В 1920 году он будет вынужден бежать в Афганистан, где умрет в 1944-м. Но пока мы видим его в свете величия и славы, обремененного орденами: орденом Короны государства Бухары, орденом Святого Владимира II степени, Бриллиантовым вензелем Его императорского величества Николая II и еще каким-то неизвестным орденом. Отметим поверх роскошного халата погоны. Поскольку известно, что в 1911 году эмир был произведен в Свиты Его Императорского Величества генерал-майоры, рискнем предположить,

¹¹ Недвецкий А. Г. Правители Бухары.

¹² Абдуллаев К. Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века.

Часовня в Спасском поселке. Голодная степь.
Туркестан.

1911 г.

Доставка хлопка в завод.
[Мургабское имение.]

1911 г.

Водонос.
Самарканд.

1911 г.

Студенты в Мударисе [медресе].
Самарканд.

1911 г.

что он не упустил возможности продемонстрировать их на парадном снимке. Мы будем несправедливы к Алим-Хану, отметив лишь его выдающееся невежество и, в общем, ничуть не затронувшие нас привычки. Во-первых, его восшествие на престол было (или могло показаться) многообещающим: он объявил, что категорически не принимает подарков, запретил служащим брать взятки и использовать налоги в личных целях. Правда, довольно скоро все вернулось на круги своя, но благородный порыв грех не оценить.

Кроме того, он был поистине щедр, как настоящий восточный владыка. В книге Й. Ворреса «Мемуары великой княгини Ольги Александровны» он предстает именно таким: «Будучи сестрой государя, Ольга Александровна должна была принимать всех представителей царствующих домов зарубежных стран, приезжавших с визитом в Россию, и давать аудиенции всем посланникам. Из-за их мертвящей официальности такие аудиенции были для нее настоящим мучением. Больше всего ей нравились аудиенции, которые она давала Эмиру Бухарскому — высокому, бородатому господину, повелителю независимого государства, граничащего с Афганистаном. На нем был просторный халат с эполетами русского генерала, усыпанными бриллиантами. “Приезжая в Санкт-Петербург, Эмир всякий раз навещал меня, привозя богатые подарки, что зачастую ставило меня в очень неловкое положение. Однажды он подарил мне огромное золотое кольцо со свисавшими с него, наподобие язычков пламени, рубиновыми гроздьями”. Большой восточный ковер, также один из подарков Эмира, оказался в числе немногих вещей, которые великая княгиня сумела взять с собой, покидая Россию во время революции”.

Сам эмир, спешно покидая Бухару в 1920 году, как-то исхитрился увести с собой большое стадо ценных баранов, что впоследствии очень позитивно сказалось на качестве афганских баранов. Все эмирские счета были заблокированы, и оставшуюся часть жизни он промышлял торговлей каракуля. На своей могиле он велел выбить надпись: «Эмир без родины жалок и ничтожен. Нищий, умерший на родине, — воистину эмир».

Бухара, как всякий восточный город, полна контрастов. Невзрачная, облезлая улочка на задворках мечети Чор-Минор, пожалуй, и примечательна тем, что находится в непосредственной близости от выдающегося памятника архитектуры. Мы отчетливо видим две из четырех располагающихся по углам мечети башен. Они похожи на минареты — отсюда и название Чор-Минор: четыре минарета. Если приглядеться, становится очевидным, что башни не одинаковы: у каждой своя форма. Некоторые исследователи полагают, что художественное оформление этих башен — своеобразная попытка осмыслить четыре мировые религии. Возможно, это лишь игры фантазии, но в некоторых элементах действительно можно разглядеть буддийские молитвенные колеса, нечто, напоминающее крест, и христианский символ — рыбу.

И, конечно, не случайная деталь — дети, сидящие прямо на земле и так безукоризненно сбившиеся в группку, что можно не сомневаться: Сергей Михайлович (или его помощник) специально их рассаживал. Отметим, что они улыбаются,

и это позволяет вспомнить нам наблюдение В. В. Крестовского, сделанное им в книге «В гостях у Эмира Бухарского». Вот что он пишет: «...ездил опять на базар. Как пообжились мы тут да пообгляделись, так и замечаем, что при проезде по улицам и в особенности при посещении базарных рядов приветствия, адресуемые нам в виде поклонов и криков “здравствуй”, приходится встречать исключительно со стороны местных евреев, которые, собственно, и составляют в Бухаре так называемую “русскую партию”. Остальной же народ — узбеки и таджики, вообще именуемые в качестве городских жителей сартами, — не изъявляет нам при встречах никаких знаков, выражающих приветствие, а глядит на “урусов” с самым равнодушным любопытством».

Дети на улице за мечетью, конечно, не еврейские. Но у Прокудина-Горского среди снимков также есть «Группа еврейских мальчиков с учителем». Снята она, правда, в Самарканде, но поговорим мы об этом снимке здесь, поскольку «бухарские евреи» — отдельная интересная тема.

Бесстрастная статистика сообщает нам, что в 1910-х годах в Бухаре проживало 20 тысяч евреев — в трех кварталах, отдельно от мусульман. Им запрещалось покупать у мусульман дома и землю, а собственные постройки, по закону, предписывалось возводить на пол-аршина ниже мусульманских. Нельзя было заниматься земледелием и продавать мусульманам продукты питания. Чем же евреи жили? Для простых людей самым распространенным занятием была окраска шерсти и ткани, мелкая торговля. Те же, что обосновались в Туркестане давно, могли считаться туземными и пообвыклись, разумно посчитали, что крупный бизнес не обязательно связан с продуктами питания.

Но откуда в Туркестане взялись евреи? Уже упомянутая книга «Полное описание нашего Отечества. Туркестанский край» предлагает такую версию: «Евреи (джугут, ягуди), или, как их обыкновенно называют, бухарские евреи, живут в городах почти всего Туркестана. Они, вероятно, являются потомками тех пленников, которых уводили с собой ассирийские и персидские завоеватели во время войн с израильскими и иудейскими царствами. Вследствие многовековой жизни среди туземцев евреи по внешнему быту и языку не отличаются от последних, но, не смешиваясь с туземцами, они всецело сохранили свой тип, наклонности и черты характера. С присоединением Туркестана к России положение евреев изменилось к лучшему, и в настоящее время почти вся крупная торговля в Средней Азии находится в их руках. Костюм евреев ныне мало чем отличается от обычного костюма туземца, лишь вместо чалмы они носят остроконечную шапку с меховой опушкой, да на бритой голове оставляют на висках локоны волос». И действительно: на еврейских мальчиках мы видим заниженные у талии и сильно расклешенные снизу камзолы привычных бухарских расцветок. Однако остроконечных шапочек на них нет.

На фотографии Сергея Михайловича изображена начальная иудаистская школа для мальчиков — хедер. Такие школы во множестве появились в Европе и Средней Азии еще в Средние века. Школы были частными и открывались местными еврей-

скими общинами. Здесь читали Тору, изучали древнееврейский язык и еврейские обычаи. В Россию хедеры пришли в конце XVIII века, а во времена Прокудина-Горского были известны уже образцовые хедеры, в которых помимо традиционных наук учили русский язык и математику.

В Самарканд мы войдем не сразу: есть чему подивиться и в его окрестностях. Обратите внимание на странный снимок, названный Прокудиным-Горским «Байга». Что происходит? На холме — поставленный наскоро шатер, возле него — определенно важные люди, склон засижен огромным количеством народа. На первом плане — всадники. Краеведы, довольно легко опознав местность (городище Афросиаб возле Самарканда), относительно намерений собравшихся разошлись во мнениях. Многие посчитали, что «байгой» фотограф назвал традиционные конные состязания «улак» (или «кок-бору»). В чем же их различие? Строго говоря, и то, и другое — скачки, имеющие очень древнюю историю. Преследование на 15 км (прежде — до 50) по пересеченной местности (а в случае «кок-бору» — еще и схватка) требует от наездника немалого мастерства. В сущности, байга и затевалась для того, чтобы подготовить лошадей к дальним переходам, обычному делу кочевых народов. Не то дело — «кок-бору», прозванное русскими зрителями «козлодранием». В нем перед конными участниками стояла задача отобрать у противника тушу козла и доставить ее к финишу. Козел в этом состязании оказался крайним из-за своей длинной шерсти: его легко было подобрать на скаку, за клочок волос или за ногу, если в процессе игры он падал на землю. Козла — живого или уже готового к соревнованиям — мы на фотографии не видим. Кроме того, традиционно именно байга собирала очень много народу, а сюда, похоже, стянулась вся округа. Есть основания считать, что в названии снимка Прокудин-Горский не ошибся.

На иссушенных солнцем самаркандских землях, конечно, странно видеть такого исполина, как карагач. В сущности, с его сравнительно субтильным собратом мы встречаемся ежедневно: карагач — это вяз. Ценят его за выдающуюся крону, практически непроницаемую для солнца, а потому карагачем обсажены сады, усадьбы, аллеи карагача тянутся вдоль арыков, отдельные деревья стоят возле мечетей и гробниц. Хороша и его древесина, крепкая и твердая, — при строительстве в Средней Азии он успешно заменяет дуб. А в пяти верстах от Самарканда, совершенным голышом, лишенным тени, стоит «Часовня [мазар] на горе Чапан-Ата», построенная во времена Улукбека, внука Тамерлана. Хотя ее и принято называть мавзолеем, назначение ее так и остается неизвестным: никаких следов захоронения здесь не обнаружено. Возможно, она строилась как сторожевая башня или маяк. Некогда она была декорирована мозаикой, которая теперь совершенно осыпалась. Этот снимок позволяет нам вспомнить старинную легенду о возникновении самой горы.

За тысячу, если не более, лет до рождения пророка Мухаммеда здесь была равнина, и к городу подошел многочисленный враг. Самаркандцы молились своим богам (ибо были тогда язычниками), но боги молчали. Тогда, перебив бесполезных идолов, осажденные обратились к Аллаху — и в ночь перед штурмом все вражеское войско было уничтожено огромным камнем, упавшим с неба. Аллах перенес

его с сирийских гор. Изумленные горожане поутру пошли к невесть откуда взявшейся горе и нашли на ней безмятежно спавшего пастуха. Они нарекли его Чупан-Ата (Пастух-отец), окружили почитанием и назначили покровителем скотоводов.

С понятной печалью глядя на медресе Улугбека (Мирза-Улук-Бек), пострадавшее во время нескольких землетрясений и позволяющее лишь воображению достроить его первоначальный облик, отметим, что к способности восстановить и поддерживать должный вид прекрасных саманкандских памятников силами туземного населения Прокудин-Горский относился с горьким скепсисом. Об этом говорит уже приведенный прежде его комментарий к снимку мечети Шах-Зинде: «...надзор до крайности мерзкий за этими замечательными девятивековыми памятниками. Не организовано ничего. Ремонта нет, никто не заботится, никого не интересует».

В «Туркестанском альбоме 1911 года» мы встретим много из того, что нам уже знакомо: Сергей Михайлович фотографировал те же архитектурные памятники, что и четырьмя годами прежде (желая оценить результат землетрясения), и мальчика-ученика во дворе медресе (тогда были студенты повзрослее); встретится нам и курильщик чилима — того, что при посещении текинской кибитки В. Н. Гартевельд назвал «чилым». Но с особым размахом предстанет перед нами, конечно, Регистан. Это общее название для всех главных площадей в среднеазиатских городах, но Самаркандский Регистан — самый известный, поскольку является памятником культуры: он окружен сразу тремя знаменитыми медресе — Улугбека (1417–1420), Шердор (1619–1636) и Тилля-Кари (1646–1660). В остальном — это просто большая площадь, на которой кипит жизнь большого города.

Например, меняла предлагает свои услуги. Какие? В «Бухарском царстве» Д. Н. Логофета читаем: «Менялы (сарафы) производили операции по обмену денег бухарских и русских. Из-за произвольного колебания сарафами курса теньги (бухарской серебряной монеты) русское правительство с 1901 года установило ее курс равный 15 копеек. Помимо русских кредитных билетов и монет в Бухарском ханстве находились в обращении в большом количестве монеты соседних государств (персидские, афганские, англо-индийские)». Однако не станем верить Логофету на слово, а приглядимся к деталям. В Самарканде ходили и свои таньга, и рубли, но с 1890-х годов деньги менялись в банках, использовались «общеперские». И банки были большие и централизованные — мы не в захолустье: обратите внимание на афишу в правой части фото — это реклама шоу, французской борьбы. О меняльном занятии самаркандца свидетельствует только железная коробка. Но что за деньги кочуют в нее и обратно? Он мог брать деньги на хранение или для переводов, мог организовывать безналичный опт, мог просто давать деньги в рост или под залог, как наша отечественная Алена Ивановна. Ну а имя менялы все-таки пристойнее клички ростовщика. Его же приятеля, присевшего ненадолго на легкий коврик, мы встретим еще не на одной фотографии: среди толпы на Регистане, на снимке «Студенты в Мударисе [медресе]» (причем здесь он сидит на кафедре преподавателя). Очевидно, этот непростой человек был одним из экскурсоводов Сергея Михайловича по Самарканду.

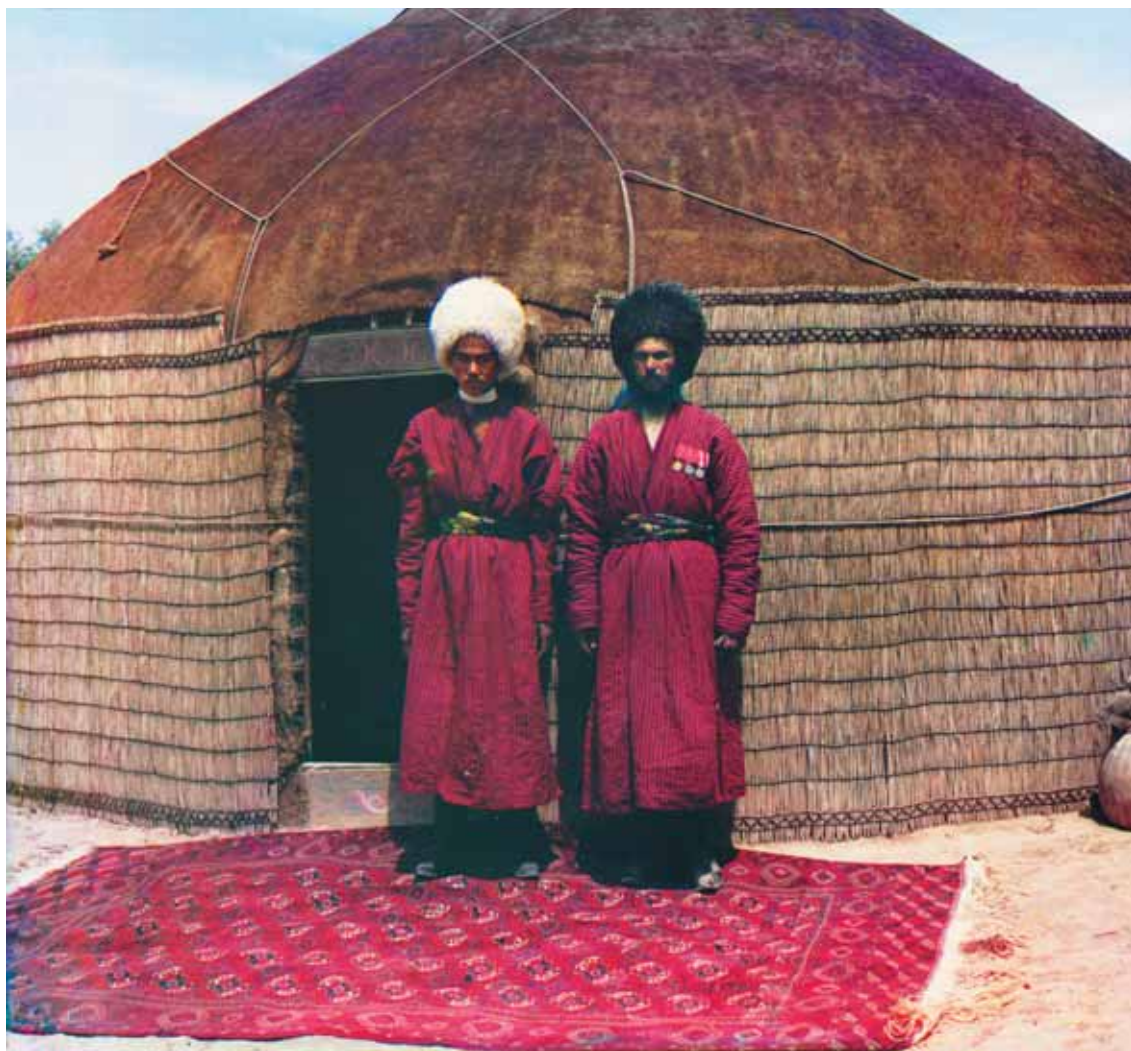
Переселенческий хутор в Надеждинском поселке с группой крестьян.
Голодная степь.

1911 г.

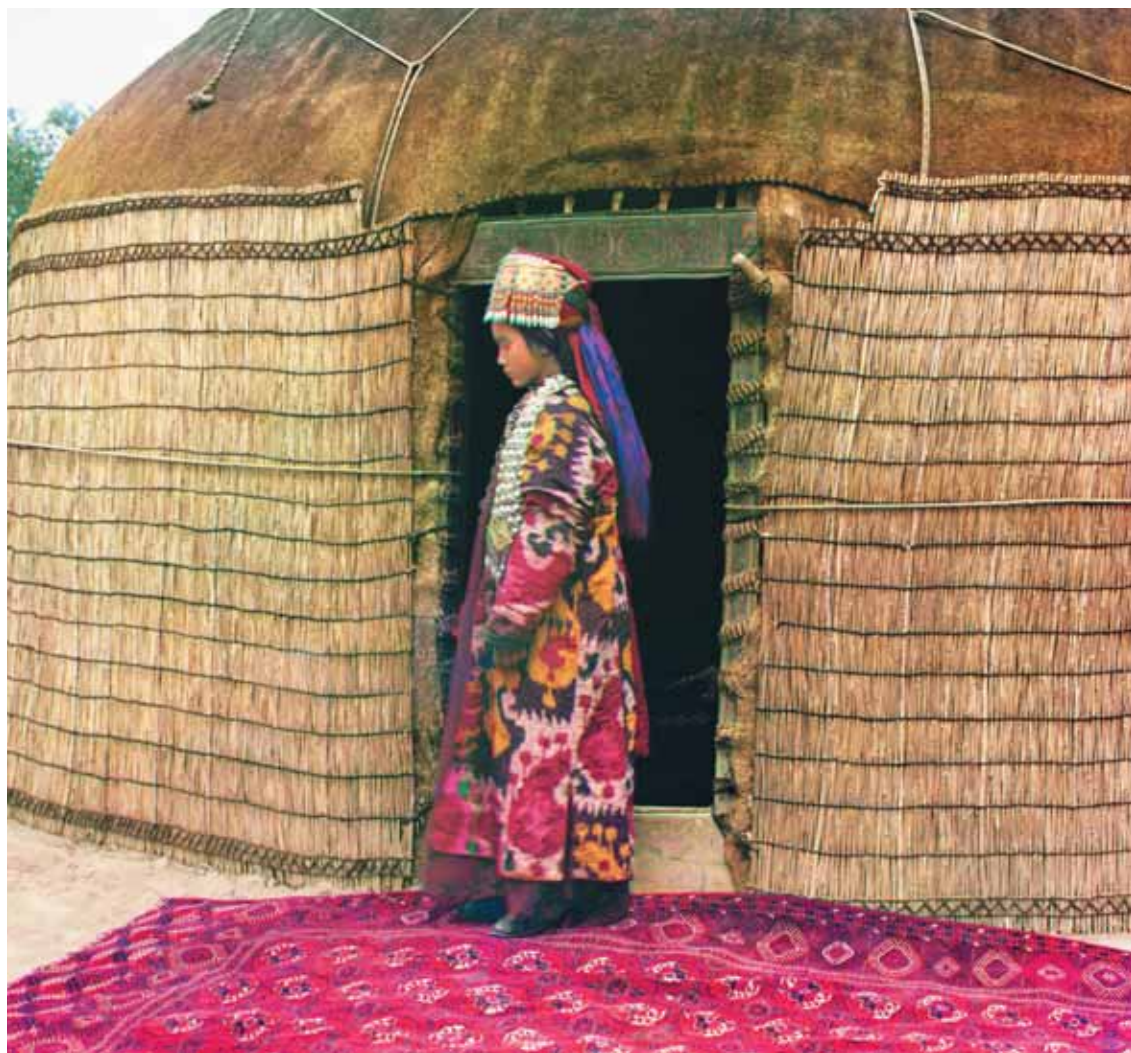
Текинец с семьей близ Байрам-Али.

1911 г.

Текинец у кибитки со старшим сыном близ Байрам-Али.

1911 г.

Младшая жена текинца в парадном костюме близ Байрам-Али.

1911 г.

Понятно, что заезжего европейца по Самарканду должен был сопровождать городской: даже местный гид не мог гарантировать безопасности. В поддержку нашего убеждения приведем цитату из книги В. В. Крестовского «В гостях у Эмира Бухарского». Автор, проходя мимо толпы нищих, расщедрился на подавание: «Мы с Асланбеком просто жизни были не рады, что вздумали подавать им, и уж не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не нагайки наших полицейских, которые без всякой церемонии пошли гулять по спинам нападающих нищих. ...к сожалению, без этой крайней меры не было иной возможности выручить нас из насевшей на нас оравы. Это не люди, а какая-то стая голодных псов, среди которой мы вдруг появились с костью».

Стоит отметить, Сергей Михайлович любил снимать людей за работой. Даже его «портретно-постановочные» кадры по большей части фиксируют людей, занимающихся делом. И в Самарканде он своей привычке не изменил. Ну, пожалуй, кроме упомянутого выше менялы, статус условных бездельников поддерживают только доктора, расположившиеся со своими колбочками на уже знакомом нам Регистане. Конечно, это в лучшем случае знахари, да и содержимое их бутылочек весьма сомнительно. Но как вообще обстояло дело с медициной в Бухаре и Самарканде? Будущий доктор обязательно обучался в медресе, попутно изучая теорию врачевания, не сильно изменившуюся со времен Авиценны. Затем следовали практические занятия под руководством уже состоявшегося врача: учили пускать кровь, дергать зубы, лечить кожные болезни, заживлять раны, вытаскивать ришту (подкожного глиста, о котором чуть ниже). Успешный ученик получал звание табиба и начинал практику. Помимо прочего от него требовалось содержать аптекарскую лавку, что было довольно затратно. Поэтому, видимо, некоторые табибы практиковали в полевых условиях — на Регистане, например. Дополним наши знания свидетельством Д. Н. Логофета: «Помимо этих, так сказать, дипломированных врачей, существует целый ряд знахарей, глубоко невежественных в медицине, пользующихся заговорами и лечащими им одним известными средствами, но имеющими большую популярность среди населения, относящегося к ним с большим доверием. Медицина “процветает”, но только в том смысле, что ежедневно предлагаются тысячи самых несуразных советов и ежедневно же съедается и выпивается, прикладывается и намазывается масса всевозможных, иногда далеко не безвредных средств»¹³.

Но вот с практической пользой водоноса, пожалуй, никто спорить не возьмется. Сфотографировав его у мавзолея жены Тимура Биби-Ханым, Прокудин-Горский так прокомментировал свой снимок: «Это водонос в Туркестане, где большую часть года жара стоит невыносимая; эти господа в бурдюках носят воду, но что это за вода — одному Богу известно, — только солнце одно спасает; положим, много все-таки туземцев страдают тяжелыми болезнями, вроде ришты, например». Придется упомянуть и ришту, подкожную глисту, вырастающую до 80 см, — но лишь потому, что, по свидетельству В. В. Крестовского, она не пощадила даже эмира:

¹³ Д. Н. Логофет. «Страна бесправия», 1909.

«...теперь он временно страдает ригидностью в ноге». Источником заражения была некипяченая вода, набираемая из арыка, куда сливали и нечистоты. Способ лечения опустим: он неприятен, прост и мало изменился с древних времен.

А вот фотография самаркандского плотника откровенно радует: мы видим, что, приспособившись к пекущему солнцу, плотник обтесывает бревно киркообразным топором. В результате ему не приходится наклоняться, и риск прилива крови к голове значительно уменьшается. Наблюдательные путешественники отмечали, что и у землекопов Самарканда лопаты были столь длинные, что работающий постоянно оставался в вертикальном положении.

Избавим читателя от описания восточного базара, которое легко найти не только в архивных источниках, но и в классической литературе, и обратимся к живописной фигуре Хивинского хана, сфотографированного, впрочем, не в своих владениях, а в Петербурге или его окрестностях, — правда, в этом же, 1911 году, в конце весны. Хивинское ханство (Хорезм) с 1873 года стало российским протекторатом, хан объявил себя «покорным слугой» российского императора, и все земли по правому берегу Амударьи отошли к России. С 1910 года Хорезмом правил Сеид Асфендиар-Богодурхан, которого мы и видим на снимке. Сейчас, в 1911 году, его титул еще недостаточно пышен: «Его Светлость Хан Хивинский» — им он пожалован сразу по восшествии на престол после смерти отца, но в 1913-м хан получит повышение и станет именоваться «Его Высочеством Ханом Хивинским». О его образовании нам ничего неизвестно: без окончания училища он был зачислен в Оренбургское казачье войско, все чины получал «за отличие», последний — генерал-майорский — в 1910 году. Сергей Михайлович фотографировал хана неоднократно — и в Петербурге, и в Хиве; занятно, что всюду — примерно в одной позе и с тем же выражением лица: менялись лишь антураж, халат и количество наград, нарастающее от съемки к съемке. Здесь мы видим хана при орденах: Святой Анны I степени на красной ленте, Святого Станислава I степени и с Бриллиантовым вензелем Его Императорского Величества Николая II. В 1917 году, когда и Хивинского ханства коснется ветер Февральской революции, брожение накроет Хиву, от хана потребуют перемен, и для его высочества все закончится переворотом 1918-го года, в ходе которого он будет убит.

Эмир Бухарский.
Бухара.

1911 г.

Группа еврейских мальчиков с учителем.
Самарканд.

1911 г.

Часовня [мазар] на горе Чапан-Ата
в 5 верстах от Самарканда.

1911 г.

Байга*
Самарканд.

1911 г.

* Байга — один из древнейших видов конных скачек у тюркских народов.

Доставка хлопка в завод. [Мургабское имение.]
Туркестан.

1911 г.

Плотник.
Самарканд.

1911 г.

Доктора.
Самарканд.

1911 г.

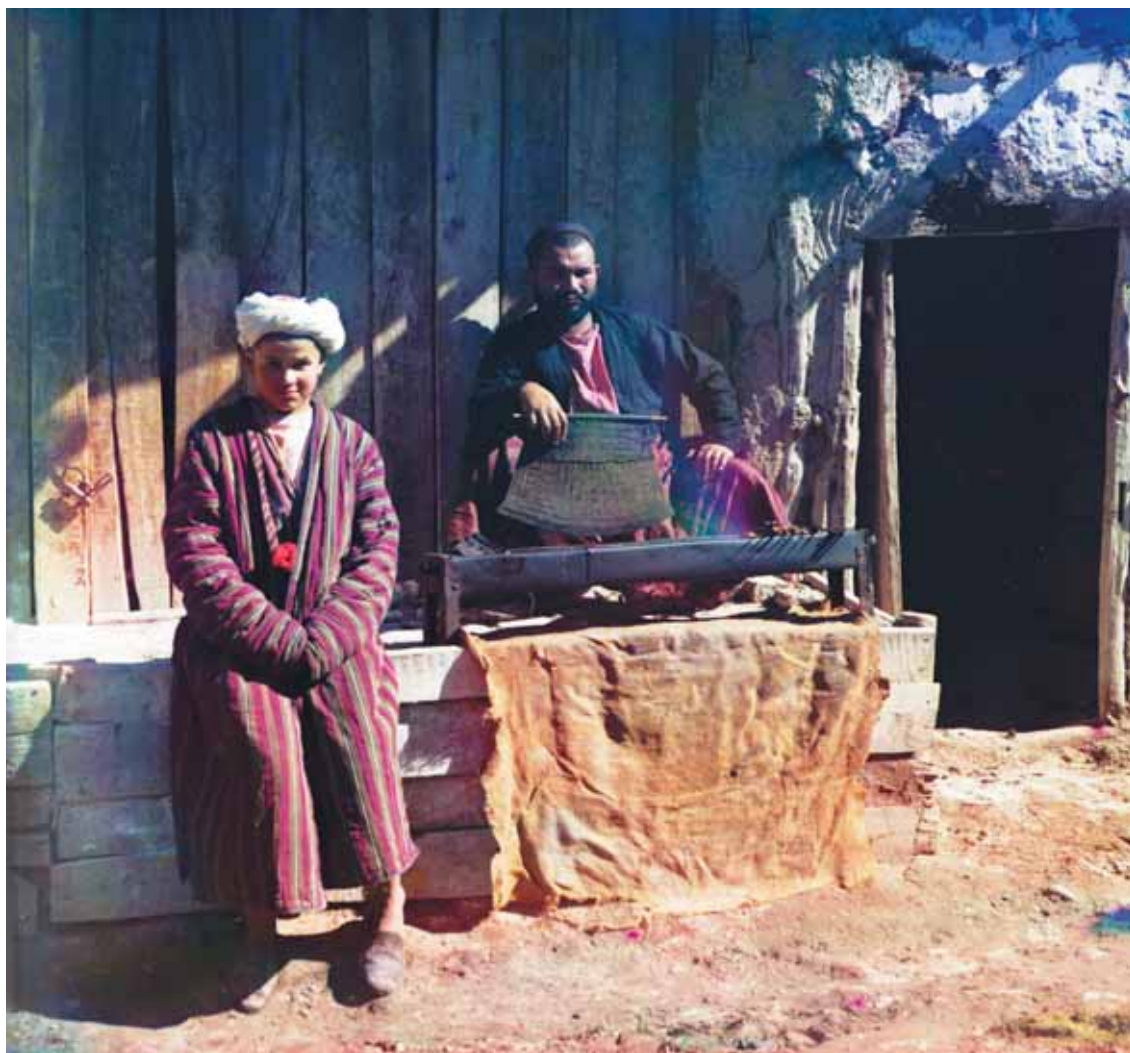
Его светлость хан Хивинский.
Самарканд.

1911 г.

Торговец лепешками.
Самарканд.

1911 г.

Шашлычная.
Самарканд.

1911 г.

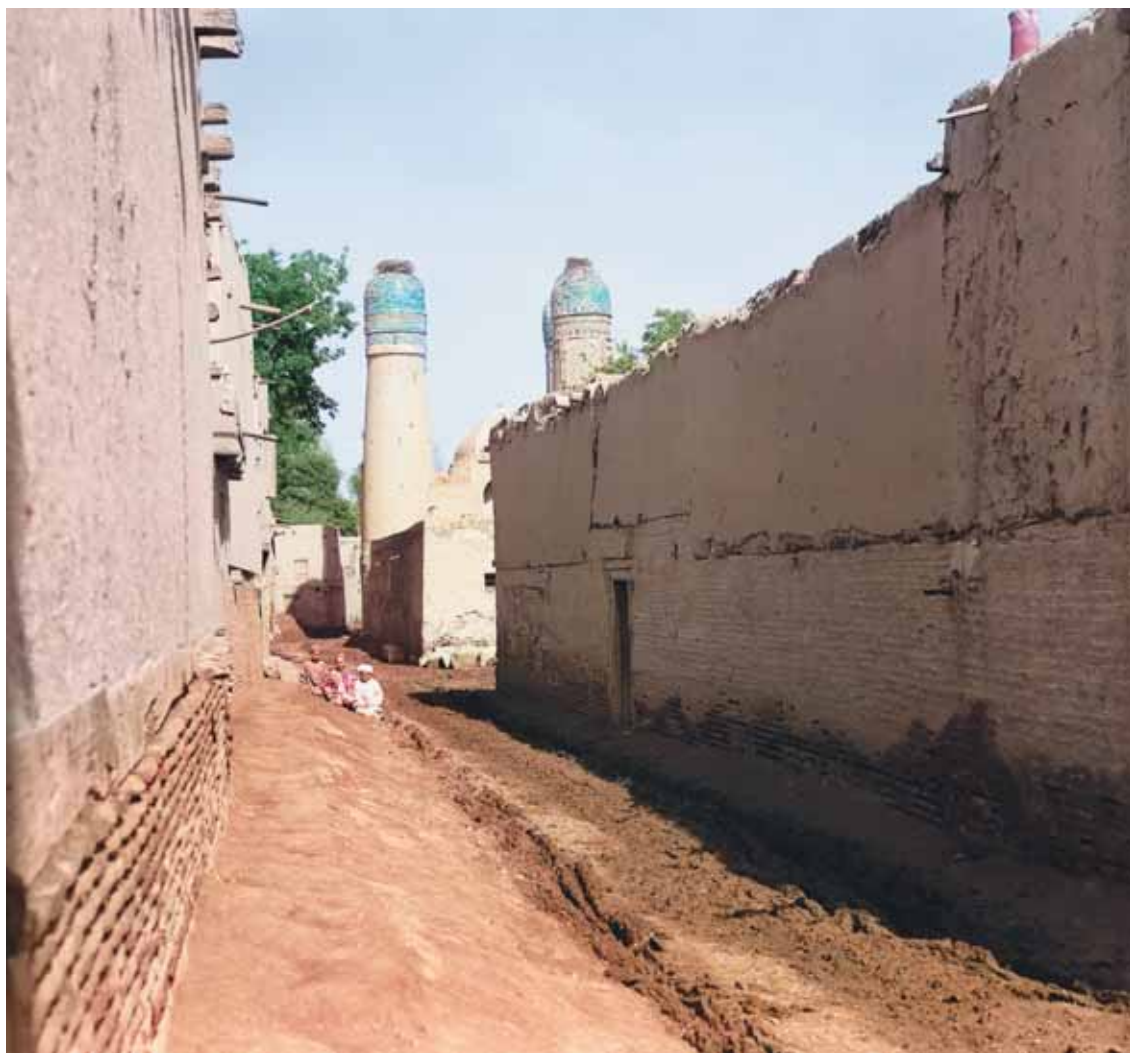
Торговец материями.
Самарканд.

1911 г.

Торговец дынями.
Самарканд.

1911 г.

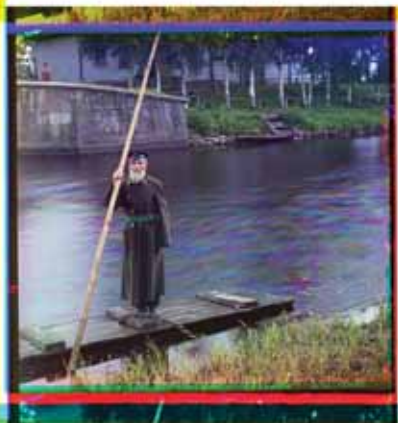
Улица в Бухаре с мечетью Чар-Минар.

1911 г.

Меняла на Регистане.
Самарканд.

1911 г.

Пинхус Карлинский. 84 года. 66 лет на службе.
Надсмотрщик Черниговского водоспуска.

1909 г.

Глава четвертая.

Среди трудов и бранных непогод

Вернемся на пару лет назад, когда, обласканный вниманием государя, еще не потерявший надежд на финансовую поддержку государства, Прокудин-Горский, казалось, был на взлете. В мае 1909 года его работы, представленные на Международной фотографической выставке в Дрездене, получают серебряную медаль, а уже в июне он отправляется в первую экспедицию, обеспеченную участием Министерства путей сообщения, — по Мариинскому каналу. Водный путь, соединивший реки Вытегру и Ковжу, строился в 1799–1810 годах и был назван именем императрицы Марии Федоровны, жены Павла I. В 1808 году из Ковжи в Вытегру прошло первое судно, так что можно считать, что поездка Сергея Михайловича была приурочена к 200-летию юбилею открытия канала. (А впереди — 1912-й, столетие Бородина, а там — и 1913-й, 300-летний юбилей династии! У Прокудина-Горского грандиозные планы, и, главное, они поддержаны благоволением двора!)

Путешествие начинается из Петербурга, с Ладожских каналов. Сделав несколько снимков в районе Шлиссельбурга, Прокудин-Горский продвигается к руслу Свири, попутно фотографируя прибрежные села и церкви. Большая их часть, увы, сохранилась только на его снимках. Водная система состояла из нескольких каналов и водоспусков. На Староладожском канале Сергею Михайловичу позирует надсмотрщик Черниговского водоспуска Пинхус Карлинский. Мы видим его форменную фуражку и очень пристойно сохранившуюся шинель. Однако чего-то не хватает.

Эту отсутствующую деталь мы заметим на другом снимке — «Сигнальная мачта при входе в порог Сиговец». Пожилая пара, обслуживающая сигнальную станцию, несомненно, озаботилась предстать перед фотографом во всеоружии: дед даже надел старые награды, возможно, пожалованные ему «За усердие». И у него, и у его помощницы мы видим на груди массивные бляхи (или жетоны). Они имелись у всех лиц, обслуживавших гидросооружения (шлюзы, плотины) и то, что называлось «обстановочными знаками» (как сигнальная мачта, например). У Карлинского такой бляхи нет, однако можно разглядеть на его шинели дырку в том месте, где прежде бляха была. В Материалах съезда деятелей пути речного транспорта (Москва, 1923) упомянуто, что «...в дореволюционное время... служили по большей части старые, опытные в этом деле люди, которые приобрели громадный навык в деле, дорожили службой и, получая небольшое вознаграждение (10–20 руб. в мес.), самоотверженно несли свою трудную службу, с риском для жизни держали в исправности обстановку». Эти слова можно отнести к «обстановочным служащим» у сигнальной башни, но к Пинхусу, наверное, нет: скорее всего, формально он уже отстранен от службы, но время от времени объезжает на плоту некогда вверенные его попечению места — привык за 66 лет...

Но что такое «сигнальная станция»? Прокудин-Горский запечатлел таких несколько. Сигнальная станция, собственно, обслуживала сигнальную мачту (установленную на перекатах, реже — у плесов): ее мы видим слева от домика «обстановочных служащих» и перед домиком на снимке «Сигнальная мачта в деревне Бурково». В обоих случаях съемка велась со стороны воды, отсюда и должен быть замечен большой красный шар, в первом случае спущенный, во втором — поднятый. В «Правилах плавания по реке Свири» читаем: «Поднятый на мачте шар обозначает, что в порог вступают спускные суда. В таких случаях взводные суда должны остановиться для пропуска спускных судов или ниже порога... или же в самом пороге, если до поднятия шара они уже успели войти в него». Добавим, что на первой фотографии слева в отдалении виден телеграфный столб — вдоль берега проведена телефонная линия. А на второй, что сделана у деревни Бурково, между служащим станции и человеком, в котором мы позже узнаем капитана парохода «Шексна», расположена меньшая мачта, не сигнальная, — на нее нанесены указания глубины в этом месте канала.

Оставим окрестности деревни Бурково, ныне затопленной, и обратимся к другому снимку, названному Сергеем Михайловичем «Остречины. Этюд». Снимок сделан близ Остречинской пристани (основанной в 1863 году и верно именуемой «Пристанью Никола») у деревни Харчевни при впадении реки Ивины в Свирь. Казалось бы, вокруг еще совершенно русские картины, однако плетень на берегу связан совсем по-фински, да и компактный аккуратный домик очень напоминает финскую баньку. Эта фотография занята тем, что, пожалуй, впервые, мы можем увериться в том, что Прокудин-Горский работал не один. Его 18-летний сын Дмитрий — в лодке (возможно, он проверяет сеть), а стоящий на берегу с блокнотом 17-летний Николай Максимович Селиванов — помощник Сергея Михайловича — появляется на многих снимках фотографа (см. стр. 153).

Значительную часть пути по Мариинской водной системе Прокудин-Горский плыл на служебном пароходе Вытегорского округа «Шексна». На снимке, сделанном, очевидно, на память об этом путешествии, мы видим уже встречавшегося нам капитана (он — крайний слева) и отмечаем несколько загадок. Пароход сфотографирован на фоне Сиверсова моста, который с 1901 года перестал быть подъемным. Как удалось под ним пройти? Что за странная игра теней на заднем плане? Солнце светит справа — это видно и по теням на лицах, и по тому, как заметная за плечом второго от кока моряка загородка отбрасывает тень: строго налево, на траву. Но тень от правого телеграфного столба (того, что ближе к коку) падает иначе: прямо вперед. И то же — с деревцем на противоположной стороне дороги-моста, роняющим тень прямо на забор. Что за причуды природы? Или неизбежные огрехи снимка — из-за его старости или полученные в процессе реставрации?

Еще один ребус ждет нас при созерцании «Монумента в память открытия Онежского канала». Канал строили в два приема: в 1818–1820 и в 1845–1882 годах. Он протянулся вдоль южного берега, в обход Онежского озера, и был назначен для прохода малых судов, когда на самом озере — довольно часто — случались штормы. В 1851 году часть канала (от Черных Песков до Вознесенской пристани) была открыта, и четыремя годами позже тут, возле села Вознесенье, поставили чугунный обелиск — памятник строителям канала.

На первый взгляд, фотография странная: снимается монумент, а на первом плане какая-то будка. Да с распахнутой дверью. И голодранец к стене привалился. К чему эти необязательные детали? Поскольку не нам упрекать фотографа в непрофессионализме, попробуем его понять. Прежде всего, посмотрите, как хороша будка! Как украшен кружевами конек! Какие узоры на фронте! Плотник был мастером и делал с любовью, для себя. Ан нет, не для себя: будка-то ведомственная, свежескрашенная будка Министерства путей сообщений. И за ее открытой дверцей — сложенный канат. Рядом (это видно по кусочку белого круга за самим монументом — фрагменту берегового судоходного знака) — плавучий мост через канал, веревки и канаты там в ходу. А мальчишка — подрабатывает ли он тут (вспомним старика Карлинского, вступившего в должность в 18 лет) или просто живет по соседству — конечно, не мог пройти мимо такого события: столичный господин, ящики, треноги, толпа зевак на противоположном, не видимом нам берегу.

Обелиск стоит и по сей день. Ныне он покрашен голубым, сливается с небом и не гармонирует с цветом цоколя, нет медной доски на пьедестале, на которой можно прочесть: «Онежский канал сооружен повелением государя императора Николая Павловича в 1851 году», «Канал сей сооружен в управление путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютанта графа Клейнмихеля» и «Монумент установлен в 1855 году. 27 июня 1858 года (по старому стилю) памятник осматривал император Александр II».

Коль скоро мы заговорили об Онежском канале, грех не упомянуть «Спасательную станцию» и разобраться, для чего она была сооружена: взгляд читателя-горожанина привычно ищет более-менее благоустроенные пляжи и, наткнувшись вместо оных на

изобилие сложенных бревен, обретает одно недоумение (см. стр. 153). «Спасательная станция предназначена для помощи терпящим бедствие судам и лодкам, а равно при несчастных случаях с людьми на льду. Для выезда лодки при станции состоят атаман и гребцы. Атаман есть непосредственный распорядитель делом спасения, и гребцы состоят в полном его подчинении. Спасенные люди доставляются на станцию или в ближайшее селение, где сдаются на попечение местным жителям. Атаман требует удостоверения об этом от местных властей или двух-трех домохозяев. Поднятый флаг на сарае для спасательной лодки... означает, что она находится внутри, с выездом лодки флаг опускается. Спасательная лодка предназначена исключительно для спасения людей. Строго запрещается принимать на лодку груз. Если вещи будут положены в лодку вопреки распоряжению атамана, то он в праве выбросить их за борт. Но атаман может взять на борт драгоценности и бумажные ценности самого малого объема. За спасение никакого вознаграждения от спасенных не полагается. Точно так же никакого вознаграждения не следует требовать от тех, кого спасательная лодка сопровождала до какого-либо пункта. Если же будет обнаружено вымогательство вознаграждения, то получившие оное подвергаются штрафу. Но если спасенные владельцы драгоценностей пожелают сами дать таковое, то вознаграждение поступает в пользу команды и распределяется поровну»¹⁴.

И, судя по всему, надобность в подобном спасательном обзаведении была немалая. Н. Я. Озерецковский в своем «Путешествии вокруг Ладожского, Онежского озера и вокруг Ильменя» пишет: «От Тудозера Онежский берег песчаный до устья Вытегры, которое также засыпано песком и так искривлено, что суда должны входить в оное возле самого берега, и нередко случается, что оне в темные ночи и в сильную погоду на стезю сию не попадают, и некоторые из водоходов лишились здесь судов и потеряли жизнь, как доказывают стоящие при устье кресты, которые обыкновенно в память усопших поставляются».

Снимок Сергея Михайловича сделан в устье Вытегры, и самой спасательной станции на нем не видно. Она была открыта под именем Ежинской в 1876 году, перенесена сюда, переименована в Вытегорскую и вновь торжественно открыта 20 июня 1892 года в присутствии великого князя Владимира Александровича при поездке его по Олонецкой губернии. Во время появления здесь Прокудина-Горского заведовал ею инженер Вытегорского Округа Путей Сообщения Евгений Оскарлович Шульц. На левом краю снимка мы видим деревянный мол, который выходит в озеро и там венчается белым столбом с белым кругом, обращенным в сторону озера. Такой же находится у спасательной станции, оставшейся без нашего внимания. Возле мола — знакомая нам «Шексна» и какое-то суденышко: судя по всему, прогулочный катер: обратите внимание на его «салон с занавесками». Возможно, на нем, без удобств, прибыло для инспекции начальство. У берега — спасательная шлюпка со спасателями. Подобные четырехвесельные шлюпки, узкие, длинные, имеющие острый нос и такую же корму, назывались вельботом. Строились они из сосново-

¹⁴ По материалам инструкции атаману и гребцам, «Олонецкие губернские ведомости» от 1875 года № 84.

го дерева, хорошо «входили на волну» и считались практически непотопляемыми. На корме вельбота — белый флаг с красным крестом и синими якорями: это флаг Императорского Российского общества спасения на водах, он был утвержден в 1894 году. В руках «атамана» — белый флаг, в спасательном круге на корме — сигнальные буи. Вся команда облачена в спасательные жилеты, а на гребцах еще и яркие шапочки — видимо, для того чтобы и в воде, и в тумане спасатели могли отличить коллегу от жертвы стихии. Почему эти шапочки столь напоминают санта-клаусовские, нам неизвестно, но на фотографиях, сделанных на Соловках, местные спасатели — в таких же.

О востребованности спасательной станции мы можем судить по публикациям «Олонецких губернских ведомостей». Вот, например, выдержка следующего содержания: «Со станции Вытегорской: а) 27 августа 1901 года сделано было три выезда — первый по сигналу, данному шкиперу буксирного парохода «Симеон», который приглашал народ для отливки воды в одном из судов, идущих за пароходом, а второй и третий выезды для снятия народа с полулодков Онежской конструкции № 2 и 4 крестьянина Мирохина, нагруженных дровами и разбившихся от сильного волнения, б) 21 июня 1901 года сделан был выезд на встречу рыбацкой лодке крестьянина Петрозаводского уезда Ивана Бутылкина, приближавшейся к устью реки Вытегры с народом при сильном волнении, и в) 6 октября 1901 года — к казенному пароходу «Астрахань», который стал на озере на мель».

Оглядывая берег, возле которого стоит шлюпка со спасателями, мы видим множество бревен, в том числе и аккуратно сложенных в штабеля. Первое, что приходит в голову, — они предназначены для сплава, в этих местах обычного: Карелия и Финляндия были главными поставщиками древесины в европейскую Россию, поскольку водным путем переправлять лес гораздо дешевле. Однако наш случай, кажется, другой. Учитывая безостановочную работу по всему водному пути — углубление каналов, строительство новых шлюзов, подновление старых, — мы вправе предположить, что бревна у спасательной станции и те, что мы видим на фотографии «Пильщики на на Вытегре», предназначены для гидротехнических сооружений, для укрепления и строения бечевников, то есть сухопутных дорог вдоль берега. Суровое название этих дорог отмечает все иллюзии о романтических прогулках вдоль тихих вод. Это были крепкие, деревянные мостовые, проложенные по болотистой почве и привычному русскому бездорожью именно вдоль берега для буксирования несамоходных барж. Люди (бурлаки) или лошади тащили эти суды на канате, обычно именуемом бечевой (отсюда и название этих, с позволения сказать, набережных).

Чем еще была знаменита Вытегра, так это своей пожарной командой! Инженер-технолог, теоретик санитарии, один из основоположников охраны труда в России А. А. Пресс в статье, посвященной пожарному делу, сокрушенно признавал: «В России, кроме столичных городов и Варшавы, имеющих отличную пожарную организацию и снаряжение по образцу западноевропейских команд, дело противопожарной обороны поставлено неудовлетворительно, и на этот предмет тратятся сравнительно незначительные средства. В 1893 году из 687 городов 61 губернии (за исключением

Монумент в память открытия Онежского канала.
[В селе Вознесенье].

1909 г.

Сигнальная мачта в деревне Бурково.
В 40 верстах выше Череповца на правом берегу реки Шексны.

1909 г.

Команда парохода «Шексна» М. П. С.
[Вытегра].

1909 г.

Группа. Я с двумя (Мурман).
[Близ озера Выгозеро].

1916 г.

Привислянского края, Кавказа, Финляндии и областей Уральской и Войска Донского) в 63 (то есть 9,1% общего числа городов) не было израсходовано на пожарное дело ни одной копейки»¹⁵.

Между тем в том же 1893 году «Олонецкие губернские ведомости» уже могли похвастаться небольшой, но нестандартной историей местной пожарной команды: «До 1889 года Вытегорское общество располагало незначительной пожарной командой, которая не соответствовала потребностям пожарного дела. Вследствие часто повторяющихся пожаров, местное общество высказывалось за необходимость иметь организованную и дисциплинированную пожарную команду. Наконец, нашелся руководитель — Евгений Оскарович Шульц, по инициативе которого 29 апреля 1889 года было организовано Вольное пожарное общество, а 14 января 1890 года — Вольная пожарная команда. Наряду с приведением в порядок пожарного обоза, проведением учебных пожарных тревог г. Шульц обратил внимание на устройство пожарной сигнализации. С этой целью город был разделен на пожарные участки, которые имели пожарные колокола. Кроме того, из квартиры начальника пожарной команды (г. Шульца) на каланчу, где круглосуточно находился караульный, и с каланчи в помещении пожарного обоза проведены электрические звонки, так что, в случае пожара, караульный сразу может подать сигнал о пожаре и начальнику команды, и людям в обозе, а затем бить в набатный колокол, поднимая при этом днем красный флаг, а ночью — красный фонарь. Проведение звонка из квартиры начальника на каланчу имело еще то важное значение, что последний, не выходя из квартиры, имеет полную возможность во всякое время проверить бдительность караульного на каланче».

Такие успехи не остались незамеченными, и в июне 1892 года Вытегорская пожарная команда имела счастье представляться великому князю Владимиру Александровичу. Князь счел команду удовлетворительной, удостоил ее одобрения и выражения своей благодарности.

Рассматривая снимок Прокудина-Горского, мы с легкостью обнаруживаем начальника пожарной команды, статского советника, инженера путей сообщения и — да! именно так! — заведующего спасательной станцией «Вытегорская» Евгения Оскаровича Шульца. Присмотримся: в правой части снимка — пожарные, в левой — руководство в первом ряду шестой слева — Шульц. «Олонецкие губернские ведомости» аттестовали его как человека «отзывчивого на все полезное... труды которого давно оценены местным населением». Забегая вперед, отметим, что заслуги Шульца перед городом были отмечены особо: один из скверов Вытегры был назван его именем и просуществовал таковым до 27 апреля 1918 года, когда комиссия по проведению праздника 1 мая переименовала сквер Шульца в сквер Труда. Но сейчас и этого сквера в Вытегре нет.

Крайний слева на снимке — полицейский, но чин его определить затруднительно, форма служащих уездного полицейского управления практически неразличима: у всех головной убор с двумя кокардами, кафтан, черная кобура, белые перчатки, сабля, сапоги. Различие — в количестве петлиц и цвете галунов. Поскольку у нашего

¹⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

полицейского ни на воротнике, ни на обшлагах петлиц нет, это, скорее всего, помощник станового пристава, нижний чин уездной полиции. Следующий — человек в котелке и с медалью — возможно, городской голова. Пара в шлемах и с красными ремнями — вероятно, члены правления пожарного общества. За ними стоит знаменосец. Нас не должно смущать красное знамя — это ведомственный флаг пожарной команды.

Чем дальше, тем состав пожарников пестрее. Нет даже общей для всех формы. Возможную причину такой «разношерстности» можно усмотреть в том, что пожарные команды Российской империи разделялись на два типа: постоянные (городские, или полицейские) и вольные (личный состав которых собирался по тревоге из местных жителей или служащих и рабочих). Пожарная команда Вытегры была как раз такой. Мы видим пожарную технику: часть ее передвигалась на конной тяге, но замыкает величественную панораму пожарный локомобиль (в действие его приводили водяные насосы). К 1909 году пожарных машин в городе было уже как минимум шесть! Хорошо было поставлено пожарное дело в Вытегре. До конца 2000-х годов в здании за спинами этих людей — нынешних чиновников, бывших солдат, сегодняшних служащих, рабочих и прибывших к празднику мальчишек, — располагалась пожарная команда. Лишь недавно здание сочли ветхим и, переведя пожарников в другое место, оставили естественному разрушению.

Но пока вокруг каланчи торжество. Из окна на него смотрит смутившийся разделить общий праздник молодой человек, а из другого — женщина с ребенком: где-то внизу стоит ее муж, и его фотографирует столичный человек. Как потом оказалось, на века...

Сооружения Мариинской системы — плотины и шлюзы — на протяжении долгого времени считались едва ли не эталонными гидротехническими сооружениями. В 1913 году на Всемирной выставке в Ренте Мариинская система, аттестованная как выдающееся достижение русской инженерной мысли, была удостоена Большой золотой медали. Как всякое удачное и добротное работающее новшество, она стала практически нарицательной: когда говорили о деревянных гидротехнических конструкциях, имели в виду мариинские. Следующее усовершенствование «Мариинки» пришлось уже на 1960-е годы, тогда она и поменяла название, став Волго-Балтом.

После Вытегры начинается собственно Мариинский канал, из которого по Ковже и Белозерскому каналу Прокудин-Горский выгльвет к Шексне. По всему пути ему будут встречаться приметы напряженно введущихся работ: предшествующий год, как утверждают исследователи, выдался мелководным и убыточным для судоходства: пришлось снизить предельную осадку судов, брать на борт меньше грузов. А потому теперь дно канала углубляют, и на фотографиях Мариинской системы мы видим много землечерпательной техники. Однако, не обделяя вниманием этот воодушевляющий зрителя труд, фотограф с большой охотой то и дело отклоняется от маршрута. Старая Ладога, Александрo-Свирский и Кирилло-Белозерский монастыри — эту красоту хочется увековечить, ее должны видеть не только паломники и местные жители, она должна стать доступна для всех: и в России, и в мире.

Ничуть не умаляя высокую цель патриота и художника, заметим, что все больше внимания Прокудин-Горский уделяет той красоте, которая ускользает практически на глазах. Скоро сойдет земляника. Конечно, она вырастет и в следующем году, но будут ли собирать ее эти девушки? Что с ними станет? Выйдут замуж, раздобреют, увязнут в домашнем хозяйстве? Что у них впереди? Тяжелый покос, недолгий отдых под солнцем, остывающие угли костра, на которых согрет нехитрый, принесенный из дома обед? Обратите внимание на снимок «Крестьяне на покосе». И подросток, и молодежь, и старик — все смотрят в объектив напряженно и слегка затравленно. Во-первых, они очень устали. Во-вторых, конечно, побаиваются всей этой господской суеты, кстати, отвлекающей их от недолгого отдыха. Но как хороша молодка, обнажившая голову и севшая к фотографу спиной! Нам видна только ее щека, и то лишь отчасти, но приглядитесь — она улыбается. Интересен тот факт, что у Прокудина-Горского есть еще один снимок этой же группы и в этом же месте. Наверняка он рассаживал крестьян и так, и сяк, или добиваясь естественности постановочного кадра, или отыскивая какую-то деталь, которая должна заиграть. На другом снимке четверо сидят возле скатерки, вид у них не такой зажатый (возможно, это второй кадр и все немного расслабились), женщина покрыла голову платком. Но что-то пропало. Возможно, эта улыбка разгоряченной работой женщины, сорвавшей платок и, застеснявшись, отвернувшейся.

Или ставшее уже хрестоматийным фото — «Крестьянские девушки» (см. стр. 153). На сайте Библиотеки Конгресса США эта фотография проводится следующим комментарием: «Молодые крестьянские девушки предлагают ягоды гостям у избы в сельской местности на реке Шексна возле поселка Кириллов». Сейчас установлено, что снимок был сделан в деревне Топорня. И, казалось бы, что нас может в нем удивить? Да, безупречно выстроенный кадр, богатая цветовая гамма. Девушки предлагают ягоды: чернику и землянику. Но, позвольте, что не так с девушкой, стоящей посередине? Что у нее в тарелке? Кекс? Розеточка с вареньем и взбитыми сливками? Для нее не хватило ягод? Впрочем, у нее не хватает еще кое-чего. Для начала — платка. Конечно, можно предположить, что девушка незамужняя и покрывать голову для нее обязательно только в церкви. Но дело не только в этом. Дотошные исследователи творчества Прокудина-Горского отметили, что она в сарафане (праздничном, нарядном), но без пояска. Соседка слева подпоясана фартуком, справа — синим пояском, а наша простоволосая барышня еще и «распоясавшаяся». В крестьянском быту такая вольность недопустима. А вот в городе уже давно в ходу. Мы не знаем, как эта барышня тут оказалась, когда и с кем приехала, но она — определенно городская: ни она, ни выстраивавший кадр фотограф не знали многих тонкостей деревенского быта. К счастью, нашелся человек, указавший на эту досадную оплошность: на снимке «Девушка с земляникой» мы видим нашу барышню, уже подпоясанную знакомым нам синим пояском и презентованную тарелкой с ягодами.

А вот глядя на фотографию «Группа детей», невозможно отрешиться от мысли, что, снимая эту красочную компанию на склоне холма, Сергей Михайлович держал в голове собственный прошлогодний снимок в Ясной Поляне: и дети схожего возрас-

та, и платки-картузы такие же, и так же уползающий вниз холм. На дальнем плане видна церковь Параскевы Пятницы, расположенной на восточной окраине Белозерска, в Ямской слободе. Возможно, дети собираются туда или вышли после службы: одеты они нарядно. Церковь была построена в 1795 году, ныне — практически разрушена (см. стр. 153).

Завершить это путешествие Сергея Михайловича было бы логично фотографией, которую он, по свидетельствам современников, любил больше остальных, — «Обед на покосе»: ее репродукция висела у него дома. Снимок сделан на одном из островов Шексны, между Череповцом и Рыбинском. В нем завораживает все: и мужики, философски созерцающие реку, опрокидывая стаканчик, и баба, допивающая чай из блюдца, и ее визави, понявшая, что единственная смотрит в кадр, скромно потупившаяся, да еще и поджавшая губы. Та, что побойчей, уже при граблях, встала и недвусмысленно намекает, что пора бы и к делу вернуться. А за всей этой колоритной группой — спокойная река, противоположный, местами лесистый, местами лысоватый берег и бесконечная даль, отороченная лесом на горизонте. Живописное полотно, кабы не землечерпательная машина «Шекснинская-1», перерезающая кадр пополам. Но, как говорится, из песни песни слова не выкинешь (см. стр. 6).

В 1912 году Прокудин-Горский проезжает еще несколько мест, связанных с Наполеоновской кампанией, и наконец оказывается в Рязанских краях, привлеченный сюда прагматическими целями правительства. Он снова работает на реке.

Сравнительно мелководная в своем среднем течении Ока нуждалась в «перегрузке», и уже годом раньше здесь началось строительство двух гидроузлов — Белоомутского и Кузьминского. Рядом с Кузьминским располагалось село Константиново, и приехавший летом на родину 16-летний Есенин писал другу: «У нас делают шлюза, наехало множество инженеров, наши мужики и ребята работают. Мужикам платят в день 1 р. 20 к., ребятам 70 к., притом работают еще ночью. Платят одинаково. Уже почти сделали половину, потом хотят мимо нас проводить железную дорогу».

Кстати, стоит отметить, что железную дорогу так и не провели, но и со строительством шлюзов дело обстояло неладно. В течение нескольких лет в Государственной думе шли дебаты о целесообразности расходуемых средств, некачественном проектировании и предполагаемых хищениях. Оппонировал возмущенному депутату Виноградову начальник управления внутренних водных путей и шоссейных дорог князь Шаховской, который утверждал, что все идет по плану, а отдельные издержки — несущественны, и куда уж без них. Возможно, Прокудин-Горский и должен был добыть материал, поддерживающий оптимистическую точку зрения Шаховского.

Девушка с земляникой. Деревня Нижняя Топорня.
Река Шексна.

1909 г.

Крестьяне на покосе.
Село Крохино.

1909 г

Заканчивающаяся часть шлюза
близ села Кузьминского.

1912 г.

Бетонировка флютбета плотины на реке
Оке у села Белоомут.

1912 г.

Плыл он на пароходе (предположительно — «Цна») — он мелькает на нескольких снимках, но, пожалуй, в большей степени заслуживает внимания другое его временное пристанище: барак Министерства путей сообщения. Сфотографирован он в Белоомуте, у правого берега Оки. Возможно, он мог курсировать между стройками и швартоваться в нужном месте, но, скорее всего, стоял недвижно. Обратите внимание — возле него телеграфный столб: возможно, проведена телеграфная линия. В сущности, это гостиница для инженерно-технического персонала обеих строек, расположенных не так далеко друг от друга. Он не так мал, как может показаться, — мы не видим нижней палубы, но она есть.

Но что же не так со строением шлюза? Его начали строить годом прежде, и сразу же обнаружилась крайне неудачная почва: плавучий песок. Начальником работ был действительный статский советник Нестор Платонович Пузыревский (его в отдалении мы можем разглядеть на снимках «Заканчивающаяся часть шлюза» и «Бетонировка флютбета плотины»). Его и винили в бесхозяйственности и постоянных авариях. Меж тем именно он сразу сообщил правлению о плавучих песках, в ответ получив приказание использовать другие материалы, проектом не предусмотренные. Будучи руководителем проекта, он, в сущности, получил его непродуманным и наскоро составленным от своего предшественника инженера Рейхмана — и теперь крутился как мог. А мог он немного. Только через четыре месяца с начала строительства решили провести надлежащее геологическое исследование места — стали «бурить всюю». Через некоторое время обвалилась стенка шлюза. Пробовали бетонировать — безуспешно. Наконец, построили то, что можно бы показать: забетонировали флютбет плотины. На снимке — «часть законченного флютбета», около 10 саженьей. Еще 35 саженьей Пузыревский пытался достроить зимой. Но не получилось (все работы свелись к откачиванию воды). По плану (кроме этих 35) нужно было еще 50 — не успели. Попутно решено уменьшить толщину флютбета почти вдвое.

Но пока мы видим красивый кадр: ладное устройство из свежих бревен, чиновники в черных и белых формах (первые, очевидно, работающие на шлюзе, вторые — проверяющие), работники на заднем плане, солидный господин в гражданском. Если бы Сергей Михайлович взял более широкий план, стало бы очевидно, что работы сильно отстают от графика. Но что еще печальнее, все эти конструкции, среди которых позирует Пузыревский, будут смыты вместе с плотиной 29 июля 1915 года.

Чтобы не заканчивать на этой печальной ноте, отметим несколько фактов: жители села Кузьминское традиционно считались отменными плотниками, возможно, поэтому Прокудин-Горский посветил несколько снимков именно им. Кстати, запечатленной фотографом лесопилке была уготована долгая жизнь (и, увы, предсказуемый финал): она сгорела в 1990-х годах. И если посмотреть внимательно на снимок камнедробилки, можно заметить в соседстве с усталыми лицами людей, впряженных в тяжелую работу, наверняка понимающих, что

начальство юлит и ворует, видящих, что сделанное ими сегодня уносится водой завтра, вдруг — странная деталь, заставляющая улыбнуться и задать себе вопрос: что на крыше камнедробилки делает чайник?

Мы помним, что финансовый вопрос дела, которое Прокудин-Горский почитал важнейшим в своей жизни, так и не был решен. Государство не выкупило его коллекцию, в которой к 1913 году было уже 3350 негативов и 1000 позитивов для проекции. В январе 1913-го он учреждает товарищество на вере под фирмой «Торговый дом С. М. Прокудин-Горский и К^о», а 7 апреля этого же года в последний раз демонстрирует свои снимки Николаю II.

Сергей Михайлович много ездит по Европе, патентует цветную синематографию в Германии, Франции, Англии, Италии. Конечно, и в России. В марте 1914 года акционерному обществу «Биохрон» (в состав правления которого входит Прокудин-Горский) передается вся собственность «Торгового дома». В мае под наблюдением и руководством Прокудина-Горского в Париже строятся усовершенствованные аппараты для съемки и проекции цветных фильмов. Предполагалось сконструировать систему, которая позволит демонстрировать кино в широком прокате, — и это, несомненно, обеспечит коммерческий успех.

С началом войны экспедиции и поездки по стране становятся сложно осуществимы, пульмановский вагон приходится вернуть. По некоторым сведениям, правительство уполномочило фотографа на съемку военных объектов, но определенно известно, что он обучал русских летчиков съемкам с аэропланов и занимался цензурой иностранных фильмов.

К 1916 году относится последняя фотоэкспедиция Прокудина-Горского по России. Он снимает южный участок Мурманской железной дороги, только что отстроенный. Лишившись пульмановского вагона с лабораторией, Сергей Михайлович путешествовал на специальном служебном поезде. С какими целями и по чьему приказу велись эти съемки — неизвестно. Понятно только, что предприятие было не лишено секретности. Эксперты свидетельствуют, что на разных этапах в строительстве было задействовано более 170 тысяч человек: 100 тысяч рабочих из губерний Центральной России, 5,5 тысяч рабочих из Финляндии, 40 тысяч пленных (преимущественно венгров, австрийцев и немцев), 10 тысяч завербованных китайцев, 500 рабочих из Канады. И около 2 тысяч солдат железнодорожных батальонов.

Дорога строилась ударными темпами: 1 января 1915 года было получено высочайшее одобрение на строительство, а 16 ноября 1916-го года на месте встречи двух партий укладчиков был вбит «золотой костыль». Возможно, поездка Прокудина-Горского была приурочена ко времени окончания работ. Мы видим два

схожих снимка «участников железнодорожной постройки»: один — на узкоколейке, ведущей из Кемы в Кемь-Пристань, другой — непосредственно в порту. Состав участников практически один и тот же: железнодорожники и люди в штатском. Снимок группы, стоящей на рельсах (там разрабатывается выемка) имеет менее постановочный характер. Мы даже видим на втором плане рабочих (пленных или осужденных). Люди в форме МПС — инженеры или служащие, но высшей категории. Они лучше видны на причале. Различить их служебную принадлежность можно по колышкам на фуражках: чиновники МПС носили эмблему в виде серебряного двуглавого орла, а инженеры — в виде перекрещенных речного якоря и топора.

В группе можно заметить и гражданских — в плащах и кепках. Это могут быть подрядчики. Судя по дорогим костюмам и важному виду, они неплохо вложились в строительство и немало на нем заработали. Учитывая, что Кемь была конечной точкой строительства, можно предположить, что обе фотографии сделаны «на память», и та, что на причале была последней. Обратите внимание на солидного господина в сером пиджаке. Он идентифицирован как старший врач Управления по постройке Мурманской железной дороги Сергей Павлович Серебрянников. На причальной, во многом постановочной, фотографии на лацкане его пиджака мы видим красный цветок (или бантик), а на пальце — дорогой перстень. Все эти статусные вещицы он предпочел снять, фотографируясь на путях: охрана охраной, а стоящий за спиной мужик с кувалдой большого доверия не вызывает.

На Мурманских снимках мы видим Сергея Михайловича на дрезине у Петрозаводска в гораздо менее рафинированном обществе: его сопровождает офицер 103-го Петрозаводского пехотного полка, а дрезиной управляют пленные австрийцы. Война...

Есть в «Мурманском альбоме» Сергея Михайловича и снимки, кажущиеся достоянием мирных времен. Они сделаны в Карелии. Казалось бы, на ферме. Это и заводик для вяления рыбы, и прессовальный станок для сена. Но возле «завода» — лежащие шпалы, железнодорожный инструмент, поодаль врыт телеграфный столб. Очевидно, что перед нами ведомственное подсобное хозяйство. Это касается и фотографии с прессовальным станком: крестьяне не прессовали сена. А вот книга «МЖД. Краткий очерк постройки жд на Мурман с описанием ее района», изданная в Петрограде в 1916 году, может эти детали прояснить: «Доставка на линию материалов и продуктов в зимние месяцы 1915 года, вследствие затруднительности перевозок, не достигла желаемых результатов... На месте нельзя было достать ни продуктов, ни фуража... Подножного корма для скота и лошадей не было, приходилось даже сено привозить из центральной России». Что ж, ведомству приходилось решать эти проблемы на месте.

Особое чувство, конечно, рождает еще одно карельское фото: Прокудин-Горский, придерживающий ружье и обнимающий собаку. А рядом — откровенные кавказцы. У него в альбоме она подписана так: «Группа. Я с двумя (Мурман)». Мы помним привычку Сергея Михайловича фотографировать своих попутчиков и гидов. Известно, что для охраны Мурманской железной дороги были привлечены уроженцы

Северного Кавказа, — несомненно, эти господа из их числа, но атмосфера снимка дает нам основания полагать, что у фотографа с сопровождающими сложились самые приятельские отношения.

Барак Министерства Путей Сообщения
у села Белоомут.

1912 г.

Сигнальная мачта при входе в порог Сиговец
[на реке Свирь].

1909 г.

Группа участников железнодорожной постройки.
Кемь.

1916 г.

Группа участников железнодорожной постройки.
Остров Попов.

1916 г.

Пожарная команда
в городе Вытегре.

1909 г.

Пильщики на берегу Онежского озера
в устье реки Вытегры.

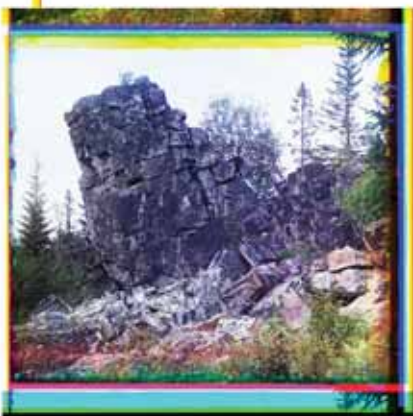
1909 г.

Онежское озеро.
Заход в реку Вытегру.

1909 г.

На Урале.
Скала на Тяжелом железном руднике.

1910 г.

Глава пятая.

В небо вздыбленный Урал

На Урале Прокудин-Горский был как минимум три раза: в 1909, 1910 и 1912 годах. В середине августа 1909 года фотограф начал свою экспедицию с Перми. Из его воспоминаний 1932 года мы знаем, что путешествовал он с известными удобствами, необходимыми прежде всего для работы: сразу же после демонстрации снимков в Царском Селе государь настойчиво рекомендовал обратиться к министру путей сообщения С. В. Рухлову, что Сергей Михайлович и не преминул сделать. «В результате доклада его [министра путей сообщения Рухлова] Государю, мне был дан по Высочайшему Повелению Пульмановский вагон, специально оборудованный по моим указаниям. Там была устроена прекрасная лаборатория, превращавшаяся по желанию из светлой в темную, для исполнения работ в пути и на стоянках, а также помещение для жизни моей и моих сотрудников. Вагон этот предоставлен был в полное мое распоряжение, прицеплялся к указанному мною поезду, отцеплялся на той станции, где я предполагал работать, и ставился на это время на запасной путь. Мы продолжали жить в своем вагоне, совершали поездки для съемки, а затем снова передвигались в следующий намеченный пункт. При вагоне был проводник, вагон снабжался, где было нужно, льдом и т. д.». Не исключено, что, оговаривая устройство и содержимое вагона-лаборатории, Прокудин-Горский держал в памяти тот, первый свой «вагон-палатку» Менделеева, в котором путешествовал навстречу солнечному затмению в 1906 году. Ее оснащение, в первую очередь учитывало интересы

инспекторов Главной палаты мер и весов, так что фотографу наверняка было чем дополнить любезно предоставленный ему пульмановский вагон. Весьма вероятно, что первым «тематическим» снимком промышленного Урала стал «Паровоз “Компаунд” с пароперегревателем Шмидт», сфотографированный в депо Главных мастерских УГЖД Перми. Прокудин-Горский был в Перми трижды: в 1909, 1910 и 1912 годах. Во всяком случае, мы можем утверждать, что изображенное на заднем плане здание депо сохранилось до нашего времени; оно перестроено, но характерный зубчатый фронтон остался.

Кроме того, команде Сергея Михайловича специально для фотографической обработки Урала и перевала Уральского хребта в Екатеринбурге был предоставлен новый автомобиль системы «Форд», пригодный для движения по трудным дорогам. В особо сложных местах фотограф пользовался услугами гужевого транспорта, не раз попадавшего в кадр при съемке. Скорее всего, именно так он добрался до Касли, расположенных в отдалении от железной дороги. 23 мая 1747 года здесь был основан поселок Каслинский: промышленники Коробковы строили чугуноплавильный и железоделательный завод. В 1749 году он был построен, в 1751-м куплен Н. Н. Демидовым — и действует до сих пор. Выпуская чугунное литье самого разного назначения, Каслинский завод был славен прежде всего своими чугунными скульптурками и высококвалифицированной рабочей силой.

Когда завод посетил Сергей Михайлович, на нем работало более трех тысяч человек. Съемки велись и в формовочных, и в механических мастерских для отделки художественного литья, и в самом городе. И это тот редкий случай, когда благодаря фотографиям Прокудина-Горского мы можем отметить, что внешний облик Касли претерпел мало изменений. Чего, к сожалению, нельзя сказать о Златоусте, который Сергей Михайлович посетил последним в эту уральскую поездку: город сильно пострадал в советские годы. В 1929 году его едва не переименовали в Сталинск, но обошлось.

В Златоуст Сергей Михайлович приезжает в сентябре, фотографирует городские виды, церкви, скромные улочки большого промышленного города. Здесь есть металлургический завод и оружейная фабрика, знаменитая, в частности, тем, что, открывшись в декабре 1815 года, стала первой российской государственной фабрикой холодного оружия. На самом Златоустовском заводе фотограф снимал и Арсенал, и оружие в той или иной степени готовности. Но знаменитыми стали две его фотографии — «Андрей Петров Калганов. Бывший мастер завода» и «Три поколения: А. П. Калганов с сыном и внучкой».

К первой Прокудиным-Горским дано примечание: «На службе был 55 лет; от роду 72 года. Имел счастье подносить хлеб-соль Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II». Государь посетил Златоуст 30 июня 1904 года в связи с отправкой на русско-японский фронт двух пехотных полков, сформированных на базе Мокшанского резервного батальона. В Златоусте устроил смотр полкам и посетил Свято-Троицкий собор. Сохранилась и фотография: на златоустовском вокзале, по словам репортера «Нивы», «Император... соблаговолил

принять хлеб-соль от представителей дворянства, земства и сельских обществ златоустовского уезда, от златоустовского городского управления и мещанского общества, а также от представителей управления и рабочих казенных горных заводов». В человеке, протягивающем хлеб Николаю, трудно признать Калганова, однако нельзя отрицать, что он был представителем от казенных горных заводов. Впрочем, в той же «Ниве» (1904, №29) есть снимок, на котором в числе столь же многолюдной делегации Калганов стоит прямо перед царем. Правда, без каравая. Благодаря тому, что наш герой столь удачно отметился в истории, мы знаем некоторые детали его биографии. На сайте города Златоуста сказано, что Андрей Петрович Калганов происходил из сельских обывателей. Службу начал в качестве мастерового в 1853 году, в мастера был переведен в 1859-м. Занимаясь лакировкой кожаных ножен для холодного оружия, преимущественно для офицерских шашек, проявлял усердие и был неоднократно поощрен начальством. Первой его наградой в 1897 году был мастерский кафтан, являвшийся знаком отличия (в нем он на снимке). Затем старший мастер был награжден малой и большой серебряными медалями — также за усердную работу (и действительно: на шее Калганова мы видим серебряную медаль «За усердие» с профилем Николая II на Владимирской ленте, левее на груди — золотую медаль «За усердие» с профилем Александра II). Один раз старший мастер кожано-лакировального цеха был под следствием и судом за неправильное начисление зарплаты рабочим, но его оправдали.

Второй снимок, на котором мы вновь видим Андрея Петровича, по-своему не менее замечателен. К нему также есть отдельный комментарий Прокудина-Горского: «Три поколения: А. П. Калганов с сыном и внучкой. Двое последних работают в мастерских Златоустовского завода». Отметим, что далекий Златоуст уже продувают ветра современности: Андрей Петрович еще при окладистой бороде и пожалованном ему кафтане, а его сын и внучка одеты уже по-западному. Позируют они, стоя между зданиями Оружейной фабрики и Арсеналом спиной к городской площади. Сторожки на заднем плане уже нет, а кованая узорчатая ограда с воротами («Бастенькие ворота»), заметная дальше, сохранилась до наших дней. На площади слева можно разглядеть деревянное здание кинотеатра «Лири», а справа виден дом, где в наше время размещен главный корпус часового завода.

Известно, что значительную часть коллекции Прокудина-Горского удалось вывезти за рубеж спустя некоторое время после его незапланированной эмиграции. Долгие годы она не могла найти себе места, немецкую оккупацию провела в сырых парижских подвалах, а в 1948 году была продана наследниками Сергея Михайловича Библиотеке Конгресса США. Время ее «открытия», сканирования и появления в интернете еще не наступило, но в 1987 году на волне советской перестройки, внушавшей миру большие надежды, президент США Рональд Рейган подарил генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву фотопластину именно этого снимка — «Три поколения...». Лишь неразгаданной тайной русской души (в том числе и душ столичных чиновников) можно объяснить отправку этого раритета в Нижнетагильский краеведческий музей, где он хранится по сей день.

На Урал Прокудин-Горский вернется почти через год, и следующим летом будет снимать Уфу, реку Сим, Юрюзань, Катав-Ивановский завод, Сатку, Бакал и окрестности Златоуста. Но за этот год произойдет немало важных для Сергея Михайловича событий. Прежде всего станет очевидным, что затеянную эпопею — запечатлеть всю Российскую империю в образах и лицах на собственные средства — фотограф осуществить не сможет. Почему же государь не взялся финансировать проект, которым сам был столь воодушевлен? Обратимся за разъяснениями к воспоминаниям самого Сергея Михайловича: «Государь ничего не сказал, потому что я ни о чем не просил. Министр ничего не говорил, потому что на это не было высочайшего повеления, а я считал, что предоставленные мне возможности в достаточной степени двигают меня по пути достижения моей задачи, а отчасти и даже опасался испортить дело». Однако реальность оказалась таковой, что каждая фотография обходилась Прокудину-Горскому в 10 рублей, за год предполагалось сделать около тысячи снимков, и денег на это не было. Обработка и описание уже отснятого материала занимали все время, не оставляя его ни на другие заработки, ни даже на издание «Фотографа-любителя»: подписку на 1910 год отменили, и Сергей Михайлович оставил пост редактора журнала.

На тот момент не было ясности и с правами мастера на отснятый материал: поданная в 1908 году «Записка об авторском праве фотографа» не получила движения. Учитывая заинтересованность Николая II, можно было рассчитывать, что пластины будут куплены государством, отчасти это решало бы финансовую проблему, но не проблему времени: систематизация и описание (а то и хранение материала) так или иначе ложились на плечи фотографа. Все эти задачи предстояло решать, но пока следовало показать результат заинтересованным лицам. В дневнике Николая II за 20 марта 1910 года читаем: «Чудный солнечный день. Утром успел погулять. Хорошо погулял и поработал. В 7 часов пошли ко всеобщей с поклоном к Св. Кресту. После обеда знакомый нам по прошлому году Прокудин-Горский показывал нам свои красивые снимки цветной фотографии из поездки по России до Урала». Об этой встрече вспоминал и сам герой дневниковой записи: во время перерыва он обратился к царю с предложением использовать снимки в образовательных целях — для школ и народных аудиторий. «На это Государь ответил мне буквально следующее: “Я буду рад, если сверстники моего сына будут изучать и познавать нашу великую родину по сделанным Вами снимкам”».

Готовность государя пригласить очень кстати. Новыми лозунгами прогрессивной русской педагогики становятся: «Искусство — в школу», «Наглядность — главный педагогический прием». Московский издатель детских книг И. Н. Кнебель становится инициатором издания школьных пособий «Картины по русской истории», «Города России», «Картины по географии России». К работе привлечены лучшие художники того времени: В. А. Серов, В. В. Васнецов, И. Е. Репин, Б. М. Кустодиев, Н. А. Бенуа, Н. К. Рерих и другие. Большую часть этих изобразительных материалов для школ печатала типография Товарищества Р. Голике и А. Бильборг, с которой Прокудин-Горский не раз сотрудничал.

Остается только вернуться к делу, заручившись поддержкой властей. Перед началом очередной экспедиции, к началу лета 1910 года, Сергей Михайлович обращается к министру финансов В. Н. Коковцеву с просьбой выкупить у него выполненную часть работы и этим обеспечить ее продолжение. Забегая вперед, скажем, что обращение Прокудина-Горского к Коковцеву в случае благоприятного разрешения могло бы иметь самые благотворные последствия для Сергея Михайловича. По крайней мере, это обеспечило бы его средствами продолжать работы. «Дело Канцелярии Совета министров о приобретении в казну составляемой профессором Прокудиным-Горским коллекции фотографических снимков достопримечательностей России» хранится в Российском государственном историческом архиве в Петербурге и состоит из множества документов. Советом министров по этому делу была создана «Межведомственная комиссия», и ее «Заключение» звучит очень оптимистично: «Когда картина С. М. Прокудина-Горского будет устроен широкий доступ в наши учебные заведения, то у нас окажется образцовое, истинное родиноведение, и в этом важном и необходимом деле Россия займет завидное положение между культурными странами». Была составлена смета, проведены расчеты, определены суммы. Но тут случилось 5 (18) сентября 1911 года — в Киеве убили П. А. Столыпина. И вопрос о приобретении государством коллекции Прокудина-Горского был отложен на неопределенное время. Получилось — навсегда.

Однако летом 1910 года планов у Сергея Михайловича много, а перспективы кажутся вполне радужными. Он подает прошение о выдаче ему «открытого листа» для съемок достопримечательностей, храмов и монастырей, и 7 июня его прошение удовлетворено.

В 1910 году Прокудин-Горский совершает два путешествия по Волге, запечатлев ее от самых истоков до Нижнего Новгорода и от Волговерховья до Твери.

Летом 1910 года он вновь оказывается на Урале, начиная вторую свою экспедицию с Уфы. Он фотографирует панорамные виды, города, мосты, церкви, мечети, достопримечательности окрестностей. Затем по железной дороге едет вдоль реки Сим, останавливаясь на станциях, запечатлевая ущелья, поросшие лесом горы, отвесные скалы и даже вид на Миньярский, а затем и Симский заводы, досадную приметку цивилизации, подпортившую безупречный пейзаж. Суровые горы вдоль русла уральских рек совсем не похожи на беспечное луговое оформление их среднерусских товарок. Полагаем, годом раньше, на станции Вязовая, фотографа в не меньшей степени изумил и снег, покрывавший 12 сентября еще не пожухшую зелень.

На пути Прокудина-Горского много заводов, оно и неудивительно: Урал. Здесь выплавляют чугун, сталь, выделывают железо, изготавливают железнодорожные рельсы. Добравшись до Сатки, Сергей Михайлович посещает Саткинский завод, который в начале XX века производил чугун, сталь и артиллерийские снаряды. Основанный в середине XVIII столетия, сменив нескольких хозяев, в 1811-м он перешел в казну. Завод окружен рудниками, обеспечивающими его работу, и поселениями. При первом взгляде на снимки Прокудина-Горского, сделанные

Работа на Бакальском руднике.

1909 г.

Механическая мастерская для отделки
художественного литья Каслинского завода.

1909 г.

Рыболов на реки Исети.
[Близ Каменского завода].

1909 г

За пряжей.
В деревне Изведово.

1910 г.

на рудниках, конечно, в голову приходят мысли о каторжном труде, причем не в переносном смысле. Однако перед нами не каторжане. Приглядимся к фотографии «Работа на Бакальском руднике». Разработка этого месторождения началась во второй половине XVIII века, и довольно скоро выяснилось, что оно — одно из самых больших и богатых в мире. В этом трудно усомниться: мужики копают совершенно красную, богатейшую железом породу — копают просто лопатами. Никаких пробитых штолен, сложных приспособлений: бурый железняк лежит просто на поверхности. Женщины, строго говоря, вообще не работают: одна удерживает лошадь, другая сидит у примуса с чашкой наизготовку. На каторжных работах мужчин и женщин, как правило, разделяли. Здесь мы не видим даже служивого человека, присматривающего за предположительными каторжанами. Известно, что при рудниках часто строились поселения. Так, у реки Большая Сатка было селение Ветлуга, его полная тезка располагалась близ Златоуста.

В конце XVIII века сюда были завезены крепостные, купленные в Ветлужской округе Костромского наместничества. Крепостное право отменили, а поселки остались, остались и их жители, годами работавшие на рудниках. Известно, что при Бакальском руднике тоже был поселок: Бакал. Сейчас на его месте — одноименный город.

Рудники часто переходили из рук в руки и становились предметом имущественных споров. В «Иллюстрированном путеводителе по Уралу» В. А. Весновского от 1904 года читаем: «Бакальские рудники были казенными и принадлежали Саткинскому заводу, а расположенные в том же районе Тяжелые рудники принадлежали Балашовым — владельцам Симских заводов». Однако в некоторых других источниках и Тяжелые рудники поминаются как казенные, принадлежащие Саткинскому заводу. Принадлежность рудника тому или иному крупному хозяину не возбраняла держать и «свои», семейные предприятия. Исследователи утверждают, что на Бакальском руднике такой был. Возможно, на снимке Сергея Михайловича мы видим участников этого «семейного подряда».

Тяжелый рудник, на котором сделан второй снимок, был частью Бакальских и находится на горе Иркускан. Обжиг руды — часть металлургического процесса: для обжига и собрана вся эта масса разнокалиберного леса. Тяжелый рудник — победнее Бакальского: земля здесь не такая красная. С другой стороны, мы видим не сам рудник, а его, с позволения сказать, отроги. Надо думать, что все эти мужики — подуставшие, напряженные, не улыбочивые — тоже жители окрестных поселений. Некоторые, возможно, и крестьяне на отхожем промысле (в лаптях), некоторые изрядно огорожанились: на них картузы. Справа в первом ряду сидят определенно начальники, но опять же: они приглядывают за работой, а не стерегут заключенных. А вот третий слева — персонаж занятый, он резко выделяется на общем фоне: на ногах не сапоги, а опорки (изношенные голенища обрезаны, ноги обмотаны тряпками — он здесь давно и вряд ли по своей воле), вид у него идейный и как бы отрешенный. Он не смотрит на фотографа, ему обрыдло все: и тяжелая работа, и этот человеческий сброд, и эти начальники, поставленные блюсти работоспособность его

тела, но не умеющие обуздать его вольный дух. Может, он-то как раз из ссыльных: отработал срок на рудниках и теперь переведен на поселение. Справедливости ради заметим, что и крайний слева смотрит в этой группе белой вороной.

Несомненно, довольно тяжелые впечатления Сергея Михайловича от съемок на рудниках были отчасти развеяны его последующим посещением горы Зюраткуль и соименного ей озера. Он возвращается в Сатку, едет дальше на восток и попадает в башкирскую деревню, которую в контрольных альбомах называет Эхья (сейчас это — Яхино). Конечно, за сто лет здесь многое изменилось, но приехавший в Яхино в августе 2008 года корреспондент газеты «Бельские просторы» Анатолий Чечуха был потрясен тем, сколь многое еще помнится. Разумеется, деревня населена в основном стариками. Многие они напрочь забыли, но вспоминают подчас неожиданные вещи. Старушка, ничего не признавшая на снимках самой деревни, узнала поворот, где Сергей Михайлович сделал фотографию «Стрелочник башкир [у Усть-Катава]». Проработав на этой дороге 18 лет, ошибиться она не могла. Таких поворотов с нависшими над полотном скалами на этом участке железной дороги было множество. Досужие пассажиры не только устрашались перекосов, изворотов самого пути и предположительных камнепадов — нередко были и упреки в адрес проектировщиков: вертели, мол, пути, чтоб больше верст накрутить и денег получить. Меж тем известно, что проектировщик участка «Уфа — Златоуст» Н. Г. Гарин-Михайловский (больше известный нам даже не как выдающийся путешественник, а как автор «Темы и Жучки» — отрывка из повести «Детство Темы») героически сражался с бюрократической системой и собственным начальством, добившись в итоге многомиллионной экономии.

Отыскался в Яхино и мулла — и охотно показал место, где некогда стояла одна из двух мечетей; она есть на снимках Прокудина-Горского. Мечеть простояла некоторое время и после революции: в ней жили солдаты, был клуб, потом его сломали. Разглядывая снимок башкирки в национальном костюме, местные, конечно, не смогли вспомнить, как ее звали, однако решительно приписали башкирку к семейству Ишмухаметовых и прояснили одну примечательную деталь ее костюма. Казалось бы, откуда у деревенской женщины столько монисто из серебра? Журналист прикинул общую его стоимость — рублей 40 — и отметил, что за такие деньги можно было проехать от Петербурга до Челябинска первым классом. Но местных это не удивило: ведь Ишмухаметовы держали пчел — это дело надежное и очень прибыльное. С фотографией связана еще одна занятная история. По сообщению «Российской газеты» (от 03.08.2017), жительница Уфы признала в башкирке с монисто свою прапрабабушку. Мы не можем с точностью утверждать, сидит на крыльце своего дома именно она, Фархиназ Бурханова, или та успешная

пасечница, о которой говорили жители деревни, но розыски, предпринятые ее возможными уфимскими потомками, позволяют нам узнать, как могла складываться жизнь женщины в далекой башкирской деревеньке: «Отважная женщина ходила в лес на охоту с ружьем и могла за один поход добыть десяток зайцев. Также она занималась кузнечным делом — подковывала лошадей, создавала украшения. Однажды сделала своей внучке перстень из медной монетки, рассказывают родственники. Кроме того, Фархиназ отличалась феноменальной памятью — знала наизусть произведения из башкирского эпоса и учила этому детей, любила сказки Пушкина. Между тем женщина отличалась крутым нравом — даже могла поколотить того, кто ее обидит. Вместе с мужем Шарафутдином, который когда-то был военным, они родили и вырастили четверых детей: трех сыновей и дочь, а те подарили им более 20 внуков. Сейчас уже многих нет в живых, однако оставшиеся члены большой семьи собирают по крупицам общую историю». Конечно, Фархиназ была женщиной необычной. Необычным был и ее союз: «Чего стоит тот факт, что круглый год с ружьем за плечами она ходила в лес на охоту и никогда не возвращалась без добычи... Шла домой, увешанная дичью. К ее возвращению муж Шарафутдин пек вкуснейшие блины и встречал добычицу во дворе с тарелкой выпечки и чашкой чая... Кроме охоты, Фархиназ занималась кузнечным делом. Во время строительства железной дороги Уфа — Златоуст получила госзаказ: заострять ломы для карьерных работ. За каждые 40 инструментов с ней рассчитывались мешком муки. Женщина с легкостью подковывала лошадей, а еще любила создавать медные украшения: кольца, броши, браслеты». Отметим, что на этой фотографии, породившей так много размышлений, есть еще одна приметная деталь: справа от крыльца, на котором сидит героиня, вдоль дома тянется «приступочка», и снимок обрывается частью чего-то целого, оставшегося за пределами фотографии. Эта часть живо напоминает оду гоголевского Ноздрева выдающейся «комкости лап» его суки.

Съемочный сезон 1910 года Прокудин-Горский завершает поездкой по Волге от Углича до Городца, а 6 декабря представляет директору департамента Государственного казначейства докладную записку, в которой указывает, что у него уже 1300 цветных снимков достопримечательностей России. Совет министров откликается 20 января 1911 года, соглашаясь, что «приобретение казной коллекции фотографических снимков вместе с относящимися к ним приборами было бы делом весьма полезным», а 22 января Сергей Михайлович вновь принят Николаем II и, согласно лаконичной записи императора, «показывал свои красивые снимки берегов Волги и Урала».

Меж тем, 1910 году оживились гидрологические изыскания на водных путях Среднего Урала. Вновь возрождался проект, замысленный еще в XVIII веке: «Сегодня прибыла правительственная комиссия... По проекту комиссии, бассейны Волги и Оби, через посредство Камы и Тобола, соединяются путем шлюзования рек Чусовой, Решетки и Исети с проведением шестиверстного канала, способного пропускать пароходы. Канал пересечет Екатеринбург, обращая, таким образом, этот

город в портовый. Стоимость сооружения этого водного пути исчислена в 70–100 миллионов рублей, при длине в 1500 верст. Стоимость оборудования одной версты пути исчислена в 46–66 тысяч рублей»¹⁶. Экспедиция инженера А. И. Фидмана предложила проект, предусматривающий постройку 117 шлюзов, 97 плотин и двух водохранилищ.

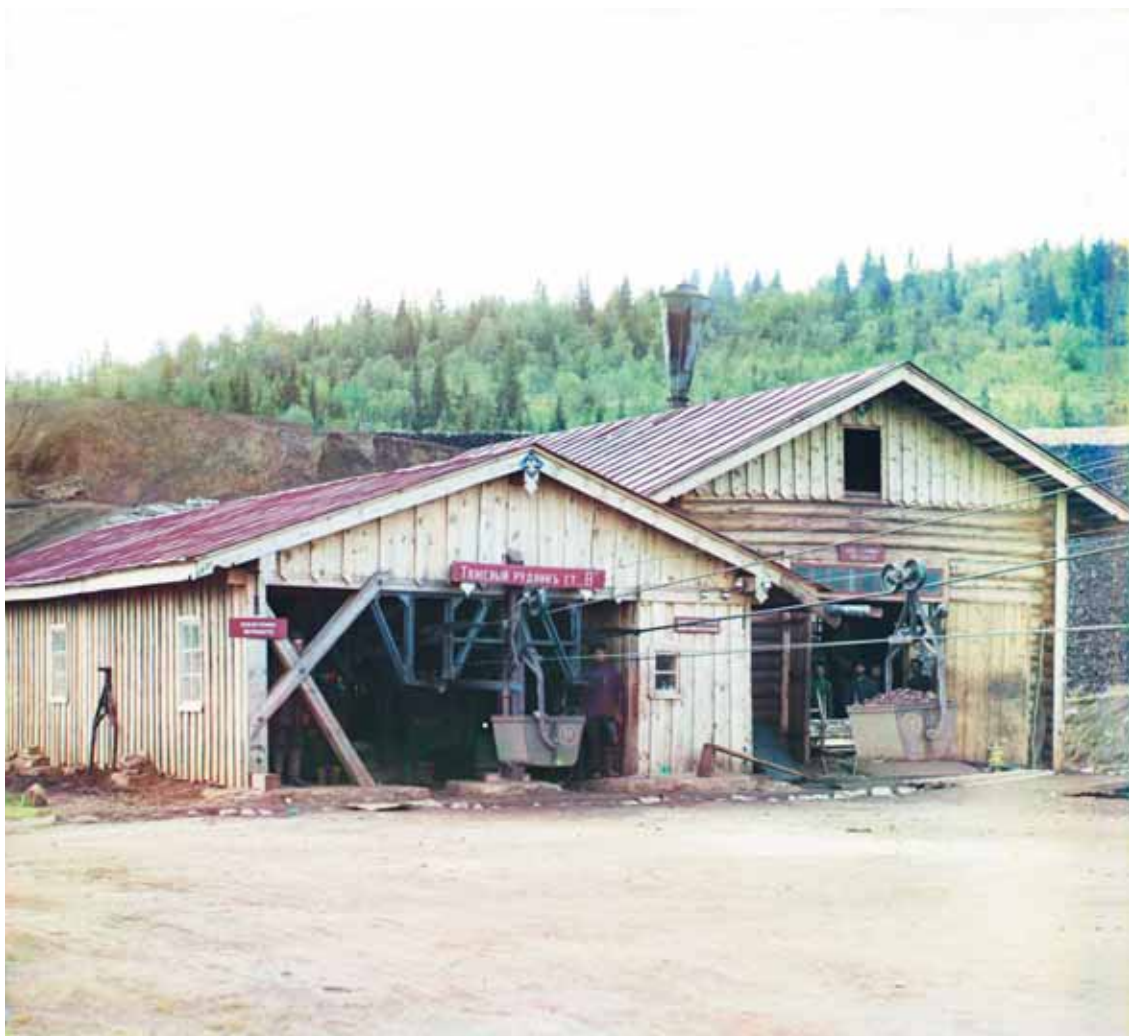
Проект рассматривался правительственной комиссией. На все это, конечно, потребовалось изрядно времени, и лишь летом 1912 года Сергей Михайлович снова едет на Урал. Уже знакомый нам министр путей сообщения Рухлов поручает ему отснять весь проектируемый путь. По Тоболу и Туре Прокудин-Горский будет перемещаться на колесном пароходе «Тюмень». Это, несомненно, служебный пароход, приписанный к Иртышскому участку Томского округа путей сообщения, но на некоторых снимках мы видим на его борту пассажиров. Иногда он не поднимает ведомственного флага — о причинах столь вольного духа остается только гадать. Зато на фотографии «Пароход «Тюмень» Министерства Путей Сообщения» мы можем разглядеть самого Сергея Михайловича — он сидит за столом на нижней палубе. А на снимке «Ночевка у камня на берегу Чусовой», помимо самого фотографа на первом плане, видим и его старшего сына Дмитрия — вон он, чуть поодаль, сидит среди еловых веток, пристроив в ногах ружье.

Всюду заметны активно ведущиеся работы — и наведение моста через Тобол, и стройка вдоль будущей железнодорожной ветки, но, как всегда, интересней детали. Перед нами село Дрянновское. На мосту — две любопытствующие жительницы, за ними дорога, обещающая привычную распутицу, дальше — дома. Почему в суровых сибирских условиях мы видим крыши, покрытые соломой? Исследователи творчества Прокудина-Горского полагают, что на крышах (а это, очевидно, крыши сараев и дворовых построек) сушится сено. Жерди, прикрывающие его, конечно, не обеспечивают ни малейшей защиты: ветер легко продувает все это нехитрое устройство, а значит, и служит оно отнюдь не для герметичности крыши. Сено именно сушится на крышах, и чем больше его тревожит сквозняк, тем скорее будет достигнут ожидаемый результат.

Мы видим еще одно определенно «постановочное» фото — крестьянки, мнущей лен. Специалисты Центра русской народной культуры «Лад» в городе Шадринске подтвердили, что наряд женщины характерен для жительниц Шадринского уезда. Однако так одевались к празднику. Обратите внимание на бусы, колечко на пальце, пояс с кистями, кружево по низу юбки, — да и весь замерший облик крестьянки и ее нарочито замершая рука — все свидетельствует о том, что женщина принарядилась, кадр выстраивали, чтобы он получился если не «открыточным», то вполне достойным стать иллюстрацией для учебника «родиноведения».

Особняком и некоторой загадкой стоит снимок, названный фотографом «Хижина поселенца Артемия по прозвищу Кота, живущего на этом месте более 40 лет». Мы уже встречались с поселенцами — в Голодной степи и в Мугани. Кот не похож ни

¹⁶ Газета «Русское слово», 6 (23) июля 1910 г.

Подвесная железная дорога с Тяжелого рудника.

1910 г.

Пароход «Тюмень»
Министерства Путей Сообщения.

1912 г.

Башкир у своего дома.
Деревня Яхья.

Лето 1910 г

Башкирка в национальном костюме.
Деревня Яхья.

1910 г.

на кого из них: нет семейства, нет обустроенного хозяйства: какой-то лесной отшельник. Да и сомнительно, чтобы он прожил в этом шалаше 40 лет, ведь зимы тут стоят нештучные. Скорее всего, Кот Артемий уходит в лес на лето. Такой отхожий промысел был весьма распространен: кто-то бортничал, кто-то охотился, Артемий плетет короба. И делает это неплохо — ну да за 40 лет руку набил. Огромный короб — возможно, для картошки. При таком умении мог бы Артемий и крышу себе сплести, но нет: бревна, древесная кора, доски, кирпич на скате «крыши»... Никакой Кот не отшельник, с деревней у него исправные отношения, наверняка там и дом у него есть. А вот отчего мужик на все лето уходит в эту времянку, да еще и позирует с таким скорбным лицом поди узнай. Нрав, наверно, неуживчивый и независимый, за то и прозвище получил. А Камскоуральский водный путь так и не был построен. К проекту возвращались и в советское время, но поскольку Чусовую не удалось сделать судоходной, дело ограничилось постройкой Волчихинского водохранилища, соединенного каналами с Исетью. Фактически соединяя бассейны Волги и Оби, оно обеспечивает водой Екатеринбург питьевой водой.

Октябрьская революция 1917 года не отняла у Сергея Михайловича ни жизни, ни состояния (кроме коллекции, у него, в сущности, ничего и не было), ни даже признания и славы. Он вошел в состав оргкомитета Высшего института фотографии и фототехники, демонстрировал свои снимки широкой публике на «Вечерах цветной фотографии», был обласкан Луначарским и примечен Лениным — «полезного специалиста» включили в состав Коллегии по заготовлению государственных бумаг: его опыт работы с цветной печатью был бесценен.

Но как же мечта — познакомить с красотой необъятной России детей, молодежь, разбудить в них чувство прекрасного, позволить коснуться опыта ушедших поколений, вещественно запечатленного на фотоснимках? Она могла осуществиться. В августе 1918 года Прокудин-Горский едет в Норвегию: Наркомпрос поручил ему закупить проекционное оборудование для низших школ. Но в Норвегии все делалось медленно, а в России, напротив, перемены происходили ежечасно. Началась Гражданская война, и Сергею Михайловичу вернуться в Россию не пришлось.

И лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств, чудес и до сих пор неразгаданных тайн мы можем смотреть сегодня на сделанные им снимки, по крохам, нитям, деталям восстанавливая Россию, которая ушла безвозвратно и навсегда. Но в то же время благодаря Прокудину-Горскому навсегда осталась с нами такой, какой великий мастер запечатлел эту огромную империю на своих бесценных фотографиях.

Стрелочник башкир близ станции Усть-Катава.

Лето 1910 г.

Паровоз «Компаунд» с пароперегревателем Шмидт.
У депо в Перми.

1909 г.

Три поколения. А. П. Калганов с сыном и внучкой.
Двое последних работают в мастерских Златоустовского завода.

Осень 1909 г.

Крестьянка мнет лен.
Пермская губерния.

1910 г.

На реке Сим. У станции Маньяр.
Урал.

1910 г.

Профиль строящегося через Тобол железнодорожного моста.

1912 г.

Железнодорожные постройки
Шадринск-Синарской ж. д. в городе Шадринске.

1912 г.

Село Дрянновское в 25 верстах от города Шадринска.

1912 г.

Хижина поселенца Артемия по прозвищу Кот,
живущего на этом месте более 40 лет.

1912 г.

Вид с задней площадки у станции Симская
Самаро-Златоустовской ж. д. от Челябинска.

Осень 1909 г.

Иллюстрированное издание

Фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский Российская империя в цвете. Лица России

Идея проекта *Юрий И. Крылов*
Заведующая редакцией *Юлия Данник*
Руководитель направления *Татьяна Чурсина*
Ответственный редактор *Наталья Тихомирова*
Макет и оформление обложки *Григорий Калугин*
Подбор иллюстраций *Гелена Слабко*
Компьютерная вёрстка *Григорий Калугин*
Корректор *Ольга Егорова*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*

Издание имеет значительную историческую / художественную / культурную ценность для общества. В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ знак информационной продукции не ставится.
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги и брошюры.

Подписано в печать 12.11.2018. Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 15,6.
Печать офсетная. Гарнитура PF Centro Serif Pro. Бумага мелованная.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры ТР ТС 007/2011

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2018 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru
Наш электронный адрес: WWW.AST.RU, ogiz@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., За, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92
Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

Имя изобретателя, химика, фотографа Сергея Михайловича Прокудина-Горского (1863–1944) занимает особое место в истории русской цветной фотографии. Сохранившаяся часть его знаменитой «Коллекции достопримечательностей Российской империи» ныне находится в Библиотеке Конгресса США.

Это своеобразная энциклопедия безвозвратно ушедшей эпохи. Многие памятники прошлого, запечатленные фотографом, мы можем видеть только на его снимках. Нет уже тех ремесел, обычаев, того житейского уклада, а главное, тех людей — живых свидетелей и участников мирных, военных и предреволюционных событий, произошедших в далекой Российской империи в начале XX века.

книги для любого настроения здесь

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

www.ast.ru | www.book24.ru

 vk.com/izdatelstvoast
 instagram.com/izdatelstvoast
 facebook.com/izdatelstvoast
 ok.ru/izdatelstvoast

ISBN 978-5-17-110711-6

9 785171 107116